

Обычаи старой Англии

Ф. Дж. Снелл

The Customs of Old England

F. J. Snell

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of The Customs of Old England.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Customs of Old England

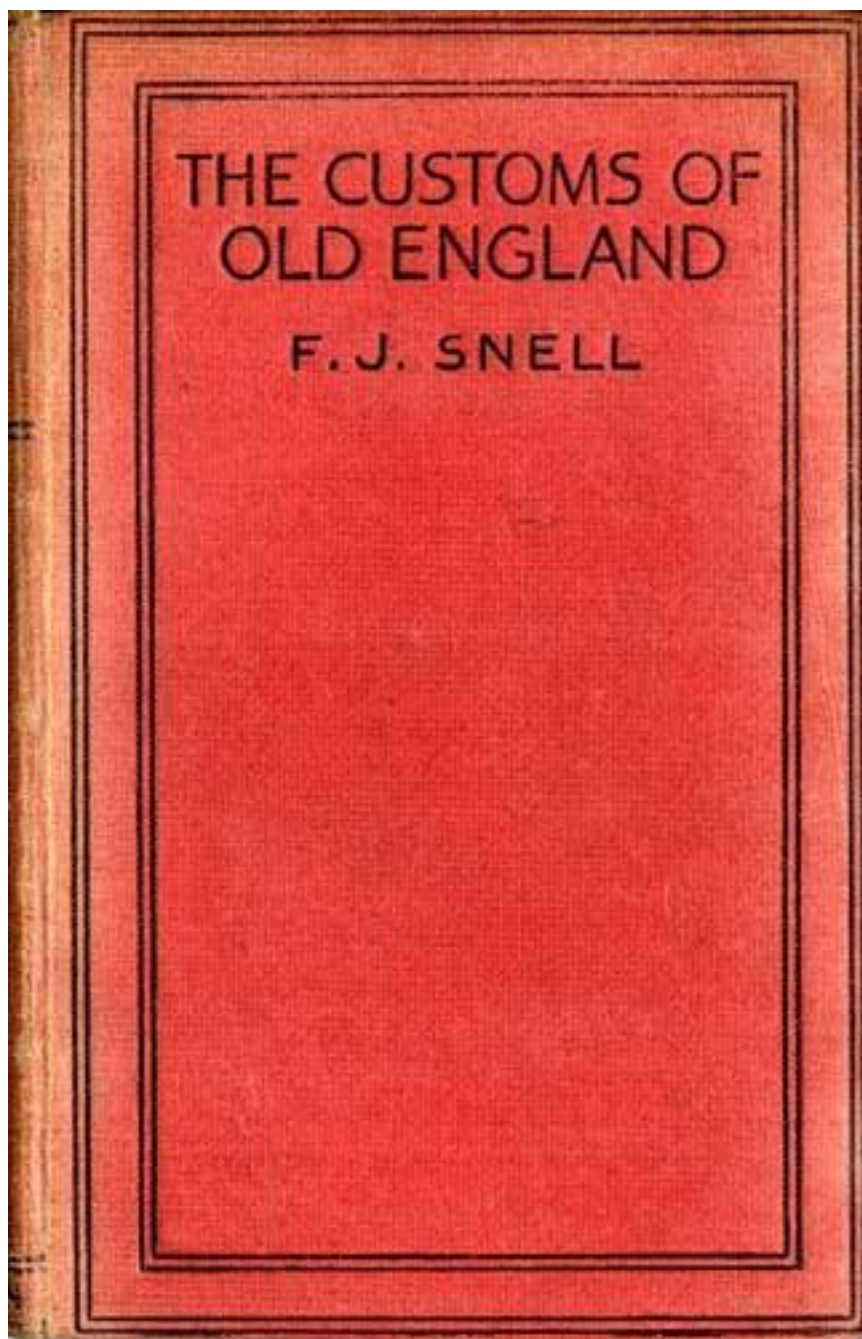
Автор: Ф. Дж. Снелл

Дата выхода: 7 августа 2006 [eBook #19004]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Луизой Прайор, Джанет Бленкиншип и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE CUSTOMS OF OLD ENGLAND ***

ОБЫЧАИ СТАРОЙ АНГЛИИ

Ф. ДЖ. СНЕЛЛ

METHUEN & CO. LTD.
36 ESSEX STREET W.C.
LONDON

Впервые издано в этой дешевой форме в 1919 году

Эта книга была впервые опубликована (Crown 8vo) 16 февраля 1911 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель настоящего тома - рассмотреть древнеанглийские обычаи не столько в их живописном аспекте - хотя и этот элемент не является лишним, - сколько в их фундаментальных отношениях к организованной жизни Средневековья. Отчасти по этой причине, а отчасти потому, что работа сравнительно небольшая, она охватывает только те обычаи, которые имеют национальное (а в некоторых случаях и международное) значение. Писатель слишком скромен, чтобы представить ее как научное изложение основных принципов средневековой цивилизации. Он прекрасно понимает, что книга, созданная в таком скромном масштабе, должна быть более или менее эклектичной. Он осознает многочисленные пробелы - *valde deflenda*. И все же, несмотря на пропуски, он надеется, что после ее прочтения читатель сможет составить несколько более четкое представление о мире, каким он представлялся среднестатистическому образованному англичанину в Средние века. Это наводит на мысль, что читатель, о котором идет речь, - это средний образованный англичанин двадцатого века, который, возможно, не забыл латынь, ибо латынь имеет свойство прилипать, в то время как греческий, если его не лелеять, отпадает от человека.

Материалы, из которых состоит эта работа, были почерпнуты из самых разных источников, и автор почти отчаялся сделать адекватные благодарности. В течение последних лет восхитительные статьи, связанные с изучением средневековых отношений, время от времени публиковались в таких научных периодических изданиях, как "Archæologia", "Archæological Journal", "Antiquary" и т.д., где, будучи зажатыми между другими статьями другого характера, они были потеряны для всех, кроме антикваров со всеядным аппетитом. Конечно, среднестатистический образованный англичанин не отправится на их поиски, но можно предположить, что он оценит предоставленную ему возможность получить просвещение, пусть и не в том полном и совершенном смысле, который был бы возможен, если бы жизнь была менее короткой, а искусство не таким долгим. То же самое можно сказать и о книгах, с той лишь разницей, что если в статьях информация обычно спрессована, то в некоторых книгах, по крайней мере, ее приходится вычленять из массы не относящихся к делу сведений без какой-либо помощи указателей. Если писателю удалось выполнить свою задачу - сделать для читателя то, что при других обстоятельствах он мог бы сделать для себя, - то многие утомительные часы будут потрачены не зря, и самыми утомительными, вероятно, будут те, что посвящены составлению указателя, которым эта книга, независимо от ее достоинств или недостатков, не обделена.

Однако одних общих слов недостаточно; необходимо подумать и о личной стороне дела. Великая серия "Хроники и мемориалы" обслуживалась многими компетентными редакторами, но ни один из них не был более компетентен, чем господа Райли, Хорвуд и Энсти, чьим введениям и текстам писатель глубоко обязан. История английского права Ривза еще не устарела; а "Избранные документы Средневековья" мистера Э. Ф. Хендерсона и "Орден койфа" покойного мистера Сержанта Пуллинга, хотя и сильно различаются по объему, оба являются чрезвычайно полезными изданиями. Введение мистера Полларда к

подборке пьес о чудесах, изданной Кларендонским издательством, содержит всю суть этой интересной темы, а "Йоркские пьесы" мисс Тулмин Смит и "Английская религиозная драма" мисс Кэтрин Бейтс будут ценными справочниками. Возможно, наиболее реалистичное описание чудо-пьесы представлено на нескольких страницах "Английских писателей" Морли, где сцена живет перед глазами. За дополнительные подробности в этом и других контекстах писатель обязан покойного доктора Брашфилда, который привнес в местные документы свет здоровой и широкой образованности. Аналогичную дань уважения следует отдать и преподобному доктору Коксу, но, учитывая его длинный и растущий список важных работ, это утверждение выглядит несколько нелепо.

Один из лучших очерков о моргах принадлежит перу покойного каноника Рейна в одном из ранних томов Общества Суртиса, но писатель особенно обязан вкладу преподобного Дж. Херста в "Археологический журнал". Следует упомянуть статью покойного мистера Андре об обетницах и исчерпывающий рассказ мистера Ивлина-Уайта о Бой-Бишопе, а также, чтобы не забыть, "Историю английской торговли" д-ра Каннингема. Доклад покойного мистера Ф. Т. Элворти о Хью Родсе привлек внимание к детям капеллы, а Дом. Х. Ф. Физей указал путь к Леди Фаст. Здесь и далее автор дополнял свои авторитеты, опираясь на собственные знания и исследования. Можно добавить, что во многих случаях долг перед способными учениками (например, сэром Джорджем Л. Гоммом) был выражен в тексте и не нуждается в повторении. Наконец, было бы неблагодарностью, равно как и бесчестием, не признать некоторого долга перед трудами достойной миссис Браунлоу, мисс Этель Лега-Уикес и мисс Гиберн Сивекинг. Дамы сейчас вторгаются во все сферы интеллекта, но детали университетского костюма были предоставлены серьезными и действительно сложными исследованиями профессора Э. Г. Кларка.

F. J. S.

Тивертон, Северный Девон,
22 января 1911 г.

ОБЫЧАИ СТАРОЙ АНГЛИИ

СОДЕРЖАНИЕ

ЭККЛЕЗИАСТИЧЕСКАЯ

I. ЛИГИ МОЛИТВЫ	11
II. КЛЯТВЫ	18

III. ЛЕДИ ФАСТ	27
IV. ДЕТИ ЧАСОВНИ	32
V. МАЛЬЧИК-ЕПИСКОП	39
VI. ИГРЫ В ЧУДЕСА	51
АКАДЕМИЯ	
VII. МИЛОСТЫНИ И ЗАЙМЫ	61
VIII. ПРИВИЛЕГИИ	71
IX. ОБЩАЯ СТУДИЯ"	91
СУДЕБНЫЙ	
X. ОРДЕН КАФТАНА	115
XI. СУД БОЖИЙ	127
XII. ВНЕ ЗАКОНА	150
УРБАН	
XIII. НЕЗАВИСИМОСТЬ ГОРОДА	167
XIV. ЗНАМЯ СВ. PAUL	187
XV. БОЖЬЯ КОПЕЙКА	195
XVI. КУПЕЦ И ЕГО МАРКА	200
ДЕРЕВЕНСКИЙ	
XVII. РУСЬ В УРБЕ	204
XVIII. СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ	216
ДОМАШНИЙ	
XIX. РЕТИНУСЫ	238
ИНДЕКС	249

ЦЕРКОВНЫЙ

ГЛАВА I

ЛИГИ МОЛИТВЫ

Работа, в которой предполагается рассматривать старые английские обычаи в широком репрезентативном контексте, представленном в настоящем томе, естественно, начинается с выбора тех, которые относятся к самому древнему и почтенному институту страны - Церкви; и почти так же естественно, что она берет свой первый цветок из жизни, с которой наши

предки были тесно связаны и которая была известна им, в особом и превосходном смысле, как религиозная.

Обычай, которому отведена почетная должность, представляет собой удивительный и разнообразный интерес. Он возвращает нас в далекое прошлое, когда англичане, движимые новорожденным пылом, посылали факел веры своим немецким сородичам, все еще погруженным во мрак традиционного язычества; и ему суждено было закончиться, когда пример тех же немецких сородичей побудил наших соотечественников сбросить иго, которое долгое время было для них обременительным и находилось в резком противоречии с их патриотическими идеалами. В задачи этих антикварных исследований не входит ведение полемики, но будет удивительно, если красота и пафос обычая, который привлечет наше внимание, не привлекут многих, кто не желал бы его возрождения в наш век и в нашей стране.^[1] Характерный для мыслей и привычек наших предков, он не менее характерен для их места и доли в общей системе западного христианства и в наследии человеческих чувств, поскольку почитание мертвых характерно для всех, кроме самых деградировавших рас человечества. О том, что взаимное поминовение усопших, а также живых, не было исключительным явлением в этой стране, говорит тот факт, что наиболее научным и полным трудом по этому вопросу, в его христианском и средневековом аспектах, является книга Эбнера "Die Klosterlichen Gebets-Verbrüderungen" (Regensburg and New York, 1890). Это обстоятельство, однако, ни в коем случае не умаляет, а скорее усиливает интерес к обычаю, на века укоренившемуся в сознании и культуре английского народа.

Для начала, возможно, стоит посвятить отдельный абзац фразам, применяемым к этому институту. Название главы - "Лиги молитвы", но было бы просто заменить его любым из полудюжины других - менее определенных, правда, санкционированных прецедентами церковных писателей. Одним из терминов является "дружба", и святой Бонифаций в своих письмах, посвященных этой теме, безразлично использует однокоренные выражения "знакомство", "милосердие" (или "любовь"). Иногда он говорит об "узах братства" и "товариществе". Преподобный Беда предпочитает слово "общение". Алкуин в своих посланиях чередует более точное описание "договоров милосердия" с более расплывчатыми выражениями "братство" и "знакомство". Последнее он использует очень часто. Слава Кюни как духовного центра привела к тому, что термин "братство" стал предпочтительнее, а с XI века он стал общеупотребительным.

Привилегия братского союза с другими религиозными общинами очень ценилась, и просьба о приеме была выражена на языке одновременно смиренном, красноречивом и трогательно искреннем. Преподобный Беда умоляет монахов Линдисфарна принять его как своего "маленького домашнего раба" - он желает, чтобы "и мое имя" было вписано в реестр святой паствы. Много раз Алкуин заявляет о своем желании "заслужить" быть одним из членов какой-либо общины, общающейся в любви; в письмах аббатствам Гирви и Уэрмут он не забывает напомнить им о "братстве", которое они ему даровали.

Термин "брат" в некоторых контекстах имел особое значение того, кому были гарантированы молитвы и духовные блага монастыря, отличного от того, членом которого он был, если, как это было не всегда и не обязательно, он был включен в религиозный орден. Определение, приведенное Дюканжем, который цитирует диптих аббатства Бат, доказывает, насколько широкое поле охватывает этот термин, даже если он ограничивается конфедеративной молитвой:

"Fratres interdum inde vocantur qui in ejusmodi Fraternitatem sive participationem orationum aliorumque bonorum spiritualium sive monachorum sive aliarum Ecclesiarum et jam Cathedralium admissi errant, sive laici sive ecclesiastici".

Таким образом, светское духовенство и миряне были признаны имеющими полное право на все преимущества этой высокой привилегии, но в основном она отождествляется с функциями регулярного духовенства, чье безбедное и спокойное существование было более созвучно пунктуальному соблюдению обычая, и кем он передавался последующим поколениям как похвальная и назидательная практика, предполагающая большое утешение для живых и, можно надеяться, истинную помощь для благочестивых мертвых.

В той мере, в какой этот обычай был основан на каком-либо конкретном тексте Писания, можно считать, что он опирается на увещание святого Иакова, которое цитирует святой Бонифаций: "Молитесь друг за друга, чтобы спастись, ибо много дает действенная горячая молитва праведника". Святой Бонифаций запомнился как апостол Германии, и когда в начале восьмого века он отправился в свою опасную миссию, он и его компания заключили договор с королем Восточных Англов, по которому монарх обязался возносить молитвы от их имени во всех монастырях, находящихся в его владениях. В случае смерти членов братства весть об этом должна была передаваться их братьям в Англии, как только представится возможность. Бонифаций не только заключил молитвенные союзы с архиепископами Кентерберийскими, главами и монахами Винчестера, Вустера, Йорка и т. д., но и установил аналогичные связи с Римской церковью и аббатством Монте-Кассино, обязавшись передавать имена своих почивших братьев для их поминовения и заступничества, а также обещая молитвы и мессы за их братьев при получении извещения об их кончине. Луллус, ставший после святого Бонифация архиепископом Майенским, и другие англосаксонские миссионеры расширили границы конфедерации, связав себя с английскими и континентальными монастырями - например, с Зальцбургом. Вунибальд, племянник святого Бонифация, подражая примеру своего дяди, связал себя с Монте-Кассино. Можно добавить, что во времена Алкуина Йорк был в союзе с Ферьером, а в 849 году отношения между аббатством и собором этого города и их друзьями на континенте были торжественно подтверждены.

Рассказав немного о младенчестве или юности этого обычая, мы можем теперь перейти к тому, что можно без неуважения назвать механизмом этого учреждения. Смерть какого-нибудь сановника, клерка, отличающегося добродетелью и образованностью, или простого монаха. После этого его имя записывается на полоске пергамента, которая оборачивается вокруг палки или деревянного валика, на каждом конце которого находится деревянный или металлический колпачок, предназначенный для предотвращения соскальзывания пергамента. После X века в определенные периоды - например, раз в год - имена умерших братьев несли в скрипторий, где их с величайшей точностью и благоговейным искусством заносили на могильный лист.

Следующим шагом был вызов гонца и закрепление свитка на его шее, после чего братья, собравшись группой у ворот, напутствовали его крестным знаменем. Эти чиновники были достаточно многочисленны, чтобы образовать отдельный класс, и сотни из них могли быть найдены одновременно идущими с одним и тем же благочестивым поручением через христианские королевства Запада, в которых они были по-разному известны как *geruli*, *cursores*, *diplomates* и *bajuli*. Мы можем представить, как они мчатся от одной церкви или одного аббатства к другому, неся свое скорбное послание, а когда Англия была пройдена, пересекали узкие моря, чтобы продолжить свое печальное дело на континенте. В каком бы месте он ни остановился, гонец мог рассчитывать на сочувственный прием; в каждом

монастыре свиток, снятый с его шеи, зачитывался собравшейся братии, которая в соответствии со своими обязательствами приступала к торжественному песнопению и панихиде по умершим. На следующий день гонец отправился в путь, щедро снабженный провизией для следующего этапа.

Монастыри часто пользовались возможностью, предоставляемой этими визитами, чтобы вписать имя какого-нибудь недавно умершего брата, чтобы не ждать отправки своей собственной ежегодной энциклики, и таким образом известить раньше, чем это было бы возможно, о смерти членов, за которых они желали молитв ассоциации.

Погребальные рулоны, многие образцы которых были найдены в национальных коллекциях - некоторые из них достигают пятидесяти или шестидесяти футов в длину - содержат строгие предписания, предписывающие, чтобы дом и день прибытия были записаны на рулоне в каждом монастыре, вместе с именем настоятеля, чтобы исключить любую неудачу со стороны гонца, измотанного усталостью или обескураженного трудностями и опасностями путешествия. Завершив путь, пергамент возвращался в монастырь, из которого он был отправлен, после чего проводилась проверка, чтобы по датам установить, было ли поручение выполнено должным образом. "После многомесячного отсутствия, - говорит доктор Рок, - гонец добирался до своей обители, неся с собой освещенную предсмертную записку, теперь уже полностью заполненную датами и элегиями, чтобы его настоятель убедился, что веление главы было выполнено должным образом, и библиотека дома пополнилась еще одним документом".

Один из даремских свитков имеет тринадцать ярдов в длину и девять дюймов в ширину. Состоящий из девятнадцати листов пергамента, он был выполнен после смерти Джона Бернби, приора Дарема, в 1464 году. Его преемник, Ричард Белл, который впоследствии был епископом Дарема и монастыря, распорядился распространить этот список, отмечающий добродетели покойного приора и Уильяма Эбчестерского, другого предшественника, по религиозным домам всего королевства; на нем записаны титулы, ордена и посвящения не менее чем шестисот двадцати трех человек. Каждый из них обязался молиться за души двух приоров в обмен на молитвы монахов из Дарема. Свиток открывается великолепной иллюминацией длиной в три фута, изображающей смерть и погребение одного из настоятелей; а у подножия находится формула: *Anima Magistri Willielmi Ebchestre et anima Johannis Burnby et animæ omnium defunctorum per Dei misericordiam in pace requiescant.*

В монастыре, который посетили первым, сделана следующая запись: *Titulus Monasterii Beatæ Mariæ de Gyseburn in Clyveland, ordinis S. Augustini Ebor. Dioc. Anima Magistri Willielmi Ebchestre et anima Johannis Burnby et animæ omnium defunctorum per misericordiam Dei in pace requiescant. Vestris nostra damus, pro nostris vestra rogamus.* Другие дома используют идентичные термины, за исключением монастыря Святого Павла, Ньюэнхем, Линкольншир, который заменяет заключительный стих гекзаметром аналогичного содержания. Интересно отметить, что, помимо гербовых или причудливых инициалов, о положении дома можно судить по почерку: названия больших монастырей написаны жирными буквами, а названия меньших представляют собой почти неразборчивые каракули. Большие дома могли содержать компетентного писца, а меньшие - нет; и, как полагают, именно в этом причина разницы.

Почти, если не совсем, таким же важным, как только что отмеченный, является список архиепископа Айлипа из Вестминстера, недавно воспроизведенный в *Vetusta Monumenta*.

После X века в некоторых монастырях, по-видимому, было принято фиксировать факт смерти члена монастыря; и в определенные периоды - вероятно, раз в год - имена всех умерших

братьев заносились в тщательно продуманный мортирный список в скриптории, а затем рассылались по религиозным домам по всей стране.

Книги братств делятся на два класса - некрологи и *libri vitae*. Первые имеют форму календаря, в котором имена расположены в соответствии с днями, в которые произошла смерть; вторые включают имена как живых, так и умерших и возлагались на алтарь, чтобы помочь памяти священника во время мессы. Дважды в день - на главе после обедни и на мессе - монахи собирались, чтобы послушать чтение имен, по отдельности или коллективно, из сакраментария, диптиха или книги жизни. Самая известная английская *liber vitae* - Дарема - включает записи, относящиеся ко времени Эдвина, короля Нортумбрии (616-633), и была составлена, по-видимому, в период между разрушением Линдисфарна в 793 году и уходом монахов с острова в 875 году. В первой рукописи насчитывается 3 100 имен, значительная часть которых относится к седьмому веку. Как уже говорилось, в списках живых и мертвых представлены разные степени - в первую очередь, конечно, благотворители, но в них записаны епископы и аббаты, князья и дворяне, монахи и миряне, и зачастую это их единственный след на песке времени. Имя паломника в книге братства любого аббатства означает, что он был там в указанный день.

ЦЕРКОВНЫЙ

ГЛАВА II

КЛЯТВЫ

Не совсем в стороне от темы, рассмотренной в предыдущей главе, находится обычай, преобладавший в Средние века, когда вдовы давали обет целомудрия. Возможно, эту тему можно было бы отнести к страницам, посвященным домашним обычаям, но признание, данное Церковью состоянию, которое не было ни монастырским, ни мирским, но в равной степени относилось к обоим состояниям, определяет его место в экономике данной работы. Мы должны рассмотреть его здесь.

Прежде чем обсуждать этот обычай в его историческом и социальном отношении, следует остановиться на той идейной почве, из которой он возник и в которой черпал силы и средства к существованию. Мы уже говорили о наследии человеческих чувств. Теперь есть множество доказательств того, что безразличие к браку вдов, которым отмечено наше время, не было всегда и везде. Напротив, среди широко разделенных рас такие соглашения вызвали глубокое отвращение, как разрушающие идеальный союз мужа и жены, а также, очевидно, свидетельствующие о гражданской неполноценности женщин. Представление о том, что женщина является собственностью своего мужа, соединенное с верой в бессмертие души, по-видимому, лежит в основе неприятия вторых браков, которые, согласно этой точке зрения, подразумевают степень свободы, близкую к безнравственности. Кульминацией долга и верности в жизни и смерти считается погребение индуистских вдов. В "Ману" нет предписаний по поводу такого огненного испытания, но изложены принципы, ведущие к этому проявлению бесполезного героизма: "Пусть она освятит свое тело, живя исключительно на цветах, кореньях и плодах. Пусть она, когда ее господин умер, никогда не произносит имя другого мужчины. Вдова, которая оскорбляет своего покойного господина, выходя замуж снова, навлекает на себя позор здесь, внизу, и должна быть исключена из места своего господина".

Подобное чувство пронизывало и раннюю Церковь. "Аргументом против брачных союзов, - говорит профессор Дональдсон, - было то, что Бог создал мужа и жену одной плотью, и одной плотью они оставались даже после смерти одного из них. Если они были одной плотью, то как к ним могла добавиться вторая женщина?" Конечно, он имеет в виду повторный брак мужа, но этот аргумент, чего бы он ни стоил, в равной степени относится к обеим сторонам. Древним примером отказа от брака может служить Юдифь, о которой сказано: "Она была вдовой три года и шесть месяцев, и устроила себе отдельную палату в верхней части дома, в которой жила, затворившись со своими служанками, и носила на чреслах своих одежду, и постилась во все дни жизни своей, кроме суббот и новомесечий и праздников дома Израилева; а в дни праздников выходила в великой славе, и жила в доме мужа своего сто пять лет".

Говорят, что орден вдов был основан или утвержден святым Павлом, который установил возраст приема в шестьдесят лет. Это утверждение, как можно предположить, возникло из-за отрывка из Первого послания к Тимофею, в котором апостол использует формулировку, которая, по крайней мере, была бы созвучна такому положению вещей: "Почитайте вдов, которые действительно вдовы..... Вдова же и пустыница уповает на Бога и пребывает в прошениях и молитвах день и ночь". Простая, но очень яркая эпитафия начертана на стене Ватикана:

OCTAVIÆ MATRONÆ VIDVÆ DEI.

Орден диаконисс, по-видимому, состоял основном из благочестивых вдов, и только те имели право на вступление, у кого был только один муж. Этот орден прекратил свое существование в одиннадцатом или двенадцатом веке, но обетчицы как класс продолжали существовать в Англии до потрясений шестнадцатого века, а в Римской церкви сохранились как класс с некоторыми изменениями в ордене Облатов, которые, как говорит Альбан Батлер в своем житии святого Франциска, "не дают торжественных обетов, только обещание повиноваться матери-президенту, пользуются пенсиями, наследуют имения и выезжают за границу с отпуском". Их аббатство в Риме заполнено дамами первого ранга.

Главным отличием диаконисс от вдов было обязательство первых совершать определенные внешние дела, в то время как вдовы давали обет оставаться до смерти в единственной жизни, в которой, как и монахини, они считались мистически связанными со Христом. Однако, в отличие от монахинь, обетчицы обычно несли бремя, возложенное на них предыдущим браком, управляя домашними делами и заботясь о благополучии своих потомков. Святая Елизавета Венгерская, хотя и обязалась следовать предписаниям своего духовника и получила от него грубую одежду из некрашеной шерсти, не стала монахиней, но, по его совету, сохранила свое светское сословие и занималась нуждами бедных. Но известны случаи, когда обетчицы удалялись от мира и его забот. Эльфледа, племянница короля Ательстана, решив провести остаток своих дней во вдовстве, поселилась в аббатстве Гластонбери; а 23 июля 1527 года настоятельнице Дартфорда было дано разрешение принять "любую вдову-матрону хорошего происхождения, с хорошей репутацией, для постоянного проживания в монастыре без обычая, согласно обычаю монастыря". Время от времени вдова полностью принимала религиозную жизнь, о чем свидетельствует надпись на латуни Джона Гудрингтона из Эпплтона, Беркшир, датированная 1519 годом, в которой говорится, что его вдова "постриглась в Сионском монастыре".

Положение обетниц в глазах Церкви можно проиллюстрировать разными способами. Например, гомилии англосакса Илфрика свидетельствуют о тройном разделении народа Божьего. "Есть, - говорит он, - три состояния, которые свидетельствуют о Христе; это

девичество, вдовство и законный брак". И с причудливостью средневековых символистов он утверждает, что дом в Кане Галилейской имел три этажа: нижний занимали верующие женатые миряне, следующий - вдовцы, пользующиеся авторитетом, и верхний - девственники. Порядок сравнительных заслуг, определенный таким образом, подчеркивается применением к нему одной из притч нашего Господа: первые получают тридцатикратную, вторые - шестидесятикратную, а третьи и высшие - стократную награду. Аналогично, гимн в Сарумском миссале для праздника Святых Жен утверждает:

Плод тридцатикратный она принесла,
Пока еще была супругой;
Но шестидесятикратный она принесла,
когда овдовела.

А молитва Страстной пятницы в том же миссале начинается словами: "Помолимся также за всех епископов, священников, диаконов, иподиаконов, пономарей, экзорцистов, чтецов, привратников, исповедников, девственниц, вдов и весь святой народ Божий".

В понтификале епископа Лэйси из Эксетера можно найти должность бенедикта вдовы. Церемония совершалась во время мессы, и к ней прилагается рубрика, предписывающая совершать ее в торжественный день или, по крайней мере, в воскресенье. Между эпистолой и Евангелием епископ, сидя на своем стуле, повернувшись к народу, спрашивал коленопреклоненную вдову, желает ли она стать супругой Христа. После этого она произнесла свое исповедание на вульгарном языке, и епископ, поднявшись, дал ей свое благословение. Затем последовали четыре молитвы, в одной из которых епископ благословил обычай, после чего преклонил колени, начал гимн "Veni Creator Spiritus", а в завершение вручил обетнице мантию, вуаль и кольцо. Были произнесены еще молитвы, в которых епископ просил Бога быть вдове утешением в беде, советом в недоумении, защитой в обиде, терпением в скорби, изобилием в бедности, пищей в посте и лекарством в болезни; обряд завершился повторным посвящением вдовы в милосердную заботу Бога.

Стоит отметить, что в этих мольбах упоминается о шестидесятикратной награде, которую вдова должна получить за победу над своим старым врагом дьяволом; также считается, что постулатка давала обет, соединив руки с руками епископа, как бы присягая на верность.

В этом случае требовалось несколько свидетелей. Например, когда вдова Саймона де Шардлоу давала обет епископу Норвичскому, как это было в 1369 году, документ, в котором был зафиксирован обет и на котором она совершила крестное знамение в знак согласия, засвидетельствовали архидиакон Норвича, сэр Саймон де Бабингл и Уильям де Суинфлит. Точно так же граф Уорик, лорды Уиллоуби, Скейлз и другие присутствовали при исповеди Изабеллы, графини Саффолк. Эта благородная дама произнесла клятву на французском языке, как и Изабелла Голафре, когда она явилась с этой целью в воскресенье, 18 октября 1379 года, к Уильяму Уайкхемскому, епископу Винчестерскому. Несмотря на указание в понтификале епископа Лэйси, обет иногда произносился на латыни, примером чему может служить случай с "Доминой Алисией Сейнт Йохан де Баггенет", чье исповедание состоялось 9 апреля 1398 года в часовне лорда Амберли, Сассекс.

О том, что обет ограничивался обязательством вечного целомудрия и ни в коем случае не ограничивал свободу и привилегии, которые обетница разделяла с другими дамами, свидетельствует содержание различных завещаний, например, завещания Кэтрин Риплингемской от 8 февраля 1473 года. В нем она называет себя "советницей"; , но, не утратив ни одного из своих гражданских прав, она делит поместья, исполняет судебные

решения и улаживает семейные разногласия. Это вполне в духе слов святого Павла: "Если у кого из вдов есть дети или племянники, пусть они прежде всего научатся оказывать благочестие дома и воздавать должное своим родителям, ибо это хорошо и угодно Богу".

Мы уже упоминали о кольце как символе духовного обручения. Как таковое оно было предметом особого почитания, и его предназначение часто указывалось в завещании обетчицы. Так, в "Testamenta Vetusta" мы находим выдержки из завещания Алисы, вдовы сэра Томаса Уэста, датированного 1395 годом, в котором дама завещает "кольцо, которым я была посвящена Богу" своему сыну сэру Томасу. Подобным образом Кэтрин Риплингем оставляет золотое кольцо с бриллиантом - кольцо, которым она была причащена, - своей дочери Алисе Сент-Джон. Некоторым обетчицам опека даже над сыном или дочерью казалась недостойной столь драгоценной реликвии; так, мы узнаем, что леди Джоан Дэнверс по завещанию от 1453 года передала свое супружеское кольцо образу Распятия у северной двери собора Святого Павла, а леди Маргарет Дэви - образу Богоматери Уолсингемской.

В некоторых случаях обходились без формальности епископского благословения, достаточно было простого обещания. Например, Джон Брекенбери в своем завещании от 1487 года завещал своей матери определенную недвижимость при условии, что она не выйдет замуж снова - условие, на которое она согласилась перед пастором и приходом Тиммилба. "Если же, - говорит завещатель, - она не сдержит этого обещания, я хочу, чтобы она довольствовалась тем, что было завещано моим отцом, и что у нее было до последнего пенни". Но в договорах или завещаниях, в которых были заинтересованы сами супруги, клятва, похоже, обычно требовалась. Жены иногда обязывали своих мужей давать обет; завещание Уильяма Герберта, рыцаря, графа Пемброка, датированное 27 июля 1469 года, содержит трогательное напоминание о долге: "И, жена, чтобы ты помнила свое обещание принять орден вдовства, чтобы ты могла быть лучшей госпожой своей жены, исполнять мою волю и помогать моим детям, поскольку я люблю и доверяю тебе" и т. д.

Мужья оставляли имущество своим женам при условии, что те давали обет целомудрия. Завещание сэра Гилберта Дениса, рыцаря из Систона, датированное 1422 годом, гласит: "Если Маргарет, моя жена, даст после моей смерти обет целомудрия, я отдаю ей все мое движимое имущество, она оплачивает мои долги и обеспечивает моих детей; если же она не даст обет целомудрия, я желаю, чтобы мое имущество было разделено и распределено на три равные части". На тех же условиях жены были назначены душеприказчиками. Уильям Эдлингтон, эсквайр из замка Карлтон, в своем завещании от 11 июня 1466 года заявляет: "Я назначаю Кристиану, мою жену, моим единственным душеприказчиком при условии, что она возьмет мантию вскоре после моей кончины; а если она не возьмет мантию и кольцо, я завещаю, чтобы Уильям, мой сын [и другие названные лица], были моими душеприказчиками, а она должна иметь третью часть всех моих движимых вещей".

Такова слабость человеческой природы, что даже когда вдовы принимали обязательство веры и целомудрия самым торжественным образом, обет иногда нарушался. Это вряд ли вызовет удивление, если учесть молодость или сравнительную юность некоторых из постулаток. Марии, вдове Людовика, короля Венгрии, на момент принятия обета было всего двадцать три года. В наших английских летописях есть поразительные примеры обещаний, за которыми следовало покаяние. Так, Элеонора, третья дочь короля Иоанна, "после смерти своего первого мужа, графа Пемброка, в 1231 году, в первых приступах своего горя дала прилюдно торжественный обет в присутствии Эдмунда, архиепископа Кентерберийского, что она никогда больше не станет женой, но останется истинной супругой Христа, и в подтверждение получила кольцо, которое, однако, разорвала, к негодованию сильной части

мирян и духовенства Англии, выйдя замуж за Симона де Монфора, графа Лестера." Еще одной провинившейся была леди Элизабет Жюльерс, графиня Кентская. Когда ее первый муж умер в 1354 году, она дала обет целомудрия перед Уильямом де Эдиндоном, архиепископом Кентерберийским. Шесть лет спустя она сочеталась уединенным браком без лицензии с рыцарем сэром Юстасом Дабриджкурсом. В результате архиепископ Кентерберийский возбудил против нее дело, и она была приговорена к суровой епитимье до конца жизни. В свете этих примеров излишне говорить о том, что нарушение столь строгой и жесткой клятвы влекло за собой крайнюю дискредитацию любой вдовы, которая могла быть виновна в этом.

Возникает вопрос, почему вдовы не вступали, вместо того чтобы давать свой особый обет, в третьи ордена святого Доминика и святого Франциска, предназначенные для благочестивых людей, оставшихся в миру. Ответ на этот вопрос в какой-то мере уже был дан в том, что было сказано об исчезнувшем ордене диаконисс. Последователи святого Доминика и святого Франциска были обязаны ежедневно читать сокращенную форму Бревиария, если они умели читать, или, если не умели, определенное количество авв и патерностеров. Кроме того, от них ожидалось соблюдение различных постов сверх тех, что предписаны Церковью, и таким образом они получали право на все преимущества, полагающиеся первым двум орденам, доминиканскому и францисканскому. С обетчицами все было иначе. Единственным условием, налагаемым на них, было целомудрие, как способствующее состоянию освящения. Они не брали на себя никаких других обязательств и, следовательно, не получали права на благословения и привилегии, вытекающие из строгого соблюдения правил, на которые они не подписывались. Даже после Реформации этот обычай не был полностью прекращен. Во всяком случае, Анна Клиффорд, графиня Дорсетская, умершая в 1676 году, утверждает, что после смерти своего последнего мужа она одевалась в черные саржи и была очень воздержанна в еде.

То тут, то там можно встретить погребальные памятники с изображениями обетчиц. Лиланд отмечает, ссылаясь на члена семьи Мармион в Уэст-Танфилде, Йоркшир: "Там лежит одна леди с нарядом обетчицы"; а в Норфолке до сих пор сохранились две медные фигуры вдов и обетчиц. Более ранняя и меньшая, датируемая примерно 1500 годом, примыкает к порогу западной двери церкви Виттона, близ Блофилда, и изображает фигуру дамы в платье, мантии, барбе или кольчуге и вуали, а также надпись:

*ORATE ANIMA DOMINE JULIANE ANGELL
VOTRICIS CUJUS ANIME PROPICIETUR DEUS.*

Другой пример находится в маленькой церкви Френце, недалеко от Дисса, где среди множества других интересных медных фигур есть изображение дамы, одетой, как и в первом случае, в платье, мантию, барбе и вуаль. На этой фигуре, однако, видны манжеты; платье опоясано декоративным поясом, а от мантии отходят длинные шнуры, заканчивающиеся кистями. Под ним находится легенда:

*HIC JACET TUMULATA DOMINA JOHANNA
BRAHAM VIRDUA AC DEO DEDICATA. OLIM UXOREM
JOHANNIS BRAHAM ARMIGERI QUI OBIT XVII DIE
NOVEMBRIS ANNO DOMINI MILLINO CCCCXIX CU
JUS ANIME PROPICIETUR DEUS. АМИНЬ.*

Ниже изображены три щита, на правом из которых изображены гербы мужа, на втором - гербы семьи дамы Брэhem, а на третьем - гербы, на которые наложена печать. Ни в одном из этих примеров кольцо - самый важный символ - не изображено на пальце обетчицы. Это

упущение, возможно, объясняется тем, что его не хоронили вместе с ней, а, как мы видели, иногда завещали как реликвию, а иногда оставляли в дар церкви.

Несмотря на желание многих мужей, чтобы их вдовы жили "одни, без брака", хорошо известно, что в Средние века вторые и даже третьи браки не были редкостью, и, если они не были связаны с нарушением какого-либо торжественного обязательства, не вызывали общественного порицания в большей степени, чем в настоящее время.

ЦЕРКОВНЫЙ

ГЛАВА III

ЛЕДИ ФАСТ

В качестве одного из отличий между обетчицами и членами третьих орденов доминиканского и францисканского братств указывалось, что последние обязуются соблюдать посты, от которых первые освобождены. Тиндейл жалуется на "открытое идолопоклонство" воздержаний, совершаемых в честь святого Патрика, святого Брандана и других святых людей древности; особое внимание он уделяет "посту Богоматери", который, как он объясняет, соблюдался "либо семь лет в тот же день, когда ее день выпадает на март, и тогда начинался, либо один год с хлебом и водой". Какими бы постами ни пренебрегала обетчица как необязательными, представляется вероятным, что она не отказалась бы от любой возможности выразить почтение Пресвятой Деве, которая, по убеждению святого Августина, дала обет целомудрия еще до приветствия Ангела.

Небезынтересно, что женский пост в тех формах, о которых упоминает Тиндейл, был настолько далек от предписаний Церкви, что фактически противоречил постановлению Римского собора 1078 года, который определил субботу как день недели, предназначенный для почитания Пресвятой Девы. Этот обычай был так же хорошо понятен на Британских островах, как и в других местах. Так, в "Пирсе Пахаре":

Лечери сказал "Увы!" и воззвал к Богоматери.
Чтобы загладить свои проступки перед Богом и своей душой,
С тем, чтобы в субботу семь лет после этого
Пить только с уткой и ужинать только один раз".

Боуэр, продолжатель "Скотихникона" Фордуна, упрекает вялых прелатов в том, что они позволяют простым людям варьировать по своему усмотрению дни, установленные в честь Марии как постные. При этом он напоминает, что в субботу, в первый канун Пасхи, она непоколебимо пребывала в вере, когда апостолы сомневались. Поэтому есть все основания для того, чтобы субботу посвятить ей как пост. "Но теперь, - продолжает он, - вы увидите, как мужчины и женщины в субботу утром устраивают хорошие обеды, которые во вторник или четверг не притронулись бы к корочке хлеба, чтобы не нарушить женский пост, соблюдаемый по собственной прихоти".

Похоже, Тиндейл ошибся, намекая на то, что женский пост, если он был ежегодным, по необходимости регулировался праздником Благовещения, или, по более счастливому и ласковому выражению наших предков, "Гретином Богоматери". У Пресвятой Девы было не менее шести праздников - Зачатия, Рождества, Благовещения, Посещения, Сретения и Успения, - и любой из них мог стать началом поста либо по выбору верующего, либо по

брошенному кубику. Третий способ приведен в "Папском королевстве" Барнаба Гуге (1570), фактически английской метрической версии едкой немецкой сатиры некоего Томаса Кирхмайера, который был достаточно учен, чтобы латинизировать, или глаголить, свое домашнее отчество в более внушительный коррелят "Naogeorgus". Орывок выглядит следующим образом:

Кроме того, они соблюдают пост Богоматери в разные торжественные моменты,
Наставляемые вращающимся колесом, или как назначит жребий.
Ибо у каждого пономаря есть колесо, которое висит для обозрения,
Отмеченное кругом определенными днями, Деве причитающимися,
Которые свято соблюдаются в течение года, откуда свисает вниз нить.
Достаточной длины, чтобы ее можно было потрогать и взять в руки.
И вот, когда какой-нибудь слуга Богоматери приходит сюда
И просит определенный день по жребию, чтобы явиться,
Пономарь поворачивает колесо и велит стоящему на страже
Держать нить, по которой он определяет время и сезон,
Где он должен соблюдать пост и все остальное.
Что приличествует и жаждет поклонения Богоматери.

Хотя, как уже было сказано, "Папское королевство" имело немецкий оригинал, необычным фактом является то, что не известно ни одного континентального примера колеса "Леди Фаст". Сохранились два английских колеса - оба в восточно-английских церквях: в Лонг Страттоне, Норфолк, и в Яксли, Саффолк. Первое из них является более совершенным. Колесо в Яксли состоит из пары колес, вырезанных из листового железа, диаметром чуть более двух футов, похожих и концентрических, но отдельных. Колеса Лонг Страттона, напротив, имеют штифт, проходящий через центр, который удерживает их вместе, и вокруг которого они вращаются, каждое из них независимо. К этому же штырю прикреплен вильчатый конец длинной подвесной ручки, которую держал пономарь. Каждое колесо пронизано тремя отверстиями, через которые продевались струны, общее число которых совпадает с шестью праздниками, посвященными Марии, или, возможно, с шестью днями недели, исключая воскресенье, которое не считалось постным днем.

Инструмент работал следующим образом. Если благочестивый человек желал соблюдать женский пост, он шел в церковь, чтобы с помощью колеса определить, какой из дней или годовщин следует соблюдать. После этого пономарь брал колесо, которое либо подвешивал, либо держал на расстоянии вытянутой руки с помощью кольца на конце рукоятки. Затем он приводил колесо в движение, а избиратель, стоящий рядом, ловил струны, пока они вращались. От того, за какую струну зацепились, зависело, в какой день следует начинать пост: в праздник Благовещения, Успения или в любой другой из шести праздников или дней недели, которые символизировали эти струны. Праздник Успения был известен как Женский день, отмечавшийся пятнадцатого августа.

Компромисс, который мы называем Реформацией, сначала склонялся к сохранению субботного поста; более того, законодательные органы вмешивались, чтобы заставить более регулярно соблюдать его. В 1548 году с этой целью была принята замечательная мера, причем, надо полагать, не столько из искренней заботы о религии, сколько в интересах рыбацкого сообщества, интересы которого пострадали от недавних церковных изменений.

"Хотя, - говорится в нем, - подданные короля, имеющие теперь более совершенный и ясный свет Евангелия и истинного слова Божьего, по бесконечному очищению и милосердию

Всемогущего Бога, рукой королевского величества и его благороднейшего отца знаменитой памяти, провозглашены, показаны, объявлены и открыты, и таким образом понимающие, что один день или один вид мяса сам по себе не является более святым, более чистым, или чище другого, ибо все дни и все виды мяса по своей природе одинаково чисты, непорочны и святы, и чтобы все люди жили ими во славу Божию и во всякое время и за все виды мяса воздавали Ему благодарность, из которых никто не может осквернить христиан или сделать их нечистыми в любое время, для которых все виды мяса законны и чисты, чтобы они не использовались в непослушании или пороке; однако, поскольку различные подданные короля, обращая свои познания в этом для удовлетворения своей чувственности, когда они должны были бы таким образом возрастать в добродетели, в последнее время более, чем в прошлые времена, нарушают и презирают такое воздержание, которое используется в королевстве по пятницам *и субботам*, в дни елєя и другие дни, обычно называемые бдениями, и во время, обычно называемое Великим постом, и в другие привычные времена: Королевское Величество, принимая во внимание, что должное и благочестивое воздержание является средством к добродетели и подчиняет тела людей их душе и духу, и принимая также во внимание, в особенности, что рыбаки и люди, использующие ремесло, чтобы жить, ловя рыбу в море, могут таким образом быть более заняты работой, и что, питаясь рыбой, много плоти будет сохранено и увеличено, а также в силу других соображений и товаров этого королевства, постановляет "отменить все статуты и конституции, касающиеся поста, а всех лиц, пренебрегающих соблюдением обычных постных дней - пятницы, *субботы*, янтаря и поста - подвергать штрафу в десять шиллингов и десятидневному тюремному заключению за первое нарушение."

Эта мера, столь не соответствующая духу эпохи и столь противоречивая по своим условиям, была повторно принята в различные периоды правления Елизаветы и Якова I. Возможно, это последнее "слово" в отношении женского поста, но законодательные органы ни в коем случае не прекращали бдительного контроля за соблюдением воздержания в надлежащее время. Однако обсуждение постов после Реформации или постов в целом не входит в нашу задачу.

ЦЕРКОВНЫЙ

ГЛАВА IV

ДЕТИ ИЗ ЧАСОВНИ

Возможно, от вас не ускользнул тот факт, что госпожа Алисия Сейнт Йохан де Баггенет "дала обет вдовства в часовне лорда Амберли". Владение частной часовней было, как и сейчас, знаком социального отличия. "Когда-то конституция англичан, - говорится в одном из законов короля Ательстана, - гласила, что люди и их правовое положение соответствовали их заслугам; и тогда советники нации почитались каждый в соответствии со своим качеством, граф и кеорл, танец и унтертанец. Если мэтр преуспевал настолько, что получал пять шкур, церковь, колокольню, место в округе и должность при дворе короля, то с этого времени он считался равным по чести тану". В законах короля Эдгара, касающихся десятины, также говорится, что "церковь Божья должна иметь все права, и каждая десятина должна поступать в старый монастырь, которому принадлежит округ, и затем выплачиваться как с внутренних земель тана, так и с генеалогических земель, по мере того как плуг проходит по ним. Если же

кто-либо из танов имеет на своей земле церковь, при которой есть место погребения, пусть отдает третью часть своей десятины своей церкви. Если же у кого есть церковь, в которой нет места для погребения, то из тех же девяти частей пусть отдаст своему священнику, что пожелает".

Домашние часовни были чрезвычайно распространены на протяжении всего Средневековья. В приходе Тивертон, Девон, их было не менее семнадцати, некоторые из них находились менее чем в миле друг от друга. Упоминания об этих ораториях встречаются в реестрах епископов Эксетера, которые выдавали им лицензии для удобства владельца, его семьи и арендаторов. Как правило, они располагались в комнатах дома или замка, а не в отдельных зданиях. Эндрю Борд в своих рекомендациях по строительству особняка XVI века отмечает: "Пусть тайная палата будет пристроена к большой палате поместья, а также к другим палатам, необходимым для здания, *так, чтобы многие из палат могли иметь вид на часовню*".

Великие вельможи эпохи после завоевания не довольствовались услугами только священника. Они содержали штат поющих мужчин и мальчиков, аналогичный современным викариям и хористам, которых называли "джентльменами и детьми капеллы". Из хозяйственных книг графа Нортумберленда (1510-11 гг.) мы узнаем, что у него в доме "ежедневно находились джентльмены капеллы, ix; в частности, мейстер детей, j; теноры, ij; контр-теноры, iiij; пистолер, j; и один для оркестрантов; чайлдэр капеллы, vj".

Записаны сведения о ежедневной норме хлеба, пива и рыбы во время Великого поста. В дни азартных игр было принято не устраивать регулярных трапез, каждый должен был сам себе готовить еду, но в особняке Перси, где подавали мясо и питье "в дни азартных игр в Великий пост", все было устроено иначе. Мы не только располагаем "Порядком всех таких брайкфастов, которые будут ежедневно подаваться в доме милорда в течение всего года, как в плотские, так и в плотские дни в Великий пост и вне поста", но и отчетами о ливреях вина, белого вина и воска, а также дров и угля, из которых хозяин и дети капеллы имели право на один пек в день. Расходы на стирку сюртуков, и т.д. не должны были превышать указанной суммы. "Затем следует заплатить за омовение всех видов Линнона, принадлежащего лорду Чаппеллу, в течение одного года, но за xvjs. iiijd. И за каждый пенни должно быть вымощено iiij сурплессов или iiij альбов. И оные сурплессы выдать в год xvj тим против сих праздников, следующих" и т. д.

Зарплата хора выплачивалась через определенные промежутки времени и являлась платой за владения его светлости в Йоркшире. Шкала вознаграждения была следующей:

"Джентильмены Капеллы x (так сказать, двое по x марок за штуку, iiij по iiijl. за штуку, двое по v марок за штуку, Oon по iiij марок, Oon по xxs. и Oon по xxs.; то есть ij басов, ij теноров и vj контр-теноров). Чилдерин из Чаппеля vj, после xxvs. за пису. И так вся сумма за полное содержание упомянутого Чаппеля за один дырявый год - xxvl. xvs".

Джентльмены спали по двое в кровати, как, по-видимому, было принято и для священников; дети - по трое в кровати ("There shall be for vj Prests iiij Beddes after ij to a Bedde; for x Gentillmen of the Chapell v Beddes, after ij to a Bedde; for vj Children ij Beddes after iiij to a Bedde.").

Не только дворяне, но и князья церкви имели свои частные часовни, для которых сохранялись услуги детей. Джордж Кавендиш в своей "Жизни Вулси" приводит яркий рассказ о дворцовых владениях кардинала, в ходе которого он замечает: "Теперь я расскажу вам о служителях его капеллы и певчих, которые в ней служили. Во-первых, у него был декан, великий провидец и человек превосходной учености; и субдекан, ретранслятор хора,

евангелист и эпистлер певчих священников, и хозяин детей [то есть, конечно, детей]; в ризнице - йомен и два конюха, а также другие служители, которые приходили туда на главные праздники..... Что же касается убранства часовни, то мне не под силу объявить количество дорогих украшений и богатых драгоценностей, которыми она была украшена, ибо я видел в процессии по залу сорок четыре богатых копны одного оселка, кроме подсвечников и других необходимых украшений для ее убранства". Такова была роскошная обстановка, в которой "дети капеллы" иногда исполняли свои обязанности.

Элемент отличия, которым пользовались пэры и прелаты, вряд ли мог отсутствовать в первом владении королевства; и, по сути, выражение "дети капеллы", насколько известно, чаще ассоциируется с королевским двором, чем с какими-либо замками или епископскими дворцами страны. Некоторые из королевских "джентльменов капеллы", по-видимому, получали денежное вознаграждение, включая чрезвычайные сборы, и обеспечивали себя сами, в то время как другие имели пансион и жилье. Следующая таблица, хотя и менее полная, чем в Нортумберлендских отчетах, проливает свет на размер вознаграждения:

	£	s.	d.
Хозяин детей, за его жалованье			
и плату за питание	30	0	0
Евангелист, на жалованье,	13	6	8
Эпистолер, за зарплату,	13	6	8
Верже, за зарплату,	20	0	0
Старшины ризницы	{10	0	0
	{10	0	0
Дети капеллы, 10	56	13	4

Другой ордонанс гласит: "Джентльмены капеллы, евангелист, эпистеллер и сержант ризницы должны получать с последнего дня марта 10 дензнаков в день; а старшины и конюхи ризницы - по 2 с. в неделю". Когда они не получали жалованья, им полагался "придворный буш", как и лекарям. "Придворное жалованье" означало ежедневную ливрею или пособие на еду, питье и топливо, и в случае с мастером детей оно превышало жалованье хирургов на сумму около £1 1s. в год. Таким образом, видно, что стиль "Джентльмены", применяемый к взрослым членам хора, был не просто комплиментом, а указывал на их реальный статус.

Еда подавалась в обычные часы. "Предписано, чтобы домочадцы, когда у них есть зал, соблюдали определенное время для ужина и супера, как указано ниже: то есть первый ужин в дни приема пищи должен начинаться в десять часов или немного раньше; а первый суп - в четыре часа в рабочие дни".

Обязанности хора также четко определены: "Поскольку благородно и почетно, чтобы во дворе всегда совершалось богослужение... когда его милость держит двор и особенно во время поездок верхом: предписано, чтобы хозяин детей и шесть человек... должны постоянно присутствовать при дворе короля, и ежедневно в отсутствие остального чаппеля совершать молебен нашей госпоже перед началом службы, а в воскресенье и святые дни - молебен дня, помимо молебна нашей госпоже, и гимн после обеда".

В обязанности воспитателя детей входило обучать своих юных подопечных "грамматике, песням, органу и прочим вертихвосткам", и в целом участь хористов могла бы показаться завидной. Однако очевидно, что он не всегда рассматривался в таком свете, поскольку

существовал обычай внушения детям. Эта практика была разрешена предписанием Генриха VI в 1454 году, и одной из ее жертв стал Томас Туссер, впоследствии автор книги "Пятьсот пунктов правильного ведения хозяйства", который так отзывается об этом деле:

Там за мой голос я должен (без выбора)
Прочь силой, как постовой конь;
Ибо у разных людей тогда были плакаты
Такого ребенка взять.

Более того, было высказано проницательное предположение, что мальчик для порки, который заместительно искупал грехи принца крови, иными словами, подвергался порке, когда поступал неправильно, был выбран из детей Капеллы. Разумеется, у Карла I был такой мальчик для порки по имени Мюррей; и, судя по этому случаю, его результаты не вызвали одобрения.

Члены хора должны были быть людьми образцовой жизни и общения, и для того, чтобы убедиться в этом, декан еженедельно навещал их. Каждую пятницу он выискивал и отстранял от должности "всех негодяев и прихлебателей на твоём дворе". Тон дисциплины, как можно заключить из стихов Хью Родса, был, несомненно, высоким; и с какими бы трудностями он ни столкнулся при обучении мальчиков по своим собственным высоким стандартам, его "Книга воспитания" всегда должна иметь значительную ценность как отражение моральных и социальных идеалов воспитателя детей в XVI веке.

Преемником Родса во времена Елизаветы стал Ричард Эдвардс, человек с литературным вкусом и составитель "Рая изящных приспособлений". Теперь хозяин получал жалованье в сорок фунтов в год, джентльмены - девятнадцать пенсов в день, в дополнение к питанию и одежде; дети получали щедрость на высоких праздниках и в тех случаях, когда их услуги использовались не по назначению. Таким образом, Чапел Ройал тесно связан с развитием английской драмы. Эдвардс писал легкие пьесы для детей, чтобы они выступали перед Ее Величеством, и, воодушевленный успехом, перешел к сочинению комедий, которые также исполнялись мальчиками, по его указаниям, в присутствии двора.

Мы ограничили нашу ретроспективу в основном периодом Тюдоров. Поскольку расширение темы потребовало бы больше места, чем мы имеем в своем распоряжении, те, кто хочет получить больше информации о "детях капеллы", могут обратиться к недавней работе под названием "Королевская музыка" (под редакцией Х. К. де Лафонтена: Novello & Co.), которая продолжает запись в эпоху Стюартов. Записи, приведенные в этом превосходном сборнике, касаются выдающихся английских композиторов. Например, в декабре 1673 года был получен "ордер на выплату Генри Перселлу, одному из детей Капелла Ройалла, чей войс изменился и ушел от Капелла, суммы в 30 фунтов стерлингов в год, начиная с Михайловского дня 1673 года". Это было вызвано разумным обычаем оставлять в качестве сверхштатных мальчиков, проявивших музыкальные способности. Это, несомненно, относится и к Перселлу, который в возрасте одиннадцати лет подал надежды на свою будущую карьеру одой под названием "Обращение детей Королевской капеллы к королю и их хозяину, капитану Куку, в день рождения Его Величества, 1670 год, сочиненное мастером Перселлом, одним из детей упомянутой капеллы".

ЦЕРКОВНЫЙ

ГЛАВА V

МАЛЬЧИК-ЕПИСКОП

Мы уже упоминали о Хью Родсе и его "Книге воспитания". Совершенно очевидно, что этот мастер музыки был приверженцем более древней формы веры, поскольку в царствование королевы Марии он опубликовал поэму с экстравагантным названием: "Песня о гильдийском бишопе, как она была исполнена перед маистерией королевы в ее священной палате в ее поместье Святого Иакова в праздники в День Святого Николая и День Невинных в этом году, ныне присутствующим гильдийским бишопом из церкви Паулс с его компанией". Londini in ædibus Johannis Sawood typographi reginæ, 1555." Это сочинение Вартон называет "пышным панегириком" преданности королевы; и порицание не совсем несправедливо, поскольку автор, не особо заботясь о точности, уподобляет эту наименее любвеобильную из наших государынь Юдифи, Эстер и Пресвятой Деве. Итак, кем или чем был "Чылд-Бысхоп", или, как его обычно называют, Мальчик-епископ?

Прежде всего, следует отметить, что латинский эквивалент этой фразы - не *Episcopus puerilis*, как можно было бы ожидать, а *Episcopus puerorum*, что говорит о том, что мальчик, если он был мальчиком, был возвышен над своими сверстниками и, возможно, обладал некоторой юрисдикцией над ними. Нет никаких сомнений в том, что он обладал таким достоинством, но объем власти, которой он пользовался, зависел от настроения его товарищей, а мальчики не всегда бывают послушными подданными даже тех правителей, которых они сами избрали. Впрочем, это второстепенное соображение, поскольку мальчик-епископ, когда мы впервые знакомимся с ним, уже вышел из безвестности школы и детской площадки и заявил о своем праве на почтение старших по возрасту и положению. Поэтому термин "мальчик-епископ", по-видимому, более точно, чем его латинский аналог, определяет ранг и привилегии незрелого прелата.

По всей видимости, в природе вещей заложено, что Бой-Епископ изначально был учреждением самих мальчиков, главной фигурой в игре, в которой они подражали, как это обычно делают дети, действиям старших, и что со временем эти старшие, по причинам, которые считались вескими и достаточными, распространили свое покровительство на невинное шествие и сделали его составной частью своего собственного праздничного круга.

Проследивая миграцию этого обычая из прихожан во внутренние помещения церкви, мы не должны забывать о традиции римских Сатурналий, с сезоном и духом которых он был созвучен, и которым христианский праздник, с его большей чистотой и благопристойностью, мог быть предписан как противоядие. Языческий праздник приходился на 17 декабря, а поскольку Сигиллarii были его продолжением, то радостное торжество продолжалось целую неделю. Срок полномочий мальчика-епископа был еще длиннее и длился от дня святого Николая (6 декабря) до дня святых Иннокентия (28 декабря).

Отличительной чертой сатурналий была инверсия обычных отношений; мир был перевернут с ног на голову, а царившая в силу давних традиций и незыблемых чувств разнузданность придавала веселью грубый и даже безнравственный характер. Рабы становились хозяевами, а хозяева - рабами; общий характер этого праздника метко описан божеством-покровителем в пьесе Лукиана на эту тему: "Во время моего правления в течение недели никто не может заниматься своими делами, а только пить, петь, играть, делать воображаемых королей, изображать слуг за столом с их хозяевами".

Приход христианства не смог остановить ежегодные сцены беспорядка; и в той или иной форме - иногда терпимой, иногда ставшей объектом церковной анафемы - традиция продержалась на протяжении всех темных веков, и мы встречаем суть сатурналий в течение веков, непосредственно предшествовавших Реформации, в бурлескных празднествах, с которыми часто отождествляли правление мальчика-епископа. В настоящее время мы увидим, насколько это суждение верно. Читатель, несомненно, с готовностью вспомнит пример из источника, которому мы обязаны столькими впечатлениями о Средневековье, одни из которых правдивы, другие ложны или, по крайней мере, преувеличены - мы имеем в виду исторические романы сэра Вальтера Скотта. Этот писатель ввел в "Аббата" аббата Неразумного и поясняет в примечании, что "Римская католическая церковь попустительствовала забавам грубых вульгарных людей, которые почти во всех католических странах пользовались или, по крайней мере, предполагали, привилегией сделать некоего лорда, который под именем аббата неразумия, мальчика-епископа или президента дураков занимал церкви, осквернял святыне места насмешливым подражанием священным обрядам и пел непристойные пародии на церковные гимны". Последний штрих, во всяком случае, можно смело оспорить как неправдивый, а вся картина выглядит сильно перегруженной. Это, безусловно, касается Англии, хотя есть свидетельства того, что на континенте празднование Бой-Бишопа в определенное время и в определенных местах было не свободно от предосудительных черт. В 1274 году Зальцбургский совет был вынужден запретить "*noxii ludi quos vulgaris eloquentia Episcopus puerorum appellat*" на том основании, что они привели к великим преступлениям. Вероятно, это предложение относилось к сопутствующим мероприятиям, таким как безнравственные спектакли, но вполне возможно, что сами церемонии мальчиков-епископов выродились в фарс. Поскольку праздник *Rex Stultorum* был запрещен в Беверли Минстер в 1371 году, мы должны сделать вывод, что подобная экстравагантность и сквернословие проникли в празднование Юледи в этой стране. Однако праздник Мальчика-епископа проводился с приличием, которого трудно было ожидать, учитывая его очевидные ассоциации. Похоже, что он действительно был впечатляющим и назидательным, и разумное исключение из него может быть сделано только по причине ребячества и отсутствия каких-либо оснований из Писания, кроме довольно сомнительной санкции слов святого Павла: "Старший должен служить младшему".

Есть и весомые соображения с другой стороны. Средневековая церковь черпала силы в своем сочувственном отношении к женщинам, детям и неграмотным; и было ощутимо потерять жизненную силу и интерес, когда служение церкви было урезано в угоду здравому смыслу горстки государственных деятелей, ученых и философов. В то время, когда праздник был отменен, мнения разделились даже среди лидеров реформы. Так, архиепископ Страйп открыто поддерживал этот обычай, считая, что он "придает дух детям" и побуждает их учиться в надежде когда-нибудь получить настоящую митру. В общем и целом, праздник мальчиков-епископов - это свидетельство нежной снисходительности Святой Матери-Церкви к маленьким детям, и он не одинок. В Эйтоне, Ратлендшир, и других местах детям разрешалось играть в церкви в День Святых Невинных, возможно, так же, как и во время "Погребения Аллилуии" в церкви в Париже, где хорист пронес вершушку, на которой было написано слово "Аллилуия", из одного конца хора в другой. Как отмечает мистер Эвелин Уайт, это "ускорение золотого славословия", объединяющее религиозную службу и детскую игру, в точности повторяет условия фестиваля мальчиков-епископов. Несомненно, что фестиваль был необычайно популярен. По всей стране не было ни одной церкви или школы, где бы он не отмечался, а если мы обратимся к Нортумберлендской книге, цитируемой в предыдущей главе, то обнаружим, что его празднование было предусмотрено и в дворянских часовнях. Инвентарь выглядит следующим образом:

"*Imprimis*, myter well garnished with perle and precious stones with nowches of silver and gilt before and behind.

"Предмет, iiij ринги из серебра и позолоты с четырьмя красными драгоценными камнями в них.

"Предмет, j понтифик из серебра и позолоты, с камнем дутым в гитте.

"Предмет, j совка ломаная серебряная и золоченая, с iiij драгоценными камнями и перлом в миддах.

"Пункт, кросс с посохом из копра и позолоты с изображением святого Николая в миде.

"Пункт, жилетка красная с лионами серебряными с бриджами золотыми в орферорах тех же.

"Пункт, j альбе к тому же, со звездами в парео.^[2]

"Пункт, j белое покрывало, с кристелями и орферами из красного шелка с золотыми и белыми салфетками на шее.

"Предмет, j остающаяся ткань имажа святого Николая.

"Предмет, iiij копны синего шелка с красными орферами, подношенные белыми браунингами и цветами.

"Пункт, j табард из скарлетта и подставка к нему, обшитые белым силком.

"Предмет, узел из скарлетта, обшитый синим силком".

В книге есть запись, показывающая, на каких условиях соблюдался этот обычай в доме одного знатного человека. Когда в часовне служили молебен Святому Николаю - Святой Николай, разумеется, был покровителем мальчиков - 6 с. 8 д. назначались воспитателю детей за одного из них. Когда же, напротив, святой Николай "выходит из города, где живет мой господин, и мой господин не держит часовни", сумма уменьшается до 3 с. 4d.

Аббатства, соборы и приходские церкви в равной степени признали этот обычай и постарались отпраздновать его с максимальной пышностью и великолепием. Список украшений для Святого Николая, содержащийся в Вестминстерской описи 1388 года, включает в себя митру, перчатки, сюртук и рокот для мальчика-епископа, а также два альба, набедренник, расшитый грифонами и другими зверями и играющими фонтанами, бархатный набедренник с новым гербом Англии, вторую митру и кольцо. В 1540 году упоминается "митра для бишопа святого Николая" и "большое полотно с кингами на спине лошади для чейра святого Николая". В соборе Святого Павла двадцать восемь копий были использованы не только для мальчика-епископа и его компании, но и для праздника дураков. В самой ранней описи церкви - 1245 года - говорится о митре, подаренной Джоном де Белемайнсом, пребендарием Чизвика, и богатым пастырском посохе для использования мальчиком-епископом. В Йоркском минстере хранился "плащ из ткани" для мальчика-епископа и десять для его сопровождающих, а в описи, составленной в 1536 году в Линкольне, говорится о "купе из красного бархата с рулонами и клобуками, заказанном для барнского бишопа с этим писанием: "Этот путь лучше всего"". Как и во многих других местах, этот обычай соблюдался в Винчестерском, Даремском, Солсберийском и Эксетерском соборах; в церкви Темпл в Лондоне (1307 г.); Сент-Бенет-Финк; Сент-Мэри Вулнот; Сент-Катрин, около лондонского Тауэра; Сент-Питер-Чип; Сент-Мэри-ат-Хилл, Биллингсгейт; Ротерхэм; Сэндвич, Св. Марии; Норвич, Сент-Эндрюс и Сент-Питер-Манкрофт; Элсинг-колледж, Винчестер; Итонский и

Винчестерский колледж; Магдален-колледж, Оксфорд, и Королевский колледж, Кембридж; Витчингем, Норфолк (1547); Великая Святая Мария, Кембридж (1503); Хэдли, Саффолк; Норт-Элмхэм, Норфолк (1547). Когда в мае 1560 года были проданы товары Грейт-Сент-Мэри, Кембридж, среди прочего было следующее: "Это... красный коттедж и дерево, которые Святой Николай выкрасил в красный цвет. *Ит.* вестмент и коуп ит Сейнт Николас дейд дейд дейд. Также альбы для детей".

Подводя итог, можно сказать, что одеяния и украшения мальчика-епископа и его сопровождающих, как следует из этих и других подобных источников, были следующими: (i) Митра; (ii) Посох или пастырский посох; (iii) Кольцо; (iv) Перчатки; (v) Сандалии; (vi) Копье; (vii) Понтифик; (viii) Знамя; (ix) Табард; (x) Колпак; (xi) Ткань для кресла Святого Николая; (xii) Альб; (xiii) Чашубль; (xiv) Роше; (xv) Сюртук; (xvi) Туника; (xvii) Червленная мантия.

Обычно бой-епископ выбирался из хористов собора, коллегии или другой церкви самими хористами; но в Йорке после 1366 года, а возможно, и в других местах, эта должность по праву перешла к старшему хористу. Датой избрания был канун Святого Николая, когда мальчики собирались для развлечения, а перчатки вручались мальчику-епископу. В день святого Николая мальчики сопровождали юного прелата в церковь; из "Сарумского обихода" мы узнаем, что порядок, в котором процессия входила в хор, был следующим: Сначала декан и каноники, затем капеллан и, наконец, мальчик-епископ и его пребендарии, которые таким образом занимали почетное место. Епископ садился, остальные дети располагались по разные стороны хора, где занимали самый верхний подъем, в то время как каноники несли ладан, а петит-каноники - лампы. После того как мальчики спели первую вечерню своего святого покровителя, они в тот же вечер прошли по территории прихода, и епископ даровал им свое отеческое благословение и другие милости, подобающие его сану.

Устав собора Святого Павла показывает, что уже в 1262 году правила претерпели некоторые изменения. Считалось, что празднование снижает репутацию церкви, поэтому было принято постановление, что мальчик-епископ должен сам выбирать служителей, которые будут нести кадило и лампы, и это должны быть уже не каноники, а "клерки третьей формы", то есть его коллеги-хористы. Однако сохранилась практика, согласно которой мальчика-епископа в канун дня святого Иоанна Евангелиста принимали либо в деканате, либо в доме каноника-резидента. Если декан был хозяином, в приглашение включались пятнадцать спутников мальчика-епископа. Декан также находил лошадь для мальчика-епископа, а каждый из каноников - лошадь для одного из его сопровождающих, чтобы они могли идти в процессии - зрелище, формально отмененное прокламацией 25 июля 1542 года, но, тем не менее, сохранявшееся в течение нескольких лет из-за привязанности горожан к древнему обычаю.

Возникал вопрос: "Говорил ли мальчик-епископ мессу? В прокламации Генриха VIII четко утверждается, что да, но есть основания сомневаться в правдивости этого утверждения. В Йоркском миссале, опубликованном Обществом Суртиса, есть рубрика, предписывающая Бой-епископу занимать епископский трон во время мессы - доказательство того, что он не мог быть ее совершителем. Но бой-епископ, если он не служил в алтаре, несомненно, произносил проповедь. Устав декана Колета для управления его школой предписывает, что "все дети должны каждый день приходить в церковь Поула и слушать проповедь епископахилда, а после быть на мессе и каждый из них приносить по 1 доллару в магазин епископахилда". Образцы проповедей, произнесенных в День святого Иннокентия, дошли до нас от времен правления Генриха VIII и Марии и представляют огромный интерес. Они, по сути, оправдывают этот обычай как способ воспитания добродетели и, в особенности, благоговения в умах слушателей. Ранняя речь, по-видимому, была подготовлена одним из алмонеров собора Святого Павла, а "молитва-просьба" содержит причудливую аллюзию на

"ryghte reverende fader and worshypfull lorde my broder Bysshop of London, your dyocesan, also my worshypfull broder, the Deane of this Cathedral Church". Более поздняя речь была произнесена "Джоном Стабсом, квестером, в День детей в Глоцере, 1558 год" и, что наиболее уместно, основана на тексте: "Если только вы не будете обращены и не станете похожими на детей-лилипутов" и т. д. Говоря о "квестерах" и детях песенной школы, проповедник с восхитительным юмором замечает: "Не так давно я сам был одним из них"; и, объясняя значение Чилдермаса, упоминает протестантских мучеников, которые, увы, лишены "похвалы невинности". Можно добавить, что, согласно свидетельству Эксетерского *ординария*, мальчик-епископ в день святого Николая кадил алтарь святых Невинных, читал молитвы, читал Малую главу на обедне "скромным голосом" и произносил бенедикт.

Мы видели, что декан Колет требовал от своих учеников вносить по пенни в пользу епископа. В Норвиче все служащие соборной церкви ежегодно выплачивали деньги бой-епископу и его клеркам в день святого Николая, а расходы на праздник покрывались альмономером из доходов капитула. Отчет Николаса Ньюаркского, мальчика-епископа Йоркского в 1396 году, показывает, что, помимо даров церкви, пожертвования поступали от каноников, монастырей, дворян и других благотворителей. В октаву он отправился в сопровождении своего поезда в дом сэра Томаса Утрехта, от которого получил "iijs. iiijd."; во второе воскресенье он отправился еще дальше, включив в свой обход приорства Киркхема, Мальтона, Бридлингтона, Уолтона, Байнтон и Мо. *По пути* он заехал к графине Нортумберленд в Леконфилд и был любезно вознагражден золотым кольцом и двадцатью шиллингами.

Эти "визиты", по-видимому, характеризовались пиршествами и весельем, а также некоторым нежелательным мумие. Путтенхэм в своем "Искусстве поэзии" (1589) замечает: "Обычно в ночь Святого Николая ученые страны делают епископа, который, как глупый мальчик, ходит и благословляет, и проповедует с такими детскими выражениями, что люди смеются над его глупой подделкой". В некоторых кварталах действовали правила, исключающие подобное легкомыслие. Например, в Эксетере один из каноников был назначен присматривать за мальчиком-епископом, который должен был иметь на ужин пенни булочек, маленькую чашку мягкого сидра, два или три пенни мяса и пенни сыра или масла. Он мог пригласить не более шести своих друзей пообедать с ним в комнате каноника, и их ужин должен был стоить не более четырех пенсов на голову. Он не должен был бегать по улицам в своих епископальных перчатках и обязан был посещать хор и школу на следующий день, как и другие хористы.

Можно заметить, что процедуры, связанные с мальчиками-епископами, имели аналог в праздновании девочками Дня святой Екатерины, а выражение "пойти за милостыней" выражало тот же вид прошения милостыни, что и церемонии в честь святого Николая.

В дни своего расцвета праздник Мальчика-епископа был благосклонен не только к народу, но и к монарху. Эдуард I и Генрих VI покровительствовали этому обычаю, и последний, как говорят, последовал примеру своих предков.

Однако в 1542 году Генрих VIII. "по совету советника его высочества", счел нужным отменить этот обычай, что он и сделал в следующих выражениях:

"В то время как до сих пор во многих и многих частях этого королевства использовались, да и по сей день используются и соблюдаются суеверия и хильдические обсеры, как, например, в отношении Св. Николая, святой Екатерины, святого Климента, святых Невинных и тому подобных святых дней, детей странно наряжают и изображают поддельными священниками, епископами и женщинами, и так водят с песнями и плясками от дома к дому, благословляя народ и собирая деньги; и мальчишки массово проповедуют на амвоне, с другими

подобными напускными и неудобовразумительными явлениями, которые скорее направлены на умаление, чем на истинную славу Бога или честь Его Сынов: Таким образом, король королей, не считая, что ничто так не способствует истинной славе Божьей без тщетных суеверий, велит и приказывает, чтобы отныне все подобные суеверные наблюдения были оставлены и тщательно погашены во всех его владениях, поскольку они больше похожи на незаконное суеверие джентилити, чем на чистую и искреннюю религию Христа."

Утверждение о том, что мальчики переодевались в женскую одежду, подтверждается компрометирующим списком монастыря Святого Свитина в Винчестере (1441), из которого следует, что мальчики монастыря вместе с хористами коллегиальной капеллы Святой Елизаветы, расположенной недалеко от города, выступали перед настоятельницей и монахинями аббатства Святой Марии, одетыми "как девочки".

Обычай был восстановлен указом епископа Боннера от 13 ноября 1554 года, к большому удовольствию населения; а зрелище мальчика-епископа, скачущего *в понтифике* - это было в 1556 году - по всей митрополии, придало актуальность поговорке: "Святой Николай еще ходит по городу". Фокс рассказывает, что в Ипсвиче учитель грамматической школы водил мальчика-епископа по улицам, чтобы тот "угощал его яблоками и животом; а кто не принимал его, тот становился еретиком, а также тем, кто не отдавал свою пижму за ребенка королевы Марии". (Под этим выражением, распространенным в это царствование, подразумевался мальчик-епископ; у королевы, разумеется, не было своего ребенка). Среди многочисленных и многообразных перемен, ознаменовавших воцарение Елизаветы, Бой-Бишоп снова сошел на нет, и память о празднике сохранилась лишь в некоторых обычаях, как, например, в Дареме, где мальчики в майский день шествовали по городу, одетые в старинные копны, позаимствованные из собора.

По одному или двум вопросам, связанным с этой темой, существует некоторое заблуждение, и поэтому будет хорошо очень кратко коснуться их. Сейчас уже не верят, что чучело в Солсберийском соборе - "ребенок, столь великий в одежде", - которое привело к публикации в 1646 году знаменитого трактата Грегори, - это чучело мальчика-епископа, который умер во время исполнения своих обязанностей и был похоронен с епископскими почестями. Есть подобные маленькие чучела рыцарей и придворных. И опять же, не кажется правильным утверждать, что мальчик-епископ мог подарить пребенду, которая становилась вакантной между днем святого Николая и днем святого Иннокентия. Этот обычай, если он вообще существовал, был, по-видимому, ограничен церковью Кембrea.

С другой стороны, церемония Eton Ad Montem имеет вид подлинного происхождения от более древнего праздника, с которым она имеет много общих черт. Как известно, в колледже соблюдался обычай "мальчик-епископ".

Наконец, можно упомянуть о чеканке жетонов, некоторые из которых были гротескными, с надписью Moneta Epi Innocentium и т.п., а также с изображениями заклания невинных, епископа, дающего благословение, и подобных сцен. Мнения о том, с какой целью были выбиты эти жетоны, датируемые XIV-XV веками, расходятся, но чрезвычайно вероятно, что они были предназначены для празднования торжества в честь мальчика-епископа. В книге Барнаба Гуге "*Папистское королевство*" рассказывается о том, что

"Деньги святого Николая, сделанные для того, чтобы дарить девам тайно".

и в несовершенном состоянии человеческого общества это, возможно, и было порой их нелепой судьбой.

ЦЕРКОВНЫЙ

ГЛАВА VI

ЧУДЕСНЫЕ ИГРЫ

Существует ощутимое сходство между только что оставленной темой и наиболее характерным продуктом Средневековья - пьесой чудес. Прежде всего, следует отметить, что в те времена, когда чтение было привилегией немногих, обучение было склонно обращаться к воображению, а не к рассудку, и из всех средств, помогающих воображению, ни одно не было столь эффективным, как драма. Празднование Бой-Бишопа было не только поводом для спектаклей, которые иногда требовали сильной руки власти для их подавления, - оно само по себе было ярко выраженным драматизмом. Чудо-пьесы представляют собой дальнейшую стадию развития, на которой грубое и популярное искусство освободилось от пут ритуала, переросло строгие ограничения священного окружения, но при этом крепко держалось за религиозную традицию, на которой оно было вскормлено и которая до последнего оставалась его высшей притягательной силой.

Литургическое происхождение игры в чудеса можно считать почти само собой разумеющимся, и единственный вопрос, который может возникнуть, - это вопрос о том, развился ли этот обычай из наблюдений, связанных с Пасхой, или Рождеством, или с обоими праздниками в равной или разной степени. Обстоятельства скорее указывают на пасхальные обряды как на основу этого обычая. Пробуждение Гроба предвосхищает некоторые черты чудотворной пьесы, а диалог, возможно, был подсказан антифонными элементами в церковных службах, в частности, коллоквиумом, интерполированным между Третьим уроком и *Te Deum* на утрени и повторяющимся как часть последовательности "*Victimæ paschalis laudes*", в которой двое из хора взяли на себя роли святых Петра и Иоанна, а трое других в альбах - трех Марий. В Йоркском миссале, в котором этот разговор приводится подробно, его использование предписано для вторника Пасхальной недели.

Возникнув, очевидно, из этих зародышей, религиозная драма постепенно расширяла свои границы, пока не только не оторвалась от нескольких латинских стихов своих первых песнопений, но и не охватила весь диапазон библейской истории в жаргонной рифме. Этот процесс настолько естественен, что нам нет нужды искать факторы, способствующие ему, и влияние таких экспериментов, как терентийские пьесы саксонской монахини Хросвиты в X веке, можно смело отбросить как незначительное или, в крайнем случае, выдвинуть в качестве доказательства широкой тенденции, Свидетельство которой можно проследить в "адских представлениях", на которые Годвин ссылается в своей "Жизни Чосера", и которые, что касается Италии, навсегда запомнились в связи с Мостом Каррары - история, знакомая всем изучающим Данте. Эти "адские представления" были связаны с судьбой душ после смерти, и, поскольку их тематика отличалась от тематики пьес о чудесах, они упоминаются просто как свидетельство привязанности к театральным представлениям в сочетании с религиозными чувствами.

Насколько можно судить, самая ранняя пьеса о чудесах, когда-либо демонстрировавшаяся в Англии, и здесь можно заметить, что такие представления, вероятно, обязаны своим существованием или, по крайней мере, значительным поощрением системе религиозного братства, о которой мы рассказывали в нашей первой главе, была представлена в 1110 году в Данстейбле. Мэтью Пэрис сообщает нам, что некий Джеффри, впоследствии аббат Сент-

Олбанса, поставил в вышеупомянутом городе пьесу о Святой Екатерине, и что он позаимствовал из Сент-Олбанса копии, в которые были одеты актеры. Упоминание копий напоминает нам о мальчике-епископе и является одним из признаков, указывающих на общность происхождения. К этому можно добавить, что пьесы чудес сначала исполнялись в церквях и, как мы увидим далее, в некоторых местностях никогда не покидали своей первоначальной сферы. Духовенство также принимало активное участие в представлениях, пока они были ограничены церквями; но когда они вышли на улицы, папа Григорий запретил священникам участвовать в том, что перестало быть актом общественного поклонения. Это произошло около 1210 года нашей эры. С тех пор к пьесам о чудесах более строгие люди относились с опаской, а Роберт Мэннинг в своем "Handlyng Synne" (перевод нормано-французского "Manuel de Pêche") зашел так далеко, что осудил их, если они исполнялись "путями или зеленью", как "зрелище греха", хотя и допускал, что воскресение может быть разыграно для подтверждения веры людей в эту величайшую из тайн. Такое предубеждение отнюдь не было всеобщим; в 1328 году - более ста лет спустя - мы находим епископа Честера, который советует своим духовным детям прибегать "в мирной манере, с доброй набожностью, слушать и смотреть" пьесы о чудесах.

Мы видели, что самой ранней религиозной драмой, известной в этой стране, была пьеса о святой Екатерине. Уильям Фицтефен в своей "Жизни святого Томаса Бекета", написанной в 1182 году, противопоставляет языческим представлениям старого Рима "более святые пьесы" Лондона, которые он называет "представлениями чудес, совершенных святыми исповедниками, или страданий, в которых славно проявилось постоянство мучеников". Таким образом, мы понимаем, как термин "чудо" прикрепился к этому виду театральных выставок. Вероятно, в начале двенадцатого века французские драматурги взяли чудеса святых в качестве своей особой темы, и в силу привычки английская публика последующих поколений сохранила это описание, хотя сюжеты стали выбираться иные, чем чудеса мариологии. Доктор Уорд ограничил бы термин "чудо-пьеса" теми драмами, которые основаны на легендах о святых, а те, что взяты из Ветхого и Нового Заветов, назвал бы "мистериями" в соответствии с континентальной практикой. Это различие логично, но его принятие практически привело бы к отказу от прежнего термина, поскольку Данстейблская пьеса о святой Екатерине, пьесы, основанные на жизни святого Фабиана, святого Себастьяна и святого Ботольфа, которые ставились в Лондоне, и пьесы о святом Георгии, которые ставились в Виндзоре и Бассингборне - других не сохранилось - все погибли.

Согласно "Банам", или Прокламации Честерских пьес, составленной в конце XVI века, цикл пьес, поставленных в этом городе, относится к периоду правления Джона Арневея (1268-76), а их автором был Рэндалл Хиггенет, монах Честерского аббатства. По разным причинам эти утверждения могут быть опровергнуты. Во-первых, срок Арнуэя ошибочно отнесен к 1327-8 годам - гораздо более вероятная дата написания пьес, хотя в этом вопросе нет никакой уверенности, и, по природе вещей, цикл пьес скорее мог вырасти, чем быть делом рук одного человека. Более поздняя дата более вероятна, потому что восстановление праздника Тела Христова Вьенским собором в 1311 году имеет важное значение для присоединения пьесы о чуде к торговым гильдиям, и только после того, как они взяли на себя ответственность, представления в масштабах цикла пьес могли быть задуманы или возможны.

Существует четыре великих английских цикла - Честерский, Йоркский, Уэйкфилдский и Ковентрийский. Под циклом подразумевается серия пьес, образующих вместе то, что можно назвать энциклопедией истории; в один короткий день пытались собрать "материал от начала мира". Эта амбициозная программа потребовала заинтересованного сотрудничества многих людей, и гильдии, приняв ее с энтузиазмом, превратили праздник Тела Христова в

ежегодное торжество, отмеченное великолепными представлениями. Слово "представление", которое, по-видимому, этимологически связано с греческим *πῆμα*, является техническим в отношении чудесных спектаклей, и в этой связи архидиакон Роджерс дает следующее определение:

"Высокий скафольд с двумя рядами, верхним и нижним, на четырех колесах. В нижнем ряду они наряжали себя, а в верхнем играли, будучи открытыми сверху, чтобы все зрители могли слышать и видеть их".

Сценические площадки были построены из дерева и железа, причем так тщательно, что редко нуждались в обновлении. В полу сцены были сделаны люки, покрытые камышом. Все это держалось на четырех или шести колесах, чтобы облегчить перемещение с места на место; а поскольку чудесные пьесы были по сути своей перипатетическими - по крайней мере, в пределах одного города, а иногда и за его пределами, - это было очень необходимым условием.

У каждого представления была своя труппа. Слово "труппа" здесь не совсем синоним слова "гильдия", так как несколько гильдий могли объединяться для проведения представлений, обучения и развлечения актеров, и состав труппы варьировался в зависимости от богатства или бедности, усердия или безразличия разных гильдий. Таким образом, количество конкурсов в одном и том же городе могло меняться: иногда компании разделялись, а иногда объединялись, и в последнем случае актеры брали на себя исполнение большего количества сцен, чем выпало бы на их долю. В общем, недостатка ни в средствах, ни в игроках не было, во всяком случае, в главных центрах. Циклы были гордостью города, и для членов нескольких трупп было делом чести не допустить, чтобы их превзошли конкуренты.

Перечисление гильдий, участвовавших в чудесных спектаклях, равносильно составлению реестра промышленных ремесел на исходе Средневековья. В "Порядке представления пьесы в честь Тела Христова в Йорке", составленном Роджером Бертоном, городским клерком, и содержащем список компаний с их соответствующими ролями, можно найти следующие данные: Кожевники, штукатуры, карточные мастера, фулеры, куперы, оружейники, гаунтеры (гловеры), корабельщики, пессонеры (рыботорговцы), моряки, пергаментщики, переплетчики, чулочники, шпицеры, оловянщики, литейщики, тилеры, чандлеры, орфеверы (ювелиры), маршалы (сапожники), гвоздильщики, гвоздильщики, пильщики, шпоры, лоримеры (изготовители уздечек), цирюльники, виноградари, лихорадочники (кузнецы), карриеры, железячники, узорщики, кисеты, бутылочники, чепчики, скорняки, резчики, клинки, ножницы, сургучи, пряжки, рогачи, пекари, кордвейнеры, боуиры, флетчеры (изготовители стрел); чечетчики, кучера, литестеры (красильщики), повара, водопроводчики, плиточники, мельники, твинеры, токари, туннеры, водопроводчики, пиннеры, токари, маляры, мясники, пултеры, продавцы (шорники), верруры (стекольщики), плотники, виночерпии, маклеры, упаковщики шерсти, подьячие, люминеры (иллюминаторы), квесторы (отпущенники), дубберы, тальяндеры (портные), гончары, драпировщики, ткачи, хостлеры и мерсеры.

Сюжетами пьес были история сотворения мира, грехопадение, потоп, жертвоприношение Исаака, события, предшествовавшие рождению Христа, Рождество Христово и в довольно последовательной последовательности главные события жизни нашего Господа до Вознесения и, наконец, Успение Пресвятой Девы. Как правило, трудно обнаружить какую-либо связь между характером сцены и ремеслом или ремеслами, представляющими ее, но поручение спектакля, в котором Бог предупреждает Ноя сделать ковчег, корабельщикам, а его преемника, в котором патриарх появляется в ковчеге, "пессонерам" и мореплавателям,

очевидно, уместно и должно было способствовать не историческому, а условному реализму, который был целью художников-чудотворцев.

Весь город был превращен в огромный театр, и многочисленные представления шли в нужном порядке от станции к станции. "Место, - рассказывает архидиакон Роджерс - он говорит о Честере, - место, где они играли, было на каждой улице. Сначала они начинали у ворот Абая, и когда первый паяц был сыгран, его перевезли на высокий крест перед мэром, и так на каждой улице; и так на каждой улице в одно время играл паяц, пока не были сыграны все паяцы за назначенный день; И когда один паяц заканчивал свою игру, от улицы к улице передавалось слово, чтобы они приходили на место, исключая порядок, и на всех улицах паяцы играли все вместе, для того чтобы увидеть, какая игра была устроена, а также были сделаны подмости и помосты на улицах в тех местах, где они решили играть своих паяцев."

В случае нехватки средств для проведения представлений разные сцены разыгрывались в разных частях одной сцены, а актеры, ожидавшие или закончившие свои роли, стояли на сцене, не скрытые занавесом. В более сложных спектаклях, таких как "Суд над Иисусом", использовались два эшафота, на которых изображались судилища Пилата и Ирода соответственно, а между ними проезжали гонцы на лошадях. В пьесах изредка встречаются режиссерские указания - например, "Здесь Ирод будет бушевать на пагоне". Мы также находим грубые попытки смены сцен, иллюстрацией которых служит пьеса Ковентри "Тайная вечеря": "Here Cryst enteryth into the Last Supper".

"Вот Крист входит в дом со своей дисциплиной и совершает пасхальный обряд; и в это время дом, где живут горожане, закрывается, показывая, как бушопы, престы и драгоценности сидят в этом аstate, ликуя, как будто созывая собор".

И снова:

"Тут бушопис партион в месте, и еще из них тут леве быть контенавн прибегают еще человек на свое место с тут людьми, чтобы взять Криста; и чем ксал место, что Крист в содеянном, размыкают вокруг вниз, она показывает Криста сидящим за столом, и его дисциплилис еще в эре дегре. Cryst thus seyng."

Расходы на эти спектакли были неизбежно велики, и счета гильдий и корпораций свидетельствуют о том, что не только значительные суммы тратились на платья актеров, но и последние получали гонорары за свои услуги. Средства, необходимые для покрытия этих расходов, собирались за счет ежегодного сбора, взимаемого с каждого ремесленника, который назывался "деньгами на представление" и варьировался от одного пенни до четырех пенсов. Из этого же фонда оплачивались расходы на содержание и ремонт балагана, а также питание артистов во время репетиций. Поскольку актерам платили, от них ожидали эффективности, а обязанность проверять их квалификацию возлагалась либо на конкурсного мастера, либо на комитет из опытных актеров. Йоркский ордонанс от 3 апреля 1476 года показывает, что четыре "самых хитрых, осмотнительных и способных игрока" были вызваны к мэру во время Великого поста для тщательной проверки пьес, игроков и представлений, а "недостаточные люди", в чем бы ни заключался их недостаток - в мастерстве, голосе или внешности, - были безжалостно "отстранены". Ни одному игроку не разрешалось исполнять более двух партий под страхом штрафа в сорок шиллингов.

Из Йоркской прокламации 1415 года мы узнаем, что игроки должны были занимать свои места между 3 и 4 часами утра, а в прологе пьес Ковентри есть такие строки:

В следующее воскресенье, если мы можем
В шесть часов пополудни, мы начнем наш спектакль
In N-- towne.

Это интересно, поскольку доказывает, что спектакли иногда разыгрывались в нескольких местах, в некотором роде в стиле бродячих игроков. Доподлинно известно, что у Серых монахов Ковентри был цикл пьес, посвященных Телу Христову; предполагается, что из-за конкуренции с торговыми гильдиями они были вынуждены выставлять их за пределами города. Что бы ни происходило с игроками, несомненно, что подобные пьесы не ограничивались центрами, о которых мы говорили. Мы читаем о потерянном цикле в Беверли и о другом цикле в Ньюкасле, из которого одна пьеса - "Строительство ковчега" - к счастью, сохранилась. Подобные представления проходили в Уитни и Престоне, в Ланкастере, Кендалле и Дублине. Относительное совершенство Честера и Ковентри, а возможно, и Йорка, должно было повлиять на эти и другие города, которые рассматривали их как столицы драматического искусства. Свидетельства популярности чудодейственных пьес в близких и отдаленных местах можно найти в виде литературных остатков или приходских записей. Корнуолл славится своей религиозной драмой, которой обязаны лучшими памятниками своего мертвого языка; но и другие графства не отставали в ревностной привязанности к чудо-пьесе. Чтобы показать масштабы этого обычая, можно привести несколько выдержек из записей церковных причетников и других источников:

Эшбертон, Девон

1528-9. "ix^{six}на покраску ткани для игроков и изготовление их туник, и на "чекери" для изготовления туник для вышеупомянутых игроков, и на изготовление шестов для них, и гребней на их головы для праздника Тела Христова".

1533-4. "ij^drewardyd and alowyd to the pleers of Cryssmas game, that pleyd in the said churche."

1537-8. "j^dза пару шелковых одежд (*seroticarum*) для короля Ирода в день Корпуса Кристи".

1542-3. "ij^{s(s)} i^(d)ij дьявольские головы (*capit. diabol.*) и необходимые вещи в одежде для игроков".

1547-8. "ij^sto the players on Corpus Christi day". (Во время правления Эдуарда VI пьесы были прекращены, чтобы быть возобновленными при его преемнике).

1555-6. "ij^dpayd for a payr of glouys for hym that played God Almighty at Corpus X^{pi}daye." "vj^dpayd for wyne for hym that played Saynt Resinent".

1558-9. "ij^dfor a payr of glouys to him that played Christ on Corpus X^{pi}daye".

Собор Святого Мартина, Лестер

1546-7. "Item p^dfor makynge of a sworde & payntyng of the same for Harroode viij^d".

В корпоративных книгах Рая, Сассекс, имеются следующие записи:

1474. "Заплачено игрокам Ромени, которые играли в церкви 16^d".

1476. "Выплачено игрокам из Винчилса, которые играли в церкви в этот день, в день Сретения нашего Лада 16^d".

Представление пьес о Йоркском чуде продолжалось до 1579 года. Ньюкаслское торжество пережило их примерно на десять лет. Честерские пьесы шли до конца XVI века, а

Беверлейские - до 1604 года. Что погубило "Чудо-спектакль"? Это очень интересный вопрос, но по нему трудно сделать вывод из-за сосуществования конкурирующих влияний, относительную силу которых невозможно оценить. Мы видели, что пуританское мнение приостановило чудодейственную игру в Эшбертоне во время правления Эдуарда VI, и было бы естественно ожидать того же результата от воцарения Елизаветы, в то время как в Беверли она сохранялась на протяжении всего периода ее правления. Однако вполне возможно, что все это время крайние реформаторы пытались добиться его отмены, и в конце концов им это удалось. Тем временем рост светской драмы, которая вряд ли была больше по вкусу пуританам, должен был стать мощным противодействующим фактором, и, возможно, именно ей, а не религиозной оппозиции, было обьязано исчезновение "Чудесной игры". Во всяком случае, мы не должны удивляться тому, что при наличии двух таких антагонистических сил древний и благочестивый обычай исчез с лица земли.

АКАДЕМИЯ

ГЛАВА VII

АЛЬМЫ И ЗАЙМЫ

Мы закончили нашу первую часть, написав о приходских записях; и мы приступаем ко второй части, продолжая анализировать тот же плодотворный и неопровержимый источник. Те, кто знаком с жизнью наших древних университетов только в ее более современных и роскошных аспектах, могут приготовиться к откровениям самого поразительного характера, поскольку Оксфорд и Кембридж были воспитаны не только в бедности, но и в разрешенном мендиканстве и - можно извинить заученное выражение - регулируемом залоге. То, что клерки в те ранние времена не стыдились просить милостыню, можно доказать разными способами, один из которых заключается в помощи, которую так часто оказывали им щедрые церковные причетники. Давайте взглянем на некоторые бухгалтерские книги шестнадцатого века:

Эшбертон, Девон

1568.	"В помощь скупцам из Оксенфорда	iiijs iiijd"
1575.	"Сколеру из Оксфорда	vjd"
1578.	"Скупцу из Оксфорда	iijs iiijd"

Тэвисток

1573.	"Гевен сколеру из Оксфорда	xij ^d "

Вудбери, Девон

1581.	"П ^д буксиру сколотов из Оксфорда	vijd"
1588.	"П ^(д) едставление ученому, приехавшему из Оксфорда по имени Эдвард Кэрроу	viijd"
1589.	"П ^а Ричарду Крохи, ученому	vjd"

(По данным "Alumni Oxon." Эдвард Кэрроу был избран студентом Крайст-Черч, 1575, из Вестминстерской школы ; а Ричард Крокер, бакалавр, из Эксетер-колледжа, 1594).

Плимут

1583. "П^адвум схоллерам xj июня iijs iiijd"
"Гевен одному шоллеру, чтобы он привез его в Оксенфорд vjs viiijd"

Барнстапл

1583. "Уплачено в качестве подарка ученому в Оксфорде 1s"
1603. "Отдано бедному схоллеру с
согласия мистера Мура, викария 0 0 6"

Стоит отметить, что суммы, выделенные этому достойному классу, превышали те, что выдавались обычным "путешественникам". Примечательно также, что, хотя часто упоминаются оксфордские ученые, с кембриджскими все обстоит наоборот. Обратившись к "Истории Кембриджского университета" Уиллиса и Кларка, мы обнаружим, что, хотя в ней и встречаются упоминания об ученых, занимающихся ремеслом, нет никаких указаний на то, что им выдавались лицензии на попрошайничество. Тем не менее, следующие записи доказывают, что иногда зарождающиеся кембриджские ученые получали общественную помощь.

Шеффилд

1573. "Дал Уильяму Ли, пономарю
Шоллер из Шеффилда, на
на обучение его в университете
Кембриджа и купить его
книги и другую мебель Вийс Иийд"

Коуторн, Йоркшир

1663. "Собрано в приходской церкви г.
Которн, для Томаса Карра, а
бедного школяра, который собирался
Кембридж, и понес в приходе
Эккесфилда, сумму в размере 6s. 6d."

С начала правления Якова I сохранилось мало записей, относящихся к ученым "из Оксфорда". Однако те, кто из других мест, названы до времен Карла II, и некоторые из них, должно быть, принадлежали к Оксфорду, поскольку их родной город был записан вместо университета.

Юлгрив, Дербишир

1623. "Бедному школяру из Бейквелла 0 1 0"

Хивитри, Девон

1667. "Дано на содержание
одного Ласки, бедного шоллера из Оксфорда £4"

(Это был Николас Ласки, сын Генри Ласки из Хивитри, который был записан в книгах колледжа Уодхэм как "filius pauperis". Он поступил в колледж 23 мая 1667 года, в возрасте семнадцати лет, и был настоятелем Эггесфорда в 1674 году и Уортингтона в 1687 году).

Все эти примеры сравнительно поздние, но мы можем быть уверены, что практика, о которой они свидетельствуют, существовала гораздо раньше, когда за пожертвованиями обращались не только к хранителям церковных фондов, но и к частным лицам, к чьим благотворительным инстинктам или благочестивым наклонностям успешно апеллировали нуждающиеся клерки. Чосер говорит о своем клерке из Оксенфорда:

Yet hadde he but litel gold in cofre:
But all that he myghte of his frendes hente,
На буки и на обучение он тратил,
И бизили за души, что были наготове.
Of hem that gaf him wher-with to scolaye.

Этот прилежный и добросовестный ученик "loked holwe", а его "courtefy" было нитяным.

В MS. Lansdowne 762 находится стихотворение, в котором крестьянин жалуется на многочисленные поборы, которые он несет - налоги в суд, платежи в церковь и поборы во имя благотворительности. К последней из этих категорий относится и милостыня ученым:

Чем приходят клерки из Оксфорда и зарабатывают деньги;
Для того, чтобы нанять ее, у них должны быть деньги.

Вряд ли можно сказать, что такие "ученые-цыгане" всегда получали лицензии, но они выдавались, и, когда их получали, несомненно, эффективно способствовали достижению цели, которую ставил перед собой проситель. Ниже приведен образец, выполненный в английском стиле, оригинал на латыни, датированный 15 июля 1467 года:

"Всем сынам Святой Матери-Церкви, до которых может дойти настоящее письмо, Томас Чондлер, профессор священного богословия и канцлер Оксфордского университета, приветствует Спасителя всех.

"Знайте все, что мы, с полным расположением, рекомендуем вашим святейшествам по причине его заслуг N., ученого этого университета, мирного, честного и достойного похвалы студента, настоятельно умоляя вас, чтобы, когда ему случится пересечь ваши места, земли, замки, города, крепости, лордства, юрисдикции и проходы, вы свободно позволили ему пересечь их без препятствий, неприятностей, арестов и увечий, с его товарами и имуществом, или сделать остановку в его походах; и если в любое время случится, что ему будет причинен вред в лице, имуществе или товарах, вы соизволите исправить это, как может быть, помня о вышеупомянутом университете. Кроме того, соизвольте помочь ему в случае нужды своими благотворительными милостями, примите того, кого мы рекомендуем, и окажите ему покровительство благотворительности, благочестиво полагая, что того, кто жалеет, Бог также пожалеет в надлежащее и благоприятное время.

"Дано в Оксфорде под печатью канцелярии вышеупомянутого университета в пятый день месяца июля в четырнадцатом сто шестидесятом году нашего Господа".

Из формулировки этого письма-завещания можно сделать разумный вывод, что оно было предоставлено для того, чтобы получатель мог добраться до своего дома или другого места, но в некоторых случаях целью могло быть пополнение истощенного кошелька и помощь бедствующему ученому в завершении его академического курса.

"Многие, - замечает мистер А. Кларк, - находились в состоянии крайней бедности, которую сейчас трудно признать или даже представить себе..... [Они] были освобождены от университетских и коллежских сборов и жили за счет того, что получали от колледжей или отдельных выпускников в качестве оплаты за различные мелкие услуги, которые они оказывали". Он приводит список из пятнадцати оксфордских ученых, которым были выданы лицензии в период с 1551 по 1572 год, причем срок их действия варьировался от семи недель до восьми месяцев. В XVI веке такие паспорта стали необходимы, или, по крайней мере, их отсутствие в тех случаях, когда ученые прибегали к попрошайничеству, чтобы заработать на жизнь, было сопряжено с серьезным риском. Согласно 4-му разделу Акта от 22 Генриха VIII. с. 12: "Скупердя Оксфордского и Кембриджского университетов, которые занимаются попрошайничеством, не будучи арестованными под печатью указанных университетов", должны были быть наказаны как праздные мошенники, и это наказание было далеко не легким. Этот раздел был включен в Акт Елизаветы 1571-2 годов, но опущен в Акт 1596-7 годов.

Ученые часто были вынуждены не только просить, но и занимать; а поскольку этот способ получения денег не всегда был прост, даже если предлагалось обеспечение, власти разработали систему залогов в пользу обедневших членов университета, как высших, так и низших. По сути, этот факультет едва ли можно отличить от ломбарда, работающего под респектабельной эгидой, но мы сильно заблуждаемся, если допускаем, чтобы наше представление об этом заведении вызывало ассоциации с мрачной лавкой на задворках, в которой безнадежная нищета играет свою последнюю смену. Мы скорее должны обратить свой взор к блаженному видению Mons Pietatis, как его изобразил Боттичелли - холмик из флоринов, с коленопреклоненными формами достойных просителей и облакообразным основателем, увенчанным ангельскими руками. Бедный ученый не стал расставаться со своим заветным имуществом: он мог надеяться вернуть его в более солнечные дни, а пока ему было чем занять себя в трудную минуту. В то же время маклеры позаботились о том, чтобы сделка стала источником прибыли для университета.

Самая ранняя благотворительность для поддержки ученых в Оксфорде заключалась в ежегодной выплате сорока шиллингов горожанами в качестве искупления за казнь некоторых клерков. В 1219 году эту обязанность взяло на себя аббатство Эйншэм, которое исправно выплачивало штраф вплоть до своего роспуска. Аналогичный, но меньший взнос был сделан аббатством Осенея, но о его происхождении ничего не известно. Нерегулярное использование этих средств побудило канцлера Роберта Гроссетесте в 1240 году принять постановление, в результате которого был создан "Сундук Фридсвайда". Эта казна стала родоначальницей многих других - к концу XV века их насчитывалось уже двадцать четыре - и долгое время оставалась типичной и самой ранней формой схоластической благотворительности, существуя бок о бок с основанием колледжей, которым она придала важный импульс. Управление этими сундуками во всех случаях было практически одинаковым. В преамбуле ордонанса, которым регулировалось управление средствами, сначала указывалось имя дарителя, а затем объявлялось о желании университета отплатить за его либеральность ежегодными мессами и праздниками. Благотворителям также предписывалось повторять столько-то "Pater Nosters" и "Aves" за упокой его души.

Далее следовали сведения о суммах, которые можно было занять, и о тех, кому они могли быть выданы, всегда при условии, что заемщик предварительно внесет залог равной или большей стоимости. Указывался срок, в течение которого залог мог быть выкуплен, а также время, в которое невыкупленный залог должен был быть продан после надлежащего уведомления публичным объявлением. В качестве опекунов обычно назначались северянин

и южанин, чтобы исключить любые жалобы по поводу распределения средств, а также предусматривалась регистрация займов и проверка счетов. Последний из основанных сундуков - это было во второй половине XVI века - передал в распоряжение Университета сумму, увеличивающую общую сумму не менее чем до двух тысяч марок; капитал, а не только проценты, мог быть использован для помощи нуждающимся ученым. Залоги были оценены присяжным канцеляристом университета, а о том, что их стоимость должна была превысить сумму займа, свидетельствуют условия ордонансов, в некоторых из которых попечители обязаны представлять аудиторам отчет о капитале и его увеличении. Однако, несмотря на все предосторожности, случаи казнокрадства были небезызвестны: не раз опекунов обвиняли в растрате, а в уставе содержатся жалобы на "чудесное исчезновение" средств, являющихся собственностью университета и обеспечивающих его дальнейшее управление.

Сундуки делились на две категории - "летние" и "зимние". Это различие, по-видимому, было связано с датой избрания опекунов. Однако в этом вопросе существовали значительные различия, и в более поздние эпохи положения ордонансов, в которых воплощались завещания, перестали соблюдаться. Еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания, заключается в том, что в ходе реформ, проведенных во времена архиепископа Лауда, почти все следы этой благотворительной системы были стерты, а имена основателей - Джона Понтисера, епископа Винчестерского, Гилберта Раутбери, Филипа Турвилла, Джона Лэнгтона, У. де Селтона, дамы Джоан Дэнверс и других - преданы тени академического забвения. В период, когда средства использовались в соответствии с замыслом завещателя, власти в своей мудрости игнорировали ограничения по возрасту, рождению и месту жительства, и поэтому любой член университета, софист или вопрошатель, бакалавр или магистр, имел право на долю в пособии. Такая широкая благотворительность не могла встретить единодушного одобрения. Как бы ни был велик фонд, его вряд ли хватило бы на нужды каждого плохо одетого и плохо питающегося ученого; и при распределении денег было бы только в согласии с обычным опытом человеческой природы, если бы предприимчивый чиновник, чье стремление опережало его ресурсы, был предпочтен какому-то скупому, неизвестному бедняку и получил бы совершенно непропорциональную долю элементосодержащего пособия.

В качестве иллюстрации того, что иногда случалось, можно привести случай с мастером Генри Севером, начальником Мертон-холла. Он провел ремонт зданий и, чтобы оплатить счет, занял у Селтоуна максимальную сумму, разрешенную ордонансом, - шестьдесят шиллингов. Чтобы получить этот аванс, он заложил освещенный миссал гораздо большей стоимости и теперь пришел, чтобы выкупить его. Он обнаруживает, что миссал был отдан какому-то клиенту для проверки, а вместо него был вложен серебряный кубок, который, по оценке канцеляриста, стоил еще больше. Это не совсем то, чего хотел мастер Север. Однако он берет кубок, уверенный, что в ближайшее время сможет договориться об обмене с человеком, у которого находится его миссал.

Это служит напоминанием о том, что при нехватке денег книги - основной источник интеллектуальной деятельности - были еще более скудными; и крайне интересно узнать, как смягчался этот художественный голод. Устные лекции были правилом, но от книг нельзя было полностью отказаться; и даже уордены не всегда могли приобрести все произведения, в которых они нуждались. Очевидным выходом была библиотека или библиотеки; и такие собрания - они появлялись своевременно, в основном благодаря завещаниям виртуозов - были бесценным подспорьем для огромного количества ученых, чьи скудные средства не позволяли им приобретать книги. В результате исследований мистера Блэкистона

знаменитая библиотека, которой Ричард Аунгервилл, как говорят, наделил Даремский колледж и, по словам Адама де Муримута, заполнил пять телег, оказалась мифом или, скорее, благочестивым намерением. Добрый епископ умер в долгах, а книги, если и сохранились как коллекция, то, как теперь ясно, в другом месте. Однако тридцать пять лет спустя другой епископ, Томас Кобхэм из Вустера, умерший в 1327 году, завещал университету массу книг, и в уставе о них говорится, что они должны быть прикованы в удобном порядке в "солере" над старым Домом конгрегации, где хранилось все имущество университета. Книги должны были находиться на попечении капеллана, который должен был молиться за душу дарителя.

В другом уставе говорится о "сундуке с четырьмя ключами", из чего следует, что книги хранились в сундуках и выдавались под залог, точно так же, как это делалось в случае с деньгами. Нередки были случаи, когда люди дарили или завещали книги при условии, что они будут храниться в алтаре церкви на цепи для использования учеными и периодически проверяться канцлером и прокторами. Безусловно, самым большим благодетелем университета в отношении книг был Хамфри, герцог Глостерский, который сделал множество ценных подарков при жизни, а после его смерти в 1447 году в хранилище был внесен последний крупный взнос. Из них только один остался в Бодлианской библиотеке, но в современных письмах есть много записей, выражающих благодарность и признательность за это великолепное пожертвование, которое способствовало развитию образования больше, чем любое другое пожертвование, занесенное в летопись университета.

Благополучие библиотекаря, как и положено, было предметом заботы. Постановлением от 1412 года его жалованье было увеличено, и он стал признан одним из главных служащих университета. Чтобы "отложенная надежда" не порождала слабости в исполнении его обязанностей, прокторы были обязаны регулярно выплачивать ему жалованье, а в качестве дополнительного поощрения каждый облагодетельствованный выпускник при поступлении должен был сделать ему подарок в виде одежды. Аналогичный обычай преобладал и в отношении беделей, и, как сентиментально замечено, было бы нелепо, если бы один, украшенный высшим достоинством, был наделен низшими привилегиями.

Ордонанс 1412 года привел и к другим изменениям. Вначале библиотека была доступна всем ученым в установленное время; теперь разрешение получали только выпускники или религиозные деятели, а в случае с последними - те, кто восемь лет занимался *философией*. Таким образом, монаху по имени Хардвик, не обладавшему такой квалификацией, приходилось просить о "милости", и даже тогда привилегия ограничивалась одним сроком. Причины этих ограничений, вероятно, заключались в том, что в те дни студенты бакалавриата в значительной степени состояли из нерадивых и грязных мальчишек, которые были склонны пачкать рукописи, в то время как у монахов были свои библиотеки, к которым они могли прибегать, не посягая на скудные ресурсы магистров и бакалавров. Все выпускники при поступлении должны были дать торжественную клятву, что будут обращаться с книгами *modo honesto et pacifico, nulli librorum per turpitudinem aut rasuras abolitionesque foliorum, præjudicium inferendo*.

Библиотекарю предоставлялся месячный отпуск, а по воскресеньям и святым дням библиотека была закрыта, если только не случалось, что ее желал посетить какой-нибудь знатный человек, тогда ему предоставлялось время от восхода до заката, при условии, что за ним не будет следовать шумный сброд. В остальное время библиотека была открыта с девяти до одиннадцати утра и с часу до четырех вечера. На стене висела большая доска с именами книг и дарителей, "чтобы забвение, мачеха памяти, не вырвало из нашей груди воспоминания о наших благодетелях". С той же целью трижды в квартал у алтаря святой

Катерины в церкви Пресвятой Девы совершалась торжественная месса Святого Духа, а раз в квартал - заупокойная месса. Каждый вечер книги и окна библиотеки закрывались, и, за редким исключением, книги не разрешалось выносить.

АКАДЕМИЯ

ГЛАВА VIII

О ПРИВИЛЕГИЯХ

Хотя деньги и книги были двумя основами, на которых зиждилась структура Университета, очевидно, что большое учреждение такого рода предполагало привлечение многочисленных служащих, не имеющих прямого отношения к учебному процессу, но выполняющих не менее необходимые функции по поддержанию порядка и удовлетворению потребностей организма. Все занятые таким образом лица считались "привилегией Университета" и находились под юрисдикцией ректора. Из договора между Оксфордским университетом и городом, датированного 1459 годом, мы узнаем, что привилегия включала в себя:

"Канцлер, все доктора, мэтры, другие выпускники, все студенты, все схоляры и все клерки, живущие в пределах территории Университета, какого бы состояния, порядка или степени они ни были, каждый ежедневный постоянный слуга каждого из них, принадлежащего им по праву, стивард Университета с их людьми, также все беделлы с их ежедневными слугами и их домохозяевами, все катеры, манчипы, спенсеры, коки, лаванды, дети сколлеров или клерков, в пределах участка упомянутого Университета, также все другие слуги, берущие одежду или гирю за год, половину года или четверть года, берущие за год не более vi. шиллингов и viij. пенсов, за половину iii. шиллингов и iv. пенсов, и за четверть xx. пенсов любого доктора, магистра, выпускника, сколлера или клерка без мошенничества или злоупотребления; также всех обычных карьеров, брингов сколлеров в Университете, или их денег, писем, или любого особого послания любому сколлеру или клерку, или приносителю любого сколлера или клерка из Университета за время, когда они приносят, брингуют или пребывают в Университете до этого момента."

Пергаментщики, иллюминаторы, писцы, цирюльники и портные также были членами Привилегии.

Прежде чем двигаться дальше, стоит поинтересоваться, что подразумевается под "участком Университета". По всей видимости, существовала некоторая неопределенность относительно радиуса, в который он входил. В 1444 году Генрих VI предоставил канцлеру право изгонять любого непокорного человека из пределов Университета, что означало окружность в двенадцать миль. С другой стороны, 17 марта 1458 года Дэвид Ап-Томас поклялся на Святом Евангелии, что будет хранить мир по отношению к членам Университета, сообщит властям о любом заговоре против них, о котором ему станет известно, не будет помогать вызволять Ричарда Люда из тюрьмы, а на следующий день покинет Оксфорд и не будет приближаться к Университету ближе чем на *десять* миль в течение двенадцати недель.

Бедели

Из всех лиц, названных в качестве представителей Привилегии, бедели, как исполнительные должностные лица, наиболее отчетливо представляют ее характер и масштабы. Должность

беделя, конечно, не ограничивалась университетами. В Лондоне, например, в палатах были свои бедели, которые поклялись, *в частности*, не допускать, чтобы в палате, где они были беделями, жили люди с дурной репутацией, и возвращать хороших людей на дознание. Они также должны были иметь хороший рог и громкий звук. В Оксфорде постельничие были обязаны вызывать ученых по их просьбе и арестовывать провинившихся. Последняя обязанность, естественно, была сопряжена с определенными опасностями; так, в 1457 году некий Ричард из замка, вырвавшись из рук Кейма, беделя, с нарисованным кинжалом, потому что он отказался идти в тюрьму, был изгнан из университета. С беделов также взимались штрафы, и они играли заметную роль в церемониях Конгрегации и других подобных собраниях. Поскольку их положением можно было злоупотреблять, на них налагались определенные ограничения. Так, им запрещалось просить или получать [чрезвычайную?] плату от инцепторов[3] и уносить что-либо с собой с пиров на инцепциях. Они должны были присутствовать на похоронах, но не могли просить ни доли в подношениях, ни подарков от душеприказчиков умерших. Они должны были сдать свои булавы на первой общине после Михельмаса, но имели право на повторное назначение.

Беделлы были двух рангов - высшие и низшие; высшие беделлы были обязаны по давнему обычаю обеспечивать низших беделлов питанием и жильем, а также десятью шиллингами в год на обувь. В 1337 году последние, покидая свой пост в конгрегации, согласно обычаю, пожаловались на то, что старшие бедели не обеспечили их питанием. После этого университет постановил, что низшим беделям должен быть предоставлен выбор: стоять на трапезе вместе с настоятелем или получать еженедельное пособие в размере семи пенсов в качестве компенсации. Это пособие должно было приостанавливаться на время отсутствия в Оксфорде любого младшего постельничего, будь то по его собственным делам или по делам университета. Была подтверждена ежегодная выплата десяти шиллингов на обувь. Несоблюдение этих правил грозило старшим беделям потерей должности, когда наступало время возобновления булавы.

Естественно, возникает вопрос: из какого источника или источников высшие бедели получали средства не только для обеспечения своих нужд, но и для того, чтобы кормить, содержать и, в некоторой степени, одевать своих голодных и недовольных иждивенцев? На этот вопрос проливается свет, который показывает, что и сами высшие бедели могли быть не в обиде. Во всяком случае, примерно семьдесят лет спустя - в 1411 году - ордонанс обращает внимание на упущения со стороны студентов, явно неудобные в то время, следующими словами:

"Благотворительность студентов в последние дни остыла, так что они больше не собирают деньги для докторов и магистров своих факультетов и не *делают должных подарков беделям*; поэтому постановлено, что отныне все ученые, получив извещение от доктора, магистра или беделя соответствующего факультета, должны регулярно платить взносы согласно древнему уставу под страхом потери текущего года обучения и лишения своих привилегий; И все директора залов, по уведомлению докторов, магистров или беделей, должны в течение месяца после начала такого сбора позаботиться о том, чтобы члены их обществ вносили взносы, а имена тех, кто этого не делает, отсылать канцлеру под страхом штрафа в двадцать шиллингов: и каждый доктор или магистр должен честно платить беделю в течение месяца с начала сбора."

Из уведомления от 1432 года следует, что бедели получали одну двенадцатую часть всех штрафов, наложенных за проступки; а в 1434 году, перед приемом инцепторов, канцлер объявил, что каждый инцептор должен будет заплатить обычную пошлину в размере тридцати шиллингов и пару перчаток из кожи грецкого дерева для каждого беделя, или,

вместо перчаток, пять шиллингов, которые будут разделены между беделями. Два лиценциата запротестовали против такой оплаты, заявив, что она противоречит уставу, после чего было проведено расследование, в ходе которого выяснилось, что эти сборы выплачивались беделям с незапамятных времен и, следовательно, были причитающимися.

Назначение беделлов принадлежало регент-магистрам и было одной из их наиболее ревностно охраняемых прерогатив. Упоминается Джон Кейм, , который в течение многих лет занимал должность беделя. Когда в 1433 году он был избран четырьмя магистрами-регентами и двумя прокторами в конгрегации, канцлер и доктора четырех факультетов попытались выдвинуть своего кандидата, некоего Бенедикта Стоукса, на том основании, что они были старшими членами университета и представляли большинство своих факультетов. Понимая, что главенство факультета искусств находится под угрозой, прокторы воспротивились этому требованию и потребовали принять Кейма, в результате чего канцлер неохотно уступил. Доктор права Ричард Каунтоне и кандидат Бенедикт Стокс подали апелляцию, но через три дня оба отказались от нее как от легкомысленной, и их предостережения были аннулированы. Но и на этом дело не закончилось. Через два дня после этого до прокторов дошла информация о том, что один из докторов дал понять своим ученым, что выборы были бы недействительными, если бы не голос, записанный доктором. Тогда прокторы, чтобы окончательно решить вопрос, созвали конгрегацию, на которой было определено, что фраза "большая часть" подразумевает численное большинство.

Выборы беделлов проводились так же, как и выборы канцлера. Каждому такому избранию предшествовали три прокламации, сделанные в течение восьми "разборчивых" дней после того, как должность становилась вакантной.

Отношения между университетом и городом будут рассмотрены далее. Здесь можно заметить, что бедели осуществляли определенный контроль над действиями горожан, которые касались интересов студентов. Например, когда вещи и имущество Гарри Киза, ученика, оставленные в доме Томаса Мансипла, были "пресид" между Томасом Смитом и Дэви Дайкером, оценщики были приведены к присяге перед Джоном Вайкамом, беделем.

Если бедели, как государственные служащие, обязательно и явно были представителями Привилегии, то это замечание не менее справедливо в отношении более скромных должностных лиц, личных слуг ученых. Как мы уже видели, оплата беделей частично зависела от сборов, и доходы ученых слуг черпались из того же источника. Каждый хозяин был обязан по закону требовать от своих стипендиатов взносы в конце семестра на так называемый "сбор". В настоящее время это выражение применяется к выпускным экзаменам, а его использование связано с тем, что плата за обучение варьировалась в зависимости от предмета изучения. Для грамматики установленная сумма составляла восемь пенсов, для естественной философии - четыре пенса, для логики - три пенса за семестр, и было принято считать, что в году четыре семестра. Каждому ученику полагалось двое слуг - старший и младший; первый получал три пенса, а второй - один пенни за семестр. От этих поборов невозможно было уклониться; даже самый бедный студент должен был платить "скудо и много" на содержание обоих классов слуг, некоторые из которых, несомненно, были лучше, чем он сам. Разделение этих слуг на ордена, напоминающие ордена беделлов, дошло до наших дней: в большинстве оксфордских колледжей есть старшие и младшие "скауты". Это, как было хорошо замечено, "любопытный пример живучести незначительных обычаев, которые существуют, в то время как более значительные уступают место новым".

В начале главы был приведен список различных профессий, в большей или меньшей степени связанных с работой университета, профессора которых считались привилегированными. Термин "привилегия" в этом и подобных контекстах обозначает административную автономию и особую юрисдикцию; представители этих профессий подчинялись канцлеру, а канцлер должен был отвечать за их хорошее поведение перед королем и парламентом. В Средние века канцлер не был, как в наши дни, постоянной и декоративной фигурой, обязанности, надлежащие этой должности, выполнял вице-канцлер. Он был активным и доминирующим центром университетской жизни и, как таковой, принимал на себя ответственность за многочисленные детали, которые сегодня считались бы слишком мелкими и даже смешными для персоны его достоинства и важности. Однако давление судебных и других дел было столь велико, что необходимо было освободить его от части бремени, и поэтому мы часто видим комиссаров, которые сидят в его комнате и заменяют его.

Министерство торговли

Полномочия канцлера были весьма значительными. Они не распространялись на вопросы жизни и смерти, но он мог налагать штрафы, заключать в тюрьму, изгонять, а будучи священнослужителем, отлучать от церкви; эти методы обличения и принуждения постоянно использовались им как мировым судьей по должности и цензором общественной морали. Привилегия университета имела двойственную природу. Она защищала ученых в любом суде первой инстанции, кроме университетского; с другой стороны, университет получал полный контроль над своими учеными, которым было запрещено входить в светский суд. Истцы могли обжаловать решение канцлера в Конгрегации, а если они все еще не были удовлетворены и дело было достаточно серьезным, - у Папы, то есть в духовных делах. В мирских делах апелляцию можно было подать в высшие трибуналы королевства и королю. Канцлер также мог обратиться к королю, ссылаясь на светскую власть в тех случаях, когда голос церкви оказывался неэффективным в борьбе с мятежными подданными, и письмо, адресованное государю с этой целью, на техническом языке называлось *сигнификатом*.

Иногда король, движимый, возможно, петицией своих подданных в том или ином университетском городе, увещевал канцлера быть более бдительным при исполнении своих обязанностей. В июне 1444 года глава Оксфордского университета получил следующее послание от Генриха VI:

"Доверенные и доброжелательные, мы приветствуем вас и с опозданием узнаем, что нам стало известно из достоверных сообщений о приветственных беспорядках и неправильном управлении, которые в разные времена происходили и продолжают происходить по двум схемам, используемым в нашем Оксфордском университете в бдение св. Иоанна Крестителя и Святых Апостолов Петра и Павла к большому ущербу и расстройству печальных и злых людей того же Университета, поэтому Мы, желая, чтобы такие пороки и неправильное управление были подавлены и отменены в указанном Университете, и желая спокойствия и безмятежности указанного народа в нем, мы строго поручаем вам проследить и распорядиться по вашему усмотрению, чтобы все такие пороки и злоупотребления были оставлены, а все те, кто будет уличен в этом, были строго наказаны в пример всем остальным; и более того, мы поручаем вам, наш канцлер, которому в силу нашей привилегии поручено управление и хранение нашего мира в вышеупомянутом университете, чтобы, избегая всех неудобств, вы следили и приказывали, чтобы наш мир точно сохранялся в вышеупомянутом университете, как в те же бдения, так и во все другие времена; и так как нам известно, что проповеди на латыни, которые когда-либо до этого времени, за исключением последнего времени, теперь сильно нарушены, к большому ущербу и недоброжелательности

того же самого, мы поэтому, желая, чтобы в нашем вышеупомянутом Университете приумножались добродетель и хитрость, хотим и строго повелеваем вам, чтобы вы с достаточной зрелостью посоветовали верное исправление в этой партии, посредством которого такие проповеди могли бы впредь продолжаться и нерушимо соблюдаться, в чем вы и сделаете Нам особое одолжение. - Гевен под нашей печатью в Фарнехеме 20 дня Джуина".

Читателю, несомненно, будет интересно узнать, по какому поводу был сделан этот выговор. Заключительная часть придает ему несколько общий характер и может быть истолкована как указание на прискорбное падение прежнего высокого уровня благочестия и образованности, исправить который могла только непрестанная проповедь. Если не принимать во внимание этот постскриптум, то совершенно очевидно, что скандал, возникший в связи с соблюдением бдений, был вызван неосмотрительными каруселями ремесленников, включенных в Привилегию, и поэтому подлежал магистерскому вниманию канцлера. Достаточно упомянуть о беспорядках в канун дня Святого Иоанна Крестителя.

Как это было принято в средневековых городах, за разными ремеслами были закреплены разные участки, и портные, которые, должно быть, вели процветающий бизнес по пошиву чепцов и платьев, имели свои лавки в северо-западном приходе прихода Святого Михаила. В давние времена эти спутники в определенное время - особенно в канун дня святого Иоанна Крестителя - предавались непристойным демонстрациям. Они становились очень веселыми и, наевшись, напившись и нагулявшись, "совершали круг" по улицам города в сопровождении разных музыкантов и "произнося определенные сонеты" в честь своей профессии и покровителя. Пока они держались в этих пределах, кажется, никто не жаловался, но дело все больше и больше разрасталось. Люди были обеспокоены и встревожены, караульные били, и от ударов возмутительные портные перешли к убийствам. Так и вышло, что их гуляния вместе с "кружком" другой профессии в канун дня святых Петра и Павла были запрещены сначала Эдуардом III, а затем Генрихом VI в цитированном выше письме.

Еще одним ремеслом, тесно связанным с университетом, было ремесло цирюльников. В двадцать втором году правления Эдуарда III. (1348) вся компания и сообщество цирюльников в окрестностях Оксфорда предстали перед канцлером и объявили о своем намерении "соединиться и связать себя узами дружбы и любви". Они принесли с собой некоторые постановления и уставы, составленные в письменном виде для блага ремесла цирюльников, и попросили канцлера изучить и исправить их, а затем, если он одобрит, приложить к ним печать университета. Правила были серьезно рассмотрены канцлером, двумя прокторами и некоторыми докторами, и на следующий день было решено удовлетворить прошение и учредить цирюльников в качестве общества или корпорации.

Первая статья гласила, что упомянутое ремесло должно, под страхом определенных наказаний, хранить и поддерживать свет перед образом Богоматери в часовне Богоматери, в пределах церкви Св. Фридсвайда; вторая - что никто из представителей этого ремесла не должен работать в воскресенье, кроме рыночных воскресений и времени сбора урожая, или брить кого-либо, кроме тех, кто должен был проповедовать или совершать религиозные действия в воскресенье в течение всего года; третья же статья предусматривала, что все представители этого ремесла должны получать не менее шести пенсов в квартал с каждого клиента, который желает быть побритым еженедельно в его палате или доме. Бритье раз в неделю не соответствует нашим современным представлениям о привлекательности и презентабельности внешнего облика, но то же самое правило преобладало в Кембридже. Устав колледжа Святого Иоанна в этом университете гласил: "Колледжу крайне необходим

цирюльник, который должен раз в неделю брить и стричь головы и бороды магистров, стипендиатов и стипендиаток, в зависимости от их потребностей".

В уставе Нового колледжа в Оксфорде есть запрет на шуточную церемонию бритья в ночь, предшествующую магистратуре. Это называется *лудус* (или *пъеса*), и считается, что она была связана с церковными маскарадами, столь популярными в Средние века, в одном из которых действующими лицами были епископ, аббат, прецептор, а дурак брил прецептора на публичной сцене, возведенной в западном конце церкви. Во Франции также существовал вид маскарада, который отмечался религиозными людьми и заключался в демонстрации самых грозных бород; Григорий Турский сообщает, что аббатису Пуату обвинили в том, что она позволила провести в своем монастыре одно из таких представлений, называемое *Барбиторией*.

Единственными религиозными людьми, которым разрешалось носить длинные бороды, были тамплиеры; и, если говорить в целом, [4] наличие или отсутствие волос было одним из признаков раскола между духовенством (*tonsi*) и мирянами (*criniti*). Даже те, кто имел привилегию носить длинные волосы - мы, конечно, имеем в виду мужскую часть общества, - должны были быть обриты настолько, чтобы виднелась часть ушей, и чтобы не были закрыты глаза. Поначалу может показаться странным, что вопрос об обрезании волос находится в ведении Церкви - можно было бы считать, что сам человек или его цирюльник вольны советоваться с собственным вкусом. Однако канон, который регулировал этот обычай, основывался на апостольском требовании: "Не сама ли природа учит вас, что если у человека длинные волосы, то это позор для него?"

Это предписание а fortiori распространялось на священников, которые должны были довольствоваться совсем небольшим количеством волос. Во время посещения Ориэл-колледжа Лонглендом, епископом Лондонским, в 1531 году, он приказал одному из стипендиатов, который был священником, под страхом изгнания воздержаться от ношения бороды и розовых туфель, как у лаиков. Похоже, что этот духовный человек имел привычку высмеивать губернатора и стипендиатов колледжа, поскольку ему было приказано отказаться и от этой дурной привычки.

Правильное объяснение обычая, осуждаемого уставом Нового колледжа, несомненно, уже приведено. Хирн, однако, полагал, что это было преломление к лоллардам. Виклиф всегда изображается с бородой, и, поскольку большинство его последователей были мирянами, это, возможно, было символом секты, которая могла вспомнить текст: "И не остригай углов бороды твоей".

Интерес университета к искусной тонзуре теперь хорошо понятен, но тяга к подчинению фальшивых волос должна была быть совершенно вторичной сравнению с желанием поддержать телесные силы, и, соответственно, повара стояли очень близко к поставщикам интеллектуальной пищи. Канцлер не ограничивался лишь ратификацией их постановлений; в порядке естественной последовательности он или его заместитель следил за тем, чтобы они соблюдались должным образом, и создавал апелляционный суд для разрешения междоусобных разногласий. Так, 19 августа 1463 года два человека, прокторы ремесла поваров Оксфордского университета, подали прошение комиссару против одного из членов, который отказался внести свой вклад в нахождение свечей, вульгарно называемых "кок-лайт", в церкви Святой Марии-Девы, и в некий привычный праздник в день Слета поваров в мае месяце. Для расследования дела был назначен день, когда ответчик не явился, но было приведено несколько свидетелей, подтверждающих утверждения истца. Роберт, повар Хэмптон-холла, заявил, что все повара колледжей и залов вносили свой вклад в ежегодный

пир; что он был поваром в течение шести лет и что повара всегда назначали двух человек из своего числа для сбора вкладов. Его показания подтвердил Стивен, повар Вайн-холла, а также Уолтер, другой повар, и Джон, повар "Брасеноса". Примечательно, что в протоколе этих заседаний имена записаны как "Стефанус Кок", "Вальтерус Кок" и "Йоханнес Кок", что проливает свет на образование одной из наших самых распространенных фамилий.

Канцлерский суд решал не только вопросы государственной политики и "конституционного обычая", но и выносил приговор преступникам всех мастей. Не стоит забывать, что это был церковный суд, а значит, рассматривались как преступления против добрых нравов, так и законы страны. Человек, несправедливо опороченный как виновный в недержании мочи, мог очистить себя добровольным процессом компульсации, то есть присяжным свидетельством авторитетных друзей. Если, к несчастью, он был виновен, он мог реабилитировать себя, формально отказавшись от своих проступков. И ученые, и другие представители Привилегии часто представляли перед канцлером в образе кающихся. В 1443 году некая Кристина, прачка из прихода Святого Мартина, поклялась, что больше не будет заниматься своим ремеслом ни для одного ученого или ученых Университета, поскольку под прикрытием этого ремесла было совершено много зла, поэтому она была заключена в тюрьму и свободно отказалась от вышеупомянутого зла в присутствии магистра Томаса Гаскойна, S.T.P., канцлера. В 1444 году доминус Хьюго Садлер, священник, поклялся на Святом Евангелии, что не будет нарушать покой университета и воздержится от сводничества и блуда, под страхом уплаты пяти марок по приговору. В этом случае в качестве поручителей выступали четверо, по отдельности и совместно. В 1452 году Роберт Смит, он же Харпмейкер, заподозренный в прелюбодеянии с Джоан Фиц-Джон, gobеленовой мастерицей, проживавшей в угловом доме на восточной стороне Кэт-стрит, отрекся от общества той же Джоан и поклялся, что не будет появляться нигде, где она находится, будь то на общественной улице, рынке, в церкви или часовне, под страхом уплаты сорока шиллингов в пользу университета. 22 августа 1450 года Томас Блейк, *пелипарий*, Уильям Уайт, цирюльник, Джон Карин, *хиротекарий*, "хусбундмены" (домохозяева), предстали перед канцлером и, коснувшись Святых Евангелий, запретили игру в теннис в Оксфорде и его окрестностях.

В этом месте будет уместно упомянуть об обычае, который отнюдь не ограничивается университетами и о котором, похоже, существует некоторое заблуждение. "Дни любви", как их называют, странным образом путают с *днями юриспруденции*, в то время как суть этого института заключается в том, чтобы избежать судебных разбирательств со всеми их расходами и недоброжелательностью. Практика передачи споров на дружеский арбитраж, похоже, была основана на тексте: "Смеет ли кто из вас, имея дело против другого, идти в суд к неверующим, а не к святым?". В этих обстоятельствах неудивительно, что духовенство играло большую роль в подобных разбирательствах; так, мы видим, как Чосер отзывается о своем Фрере:

In love dayes ther coude he mochel helpe,
Ибо он был как закройщик,
С трехпалым кофром, как у бедняка-скотовода,
Но он был как майстер или папа.

Университет, будучи микрокосмом всего королевства, *imperium in imperio*, в силу "королевской привилегии", имел место, когда прискорбные недоразумения передавались на

решение одного или нескольких выпускников, занимающих должность, - либо в первой инстанции, либо, в конечном счете, канцлеру или комиссару - лицами, находящимися под академической опекой. После вынесения решения по делу предписывались формы примирения: стороны должны были пожать друг другу руки, встать на колени, подарить друг другу "поцелуй мира" и устроить пир за свой счет, меню которого иногда определял арбитр.

Эта интересная и восхитительная черта староанглийской жизни так подробно иллюстрируется в анналах Оксфорда, что, кажется, стоит привести примеры. Так, 8 ноября 1445 года спор между Джоном Годсондом, канцеляристом, и Джоном Конели, "лимнером", был передан на рассмотрение двум магистрам искусств, и они не смогли составить его в установленный срок, тогда вмешался канцлер и постановил, что Джон Конели должен работать на Джона Годсонда только один год; что его заработная плата должна составлять четыре марки десять шиллингов; что он должен сам приносить свои работы и возвращать их в дом своего работодателя; что он должен быть экономным в использовании своих красок; и что его работодатель должен иметь свободный вход в то место, где он сидел за работой. 7 июля 1446 года четверо арбитров, рассмотрев ссору между Бродгейтсом и Паулиной Холлс, выдвинули следующие условия: Принципалы должны просить друг у друга примирения для себя и своих сторон; они должны дать друг другу поцелуй мира и поклясться на Святом Евангелии иметь братскую любовь друг к другу на будущее время, а также обязаться соблюдать ее под залогом выплаты ста шиллингов за ее нарушение. Залог должен был храниться у канцлера, и он должен был передать его, если вражда возобновится, в руки пострадавшей стороны. Дэвиду Филипу, якобы ударившему Джона Коунли, было велено встать перед ним на колени, попросить и получить прощение. Стоит отметить, что неизменная фраза, применяемая к прошлым ссорам, - "ab origine mundi" - не оставляла лазейки для возрождения родовой вражды, какой бы отдаленной по времени она ни была.

21 июля 1452 года мастер Роберт Мейсон, вынес решение по делу Томаса Кондейла, слуги Нового колледжа, и Джона Мориса, портного, обязал обе стороны, в качестве залога доброй воли, пригласить своих соседей на развлечение и предоставить за их совместный счет два галлона хорошего эля.

10 января 1465 года Томас Чондлер, С.Т.П., генеральный комиссар Оксфордского университета, будучи избран арбитром между благородным сэром Томасом Лансетером, каноником-регуляром и настоятелем того же ордена студентов, и Саймоном Маршаллом, с одной стороны, и Джоном Мертоном, педагогом, и его женой, с другой, постановил, что никто из них не должен оскорблять, угрожать или корчить рожи друг другу, и что они должны простить все прошлые обиды. Никто из них не должен был возбуждать дальнейших судебных или внесудебных разбирательств, и в течение пятнадцати дней с момента принятия этого постановления они должны были организовать развлечение за свой счет: одна сторона должна была предоставить гуся с мерой вина, а другая - хлеб и пиво.

Наконец, 6 февраля 1465 года доктор Джон Колдбек, арбитр между некоторыми членами "Уайт-холла" и "Дип-холла", приказал сторонам простить друг друга и не начинать никаких дальнейших разбирательств. Он наложил на них вечное молчание, а что касается определенного стола, *causa teterrima belli*, оставил решение за канцлером. Спорщики, сопровождаемые четырьмя членами от каждого зала, должны были встретиться в назначенное время и в назначенном месте, для их взаимного развлечения должно было быть приготовлено вино, а перед расставанием они должны были пожать друг другу руки.

Вопрос слишком долго откладывался: против кого Университет сохранял свои привилегии? Отчасти, несомненно, против офицеров короля, но в основном против мэра и бургомистров

Оксфорда, между которыми и учеными кипела вражда, выливавшаяся в периодические столкновения, которые по своему характеру соответствовали, но были бесконечно более кровопролитными, чем "драки между городом и городом" более поздних времен. Общим результатом этих беспорядков, которые считались актами агрессии со стороны горожан, но, скорее всего, были спровоцированы дерзостью студенческой части университета, чему есть множество свидетельств, стало укрепление власти канцлера и расширение его полномочий. Мы видели, что в ранний период горожане были обложены ежегодной данью, от которой они впоследствии были освобождены, за повешение некоторых клерков. Это могло бы послужить достаточным предупреждением о неприкосновенности эрудированных людей в их среде, но не возымело действия. Всего в позднее Средневековье было три крупных бунта, о которых мы расскажем далее, вместе с их последствиями.

Первый из этих трех крупных конфликтов между горожанами и учеными произошел в 1214 году. Он завершился компромиссом, достигнутым епископом Тускулума, папским легатом, королем, предоставившим университету юрисдикцию во всех случаях, когда одна из сторон была ученым или слугой ученого. Второе волнение, произошедшее в 1290 году, побудило короля передать университету полномочия по охране мира, надзору за продовольственной ассамблеей и мерами веса и меры совместно с мэром, который до сих пор имел полную власть в вопросах полиции. Третья битва произошла в 1357 году. Это был знаменитый бунт в день Святой Схоластики - *satis periculosa* - который привел к отлучению мэра от церкви, а на него и на все население города Оксфорда был наложен интердикт Джоном, епископом Линкольнским. Мэр, который был виноградарем и был втянут в ссору, поскольку она возникла в его таверне, по одним сведениям, изначально находился на службе университета, защищенный привилегией, и это, конечно же, рассматривалось как отягчающее обстоятельство его преступления. Закончилось все тем, что вышеупомянутые права были подтверждены с некоторыми расширениями, а именно: надзор за тротуаром и поддержание мира как между лаиками, так и между учеными, в то время как мэр был исключен из поддержания мира между учеными.

Епископ Линкольнский обязал мэра и его приближенных посещать юбилейную мессу в церкви Святой Марии в день Святой Схоластики, а ученым запретил под страхом длительного тюремного заключения наносить любому мирянину города, направляющемуся в церковь, во время празднования мессы или во время возвращения, какие-либо увечья или насилие, чтобы не отвратить его от соблюдения этого долга. Это предостережение провозглашалось в школах из года в год, в "разборчивый день", непосредственно предшествующий празднику. Хорошие отношения восстанавливались с трудом, и уже в 1432 году власти были вынуждены издать следующий указ в надежде утихомирить скандал:

"Поскольку нет более подходящего средства для смятения прискорбных разногласий между университетом и городом, которые являются признаком гнева Всевышнего, чем благочестивые мольбы священников, идущих в процессии, поэтому данный указ издается для регулирования таких процессий. Первым должен идти канцлер, за ним доктора по два и по два, по рангу их факультетов, затем магистры искусств, затем бакалавры теологии, затем нерегенты, затем благодетельные бакалавры, затем все прочие бакалавры, затем светские священники, не являющиеся студентами, затем ученые, все по два и по два, и все молча молятся за короля и других благодетелей, живых и мертвых, и за мир и процветание университета. Священники, не являющиеся студентами, обязаны присутствовать под страхом штрафа в шесть пенсов, но ни один лицензиат любого факультета не может присутствовать на этом действе".

Было бы несправедливо завершить этот рассказ, не приведя версию горожан о том, как осуществлялась эта привилегия. Ее удобно представить в виде двух петиций, одна из которых, безусловно, а другая, вероятно, датируется вторым годом правления Эдуарда III (1328). Если в этих обвинениях есть доля правды, то следует признать, что канцлер злоупотреблял своим судебским положением до такой степени, что это было совершенно невыносимо для жертв.

I

"Королю и Совету; бургомистры Оксфорда жалуются, что в то время как канцлер и Оксфордский университет рассматривают договоры, соглашения и посягательства между клерком и клерком, или клерком и мирянином, они посягают на права города, и притягивают к себе эти договоры и т.д., между мирянами, особенно в некоторых дарениях и исках, подаваемых канцлеру, где клерк имеет некоторые заботы, которые, соvine, вынуждены нести большие суммы, которые не были должными, и таким образом ответчики осуждаются и затем отлучаются от церкви во всех церквях города, если они не согласны на это; и если они не освобождаются от приговора перед канцлером, они лишаются всего до своих штанов, и должны отдать все свое имущество клерку. Точно так же обвинение в посягательстве, в котором имела место уступка клерку, завершается признанием долга, и таким образом доказывается взимание ренты со свободных владений, вопреки закону и с большим бременем для владений города. Таким образом, канцлер посягает на права города, нанося ущерб доходам короля по судебным искам и делам о долгах и т. д., которые могут быть рассмотрены судьями или мэром и судебными исполнителями города. И при таких разбирательствах перед канцлером в отношении купцов и других проезжающих чужестранцев, а также жителей, купцы не будут останавливаться в городе из-за таких дурных поступков, и город от этого сильно обеднеет".

II

"Королю и Совету: Уолтер де Харуэлл, бургомистр и наследник в Оксфорде, доказывая, что, хотя канцлер университета рассматривает правонарушения и договоры между клерком и клерком, клерком и мирянином в городе, но нигде более, некий Уильям де Уайни, клерк, привлек его к ответственности перед канцлером за правонарушения, совершенные вне его юрисдикции в чужом графстве; Упомянутый Уолтер оправдался перед канцлером, но тот, несмотря на это, приговорил его к тюремному заключению и держал его в тюрьме в Оксфорде до тех пор, пока не удовлетворил упомянутого Уильяма крупной суммой денег и не взял с него обязательство в 20 фунтов стерлингов быть в воле упомянутого университета, и все равно ему пришлось найти мейнприз, прежде чем он мог быть освобожден. И поскольку, когда его схватили и повели в тюрьму бедельеры Университета, он вошел в свой дом и закрыл сундуки и двери своей комнаты ради сохранности своих вещей и имущества, упомянутый канцлер изгнал его из города и объявил повсюду, будто он преступник, и наложил арест на все его товары и имущество, угрожая, если он войдет в город, снова заключить его в тюрьму на шесть дней. Никто и никогда не имел такого права или власти, чтобы объявлять вне закона, уничтожать и изгонять королевских бюргеров в указанном городе. Молится об исцелении за милосердие".^[5]

Возможно, из-за их особого положения в качестве имущества короля, ни уставные права горожан, ни привилегии университета не могли быть напрямую предъявлены к евреям, которых в Оксфорде, судя по всему, было немало, но неверующим не позволялось делать все, что им заблагорассудится. Критический случай произошел на праздник Вознесения, в

1268 году, во время торжественной процессии в соборе Святого Фридсвайда, когда несколько ужасных евреев, *демонических духов*, выхватили крест у носильщика, сломали его и растоптали ногами. Жалобу подали королю, который оказался в Вудстоке, и тот издал указ об изготовлении за счет евреев двух крестов, один из которых должен был быть серебряным позолоченным и переносным, а другой - мраморным и стационарным. Они должны были храниться для вечной памяти о возмущении; а серебряный крест был подарен канцлеру, магистрам и ученым, чтобы они несли его перед собой в торжественной процессии. В ордонансе говорится, что "поскольку мощи блаженной Фридсвиды покоятся в округе Оксфорд и особенно должны быть заслуженно почитаемы как Университетом, так и другими, в частности всеми, кто живет в вышеупомянутом городе, то указанный Университет может получить, благодаря заступническим заслугам и молитвам той же Девы, более обильное спокойствие и мир на будущее, торжественная процессия должна быть совершена в середине, то есть в Великий пост, в церковь той же Девы, для мира и спокойствия Университета, и чтобы там была совершена торжественная месса в отношении вышеупомянутой Девы."

АКАДЕМИЯ

ГЛАВА IX

ОБЩАЯ ШКОЛА"

Мы изложили с некоторой конкретностью условия университетской жизни; теперь нам предстоит рассмотреть университетскую жизнь в ее более интимных отношениях. И сначала мы должны сказать кое-что о названии, латинскость которого не вызывает подозрений, хотя его удобство и выразительность не подлежат сомнению. Термин *studium generale* применялся в средневековые времена к академии, в которой преподавались все предметы, и которая таким образом отличалась от грамматических школ и школ божественности, в первых из которых учебный план ограничивался латынью, а во вторых - теологией. Фраза также означала место общего отдыха, в отличие от просто местных фондов, преимущества которых ограничивались ближайшим окружением. По словам г-на Фруда, не менее тридцати тысяч студентов "съехались из Европы в Париж, чтобы послушать Абеляра"; традиции Оксфорда и Кембриджа были столь же гостеприимны.

"Нации"

Прежде чем обсуждать систему степеней, желательно поговорить о "людях" - кандидатах на получение диплома; и в этой связи необходимо подчеркнуть космополитический характер наших старых университетов, которые с распростертыми объятиями принимали студентов разных рас и всех слоев общества. Устав Оксфорда содержит положение о том, что провозглашения делаются на латыни, поскольку этот язык, как утверждается, понятен для различных наций, представленных учеными. В дополнение к местной молодежи валлийцы, ирландцы и шотландцы имели обыкновение приезжать на берега Изиды и Кэм, и два первых из этих классов - во всяком случае, в первое время их появления - могли быть совершенно незнакомы с английским языком.

Читатель вряд ли не обратит внимания на то, что на предыдущих страницах встречаются валлийские имена; а в протоколах судебных заседаний упоминается случай с кембрийским ученым, который украл лошадь из конюшни оксфордского трактира и в компании нескольких соотечественников отправился с ней в валлийские горы, в результате чего несчастному

трактирщику пришлось защищать иск, поданный против него владельцем лошади! Не менее характерны вменяемые черты ирландцев и шотландцев. О присутствии первых есть интересные свидетельства в петициях к короне от скандальных горожан, в одной из которых они утверждают, что "в последнее время в графствах совершались убийства, преступления, грабежи, бунты и т. д.", совершенные в последнее время в графствах Оксфорд, Беркс, Уилтс и Бакс лицами, прибывшими в город под юрисдикцией университета, часть из которых - сеньоры короля, родившиеся в Ирландии, а другая часть - его враги, называемые "Wylde Irisshmen"; и что эти злодеяния продолжаются ежедневно, к несчастью Университета и разорению страны вокруг; злоумышленники угрожают королевским чиновникам и городским приставам, так что эти последние, под страхом смерти, не смеют исполнять свои обязанности и собирать подати и т. д. Поэтому молитесь, чтобы все ирландцы были выдворены из королевства между Рождеством и Рождеством следующего года, за исключением выпускников школ, духовенства в Англии, тех, у кого отец или мать англичане, муж или жена англичане, и многих других исключений, людей с хорошей репутацией. И чтобы выпускники школ и благодетели нашли поручительство за свое хорошее поведение".

Шотландцев искренне ненавидели. В поэме Тривитала "De Laude Oxoniæ" есть следующие строфы, которые, по мнению некоторых, все еще могут быть применимы к обстоятельствам университетской и национальной жизни:

Iam loco tercio procedit acrius
Armata bestia duobus cornibus.
Hanc Owtrede reputo, qui totis viribus
Verbis et opere insultat fratribus.
Hic Scottus genere perturbat Anglicos,
Auferre nititur viros intraneos.
Sic, sic, Oxonia, sic contra filios
Armas et promoves hostes et externos.

Под "Оутредом" подразумевается Утред де Болтон, знаменитый английский бенедиктинец, чей псевдоним, вероятно, происходил от поместья Болтон в Нортумберленде. Приезжать из приграничья было рискованно: известен еще один случай, когда жителю северной страны пришлось очистить себя от обвинения в том, что он шотландец - один из врагов короля.

Самое удивительное, что на этом национальные различия и предрассудки на Британских островах не заканчивались. На самом деле, когда слово "нации" встречается в этой связи, речь обычно идет не столько об истинных различиях в происхождении, правительстве, обычаях и языке, сколько об искусственном разделении жителей Англии на северян и южан. Власти осуждали это деление на бореалов и австралийцев - "разные народы, которые, по правде говоря, не отличаются друг от друга", - но игнорировать его не могли, и поэтому установилось правило, что из двух прокторов - должностных лиц, несущих высшую ответственность за мир, - один должен быть представителем Севера, а другой - Юга. Как мы уже видели, аналогичная практика существовала и в отношении университетских сундуков. Как в наши дни валлийцы и шотландцы тяготеют к определенным колледжам, так и в ранние времена "нации", похоже, отдавали предпочтение определенным залам, а поскольку лишь немногие из них были снабжены часовнями, они, по-видимому, также останавливались на определенных церквях для набожности и партизанской демонстрации. Соответственно, около 1250 года был издан следующий эдикт, призванный сдержать буйство "национального" духа в священных зданиях:

"Властью лорда-канцлера и магистра-регента, с единодушного согласия нерегента, постановляется, что отныне ни один праздник какой бы то ни было нации не будет отмечаться в какой бы то ни было церкви с привычной торжественностью и созывом магистров и стипендиатов или других знакомых, за исключением тех случаев, когда кто-либо может пожелать праздновать праздник какого-либо святого своего собственного диоцеза с благочестием в своем собственном приходе, где он живет, но не созывая магистров и стипендиатов второго прихода или своего собственного, как это также не делается на праздниках св. Екатерины, Святого Николая и т.п. Это также, постановленное властью того же канцлера, мы предписываем соблюдать под страхом еще большего отлучения, чтобы никто не устраивал танцев с масками или какого-либо шума в церквях или на улицах, и не ходил где-либо в венках или коронах, состоящих из листьев деревьев, или цветов, или чего-либо другого: под страхом отлучения, которое мы налагаем отныне, и долгого заключения мы запрещаем это".

В 1252 году между северными и ирландскими учеными возникли большие беспорядки, и было решено, что с каждой стороны должны быть выбраны двенадцать человек для выработки условий мира. Они заключались в том, что тридцать или сорок человек от каждой стороны должны были обязаться не нарушать мир в университете сами и не помогать в этом другим, а также тайно сообщать канцлеру, если узнают о нарушении со стороны других людей. Если кто-то был обижен, он должен был предстать перед канцлером; а если канцлера подозревали в пристрастности, к нему должны были присоединиться два ассессора с каждой стороны.

В 1313 году был издан статут, согласно которому никто не должен был возбуждать народ по поводу нанесения ему личного вреда заговорами, лигами или собраниями в общественных или частных местах с именем или титулом народа; и что когда канцлер или его комиссар спрашивал о нарушении мира, никто не должен был являться с другими свидетелями, кроме тех, которые ему необходимы; Ни один магистр или другой человек не должен входить, приходить с группой или сидеть рядом с канцлером или его комиссаром, кроме тех, кого канцлер сочтет нужным вызвать, если в любой момент это покажется ему уместным. Видя, что имена провинившихся можно лучше узнать через директоров домов, которые постоянно перемещаются среди своих товарищей, было решено, что каждый директор, проживающий или действующий, как в залах, так и в палатах, должен в начале каждого года, в течение пятнадцати дней или раньше, как покажется Канцлеру и Прокторам, приходить и давать телесную клятву, что если он знает, что кто-либо из его общества проводит такие собрания, или соглашался с теми, кто их проводит, или часто и со злым усердием называл разные народы, или нарушал покой Университета, или занимался искусством пряжки, или держал в своем доме шлюху, или носил оружие, или каким-либо образом способствовал раздору между северянами и южанами, он должен в течение трех дней сообщить об этом канцлеру или одному из прокторов, и все такие нарушители покоя должны были быть наказаны тюремным заключением. Эту клятву слуги должны были дать одновременно; а канцлер и прокторы, касаясь своей части, признавали себя одинаково связанными в силу этого статута.

Чтобы подобное различие наций впредь было отвратительным и ненавистным для всех, было решено добавить к присяге каждого вступающего в должность магистра следующий пункт, касающийся соблюдения мира.

"*Пункт*, магистр, особенно вы должны поклясться, что не будете препятствовать, как между австралийцами и бореалами, миру, согласию и привязанности; и если между ними возникнет какой-либо раздор, как между различными народами, которые на самом деле не

являются различными, вы не будете разжигать или разжигать его до предела, и вы не должны присутствовать на собраниях, ни молчаливо или явно соглашаться на них, но скорее препятствовать им такими способами, какими вы сможете."

По тому же уставу университет был обязан сообщать епархиальному начальству имена всех лиц, будь то магистры или другие, которые нарушат мир в университете, особенно в отношениях между северными и южными студентами.

В 1428 году было признано необходимым принять новое законодательство, которое имело следующую форму:

"Поскольку нет лучшего способа наказать нарушителей спокойствия, чем денежный штраф, которого в наши дни боятся больше, чем чего-либо другого, Университет предлагает следующую шкалу штрафов. За угрозы и личное насилие - двенадцать пенсов; за ношение оружия - два шиллинга; за толчок плечом или удар кулаком - четыре шиллинга; за удар камнем или дубиной - шесть шиллингов и восемь пенсов; за удар ножом, кинжалом, мечом, топором или другим боевым оружием - десять шиллингов; за ношение лука и стрел - двадцать шиллингов; за сбор вооруженных людей и сговор с целью помешать исполнению правосудия - тридцать шиллингов; за сопротивление исполнению правосудия или ночное хождение - сорок шиллингов. И ни один магистр или ученый не должен принимать участие в делах вместе с другим, потому что он из той же страны, или против него, потому что он из другой страны; а если он будет осужден за это, то понесет дополнительное наказание в соответствии со своим материальным положением".

То, что ученые свободно предавались приятному обычаю охоты, после этого можно считать почти само собой разумеющимся. В петиции 1421 года на них жаловались, что они охотились с собаками и лунями в различных воронках, конунгах, парках и лесах в графствах Оксфорд, Беркс и Бакс днем и ночью, забирая оленей, зайцев и кроликов и угрожая надзирателям и сторожам. Иногда они умудрялись сочетать свою любовь к охоте с любовью к уличным дракам, как в памятном случае в царствование королевы Елизаветы, когда люди из Магдален отправились воровать оленей в Шотоверский лес, и один из них был отправлен в тюрьму лордом Норрисом, лордом-лейтенантом графства. В отместку, когда милорд в следующий раз приехал в Оксфорд, они набросились на него в гостинице "Медведь", и в стычке пострадали несколько учеников, а "Бинкс", сторож его светлости, получил тяжелую рану. Вице-канцлер, вмешавшись в ситуацию, приказал поместить ученых в колледж, а лорда Норриса попросил покинуть университет. После этого первые "поднялись на вершину своей башни и, дождавшись, пока он пройдет мимо по направлению к Рико, обрушили на него и его свиту ливень камней, которые они подобрали, ранив некоторых и подвергнув опасности жизни других". Говорят, что, предвидя эту бурю, водолазы набросили на головы доски и столы, чтобы уберечься от нее, и что если бы господин не был в своей карете или колеснице, он бы непременно погиб". Впоследствии виновные были изгнаны, а лорд-лейтенант умиротворен, хотя и "с большим трудом и мудрецами университета".

Как можно было заниматься серьезными научными исследованиями среди этих вечных разборок, к возникновению которых приложили руку столько предрассудков, было бы неразрешимой загадкой, если бы не вероятность, подсказанная опытом университетской жизни в наши дни, что беспорядки были, в основном, ограничены более дикими духами, хотя вполне возможно, что иногда мирные люди оказывались в водовороте по той случайности, что они были за границей в то время и на сцене ссоры, где их мирный характер не получил бы должного внимания со стороны разъяренных бойцов. Мощным стимулом к действию было и чувство собственного достоинства, от которого не были свободны даже магистры. К этому

следует добавить, что сам курс обучения, казалось, был специально разработан для развития воинственного нрава. В воздухе витало дыхание раздоров, о чем красноречиво свидетельствует кембриджский термин "wrangler", дошедший до наших дней.

Дорога обучения

Давайте проследим за тем, как "бедный мальчик", так выражались в Оксфорде, проходит этапы своей академической карьеры в этом университете. В самом начале перед его родителями или опекунами открывались два пути: либо его можно было отправить в религиозный фонд вроде Даремского колледжа, где он не обязан был принимать обеты, но от него требовалась клятва почитать монахов и помогать избранной Церкви, к какой бы ступени жизни Богу ни было угодно его призвать. Или, что было бесконечно более привычно, он мог быть устроен в светскую школу грамматики под руководством признанного мастера.

До появления колледжей подавляющее большинство ученых проживало в залах, некоторые из которых содержались мирянами. В 1421 году король, возмущенный постоянными нарушениями спокойствия, повелел, чтобы все ученые и их слуги находились под управлением какого-либо достаточного директора, одобренного канцлером и прокторами, и чтобы им не разрешалось жить в домах светских людей. В 1432 году в статуте говорилось, что, поскольку директора залов, боясь потерять свою прибыль, не наказывали членов своих обществ и тем более не увольняли их, когда это было их обязанностью; более того, даже провоцировали беспорядки - следствие, как считалось, неграмотности и отсутствия выпускников в залах, - было постановлено, что отныне все директора и их заместители должны быть выпускниками. В преамбуле другого закона от той же даты жаловались, что тяжкие преступления совершаются так называемыми учеными, которые, *называясь* "камердекини", не живут ни в каком зале, а спят дни и проводят ночи в разгуле и распутстве, преступлениях и насилии. Подавить это нарушение оказалось нелегко, и 13 мая 1447 года два человека, выдававшие себя за ученых и виновные в насилии, будучи вызваны по закону во все школы и не явившись, были изгнаны. Форма изгнания была следующей: "A, B, C, D, часто осужденные за чудовищное нарушение спокойствия и, согласно манерам и формам, принятым в этом университете, должным образом вызванные, публично окликнутые, законно ожидаемые и ни в коем случае не явившиеся, но сокрушительно отказывающиеся повиноваться закону, и за их контузии и преступления мы изгоняем из этого Университета и из соседних мест, предостерегая, во-первых, во-вторых и в-третьих, императивно, чтобы никто не принимал, не лелеял и не защищал вышеупомянутых A, B, C, D, под страхом тюремного заключения и еще большего отлучения, которое будет несправедливо применено ко всем, кто нарушит закон."

При получении аттестата зрелости требовалась лишь клятва хранить мир, которую должен был принести и слуга ученого, если таковой имелся. Если стипендиат выбирал учителя, не являющегося выпускником университета, он был вынужден записать свое имя в книгу какого-нибудь магистра искусств, и невыполнение этого требования грозило нарушителю потерей защиты и привилегий университета *tam morte quam in vita*. В начале каждого семестра, а также в конце и в другое время, когда в этом была необходимость, магистры грамматики *собирались на совещание*, чтобы определить курс обучения. Каждый из них должен был получить лицензию, а в качестве проверки своей квалификации он сдавал экзамен по стихосложению, диктовке и прочему, чтобы, как причудливо выражается устав, язык Исайи не был проверен - *Multiplicasti gentem, non auxisti lætitiā*.

Мастерам вменялось в обязанность обучать своих учеников религии и нравственности - обременительная обязанность, которая в слишком многих случаях выполнялась

некачественно. Об этом свидетельствует не только беззаконие, царившее в университете, но и низкие взгляды и низкая практика, характерные для методов обучения светским предметам. Термин "лекция", как его обычно понимали в Средние века, подразумевал или включал в себя катехизическую систему обучения, в которой мастер задавал, а ученый отвечал на ряд вопросов. Этот трудоемкий, но эффективный способ выяснения и ускорения прогресса в знаниях стал раздражать обе стороны, и "обычные" лекции - или, как мы их называем, уроки - оказались под угрозой вытеснения соблазнительным изобретением, известным как "беглые" лекции. По всей видимости, они были ни больше, ни меньше, чем лекции в современном понимании. Мастер произносил свою речь, а ученику оставалось лишь извлечь из нее ту степень просвещения, которую он мог или хотел. Устав, относящийся к этому вопросу, вменяет учителям в обязанность оказывать подобную услугу ученым в "надежде на выгоду", что указывает на коррупционные связи между ними. Как в моральном, так и в интеллектуальном аспектах эта практика не встретила одобрения со стороны властей, и, за исключением особых случаев, любой учитель, потворствующий ей, подлежал наказанию в виде лишения прав и тюремного заключения на такой срок, который канцлер, по своему усмотрению, считал необходимым. Из недатированного статута, который, однако, вероятно, относится к тринадцатому веку, можно узнать, что грамматики должны были излагать свои мысли как на английском, так и на французском языках, чтобы последний язык не был окончательно забыт. Если вспомнить, что наши древние судебные процессы велись на нормандско-французском языке, и что значительная часть студентов занималась этой самой консервативной из профессий - юриспруденцией, то мудрость этого курса сразу становится очевидной.

Грамматические школы можно рассматривать как ясли университета, но не так уж мало стипендиатов, получивших образование в монастырских и других местных школах, поступали туда со знанием латыни, достаточным для того, чтобы обойтись без предварительного обучения этому языку, ведь именно это и подразумевается под словом "грамматика". Не совсем ясно, считался ли дом школьного учителя залом, но, как только ученый получал достаточный запас латыни для начала карьеры артиста, он, естественно, переезжал в один из залов, арендуемых равными ему по уровню образования, освобождая таким образом место для другого, более молодого человека, находящегося в более строгом *статусе pupillari*. Возраст, в котором студенты начинали серьезное обучение, составлял в среднем от двенадцати до пятнадцати лет - разумеется, гораздо раньше, чем в настоящее время. Они должны были посвятить четыре года получению степени бакалавра, и в течение первой части этого периода они носили любопытное название "общий софист". Этот, начальный, этап существования университета завершался экзаменом, который тогда и сейчас назывался "Ответы" и который можно было сдать не раньше чем через год, после чего студент становился известен как "вопрошатель". По случаю сдачи экзамена ученые отмечали его столь экстравагантными пирами, что канцлер вмешался, чтобы ограничить расходы на их проведение шестнадцатью пенсами. Смысл термина "ответы" объясняется формулой *testatur: Quæstionibus magistrorum scholarum in Parviso respondit*. Парвиз, или крыльцо, возможно, символизировал начальный этап обучения - ранние положения наших университетов полны символизма. В качестве подготовки к экзамену софист должен был прилежно посещать диспуты в парвизе, а когда он являлся на свое испытание, то должен был принести клятву, что эти упражнения были выполнены должным образом.

Третий этап наступал, когда "вопрошатель", как он теперь назывался, выходил на экзамен на степень бакалавра. Это называлось "детерминацией", поскольку кандидат должен был определить вопросы, в которых его недавние приобретения в логике должны были позволить ему проявить себя с лучшей стороны. Согласно правилу, эта функция выполнялась либо в

Пепельную среду, либо в какой-то день между Пепельной средой и следующим вторником. Как бы ни были важны "Ответы" в глазах юного студента, они меркли перед тщательно продуманными церемониями "Определения". Во всех двух с половиной тридцати школах Скул-стрит сидели магистры-регенты в полном академическом облачении, перед ними стояли их парты, так как было постановлено, что упражнения должны проводиться в школах, а не в частных домах или церквях. Устав запрещал нечестность в постановке вопросов или в способе проведения экзамена, но кандидат был в некоторой степени подстрахован в этом вопросе, поскольку он мог, очевидно, выбрать себе судью. Поскольку хорошая аудитория считалась мастерами первостепенной необходимостью, чтобы их таланты получили как можно более широкое признание, доброжелатели, похоже, доходили до того, что затаскивали в школы неохотно идущих мимо прохожих - неприятность настолько частая, что она была запрещена законом. Была также предпринята попытка предотвратить выдачу гонораров или мантий мастерам, но этот закон, несомненно, оказался недейственным и впоследствии был отменен. Еще одним обычаем, который власти тщетно запрещали и который был явно неуместен в сезон Великого поста, было проведение пиршеств холостяками при поступлении.

Перед тем как определить ученого, не менее шести мастеров должны были под присягой засвидетельствовать в конгрегации его пригодность к знаниям, нравственность, возраст, рост и внешность. Они были обязаны хранить в тайне характер своих показаний, достаточность которых определялась четырьмя регентскими магистрами искусств, двумя с Севера и двумя с Юга, за восемь дней до Пепельной среды. В следующее воскресенье, понедельник или вторник магистры и ученые представляли перед четырьмя членами комитета; если показания были удовлетворительными, ученые давали клятву, что они завершили необходимое обучение, и были "допущены" к определению. Само определение было в значительной степени шоу и не имело ничего общего с получением степени, которая была скорее внешним и видимым признаком. Если студент не проявлял себя с лучшей стороны, единственным наказанием, которому он подвергался, было порицание или насмешки друзей и недругов. Дисквалификация была крайне вероятна, так как дело было интеллектуальной игрой, в которой либо мастер выставлял себя в роли ученого, либо группа ученых спорила (или, как тогда выражались, "диспутировала") по очереди, под наблюдением и с поправкой мастера.

В соответствии с современной практикой мы говорим о статусе бакалавра как о степени, но первоначально сомнительно, что такое описание было бы сочтено точным. Как и магистр, бакалавр мог быть преподавателем, но его лекции носили, по большей части, "экстраординарный" или "сверхштатный" характер и не могли конкурировать с "обычными" лекциями магистра или доктора. Число бакалавров, получивших такую привилегию, - встречаются даже случаи, когда такие полунищие клерки занимали должность директоров залов, - было, вероятно, очень невелико, и многое зависело от возраста. Как правило, бакалавры продолжали учиться, как и раньше, посещая лекции других, пока не проходило еще три года, после чего они получали право на Вступление. Поначалу кажется, что термины "Решимость" и "Зарождение" как-то перепутались. На самом деле последнее слово означает состояние, которое было возможно или обычно, только когда ученый, пройдя полный курс обучения, окончательно и бесповоротно вступал в права и обязанности магистра.

Фундаментальное различие, лежащее в основе всех академических порядков, - это различие между учителем и учеником. Лицензиат, правда, может рассматриваться как гибрид, а доктор - как переросший мастер - мастер и нечто большее; но существование этих

классов лишь затемняет то, что, тем не менее, было жизненно важным и существенным принципом, на котором была организована университетская дисциплина.

Мы уже слышали о лиценциатах, которые исключались из университетских шествий. Это, несомненно, подразумевает немалую долю предубеждения против них, но прежде чем попытаться объяснить это, мы должны понять, что именно представлял собой лиценциат. Итак, лиценциат - это бакалавр, который в течение некоторого времени посещал лекции, читал лекции и проходил частные экзамены у членов своего факультета. Будучи представленным одним из них, он получал от канцлера разрешение на выполнение определенных упражнений перед *conventus*, или собранием факультета, на котором окончательно присваивалась степень. Лицензия канцлера разрешала кандидату вступать, читать (лекции), вести диспуты и делать все, что полагается по званию магистра, как только он предпримет необходимые шаги для этого. Лиценциат читал лекции в школах точно так же, как и магистр, за которого он, собственно, и выступал. Плата за лицензию составляла один коммон, что, возможно, равнялось шиллингу - в любом случае, это был пустяк. С другой стороны, стоимость приема была очень велика из-за праздников и т. д., которыми он сопровождался; а поскольку лиценциат уже пользовался некоторыми привилегиями хозяина, возникал явный соблазн отложить злой день. Поэтому от лиценциата требовали гарантий, что он вступит в должность в течение года, а если он этого не делал, то на него налагался штраф. Тем не менее, студенты часто оставались в этой категории - ни рыба, ни птица - за пределами отведенного срока, фактически годами; и они, вероятно, составляли значительную часть ученых-бродяг, чьи поборы были зафиксированы, и которые, конечно, состояли не только из "бедных мальчиков". Один из Кембриджских уставов прямо касается этой пагубной *materia vagandi*. Эти две причины в совокупности полностью объясняют то неприятие, с которым относились к лиценциатам, и которое в конечном итоге привело к отмене этого статуса. В Кембридже это прекратилось еще до времени Бедея Стокиса (1574), поскольку, как он пишет, лицензия выдавалась прокторами на вечерне, или упражнении, в день, предшествующий Inception.

Теперь мы переходим к приему, или получению степени магистра искусств. Кандидат сначала представлялся канцлеру и прокторам своим мастером, который должен был принести клятву, что считает своего ученика подходящим для поступления благодаря его нравственности и образованности. Однако этого свидетельства было недостаточно. Не менее четырнадцати мастеров должны были дать показания: девять - что они знают, а пять - что считают кандидата подходящим. Затем он предстал перед канцлером и прокторами в конгрегации и, положив руку на Библию, поклялся, стоя на коленях, что будет соблюдать устав, действительно поступит - мы увидим, что это значит, - в течение года, что не будет тратить при поступлении больше положенной суммы, что не будет читать и слушать лекции в Стэмфорде^[6] - *nefandum et detestabile nomen* - и что будет обращаться с книгами библиотеки с должной осторожностью. Согласившись на эти и другие условия, он получил лицензию канцлера.

Следует отметить, что канцлер только *признал*, но не *создал*. В Кембридже этим занимались и продолжают заниматься преподаватели - прокторы, представляющие искусство, или несколько "отцов" на трех высших факультетах, которых в младших университетах теперь заменяют профессора-региусы. В Оксфорде с момента обнародования Лаудианского устава эту обязанность исполняет вице-канцлер. На факультете грамматики - "Золушке" факультетов, который, очевидно, не требовал никакой предварительной академической подготовки, - магистру вручали пальму и жезл. На факультете искусств на его голову

надевали шапку, а на высших факультетах магистр или доктор садился в кресло и получал шляпу, а также книгу, кольцо и поцелуй мира - три последних, пожалуй, только в теологии.

Вступление в должность означало начало активной карьеры преподавателя, и поэтому новый магистр должен был принять меры предосторожности, чтобы обеспечить себе школу, а также предметы одежды, соответствующие его степени, включая "пинсоны", разновидность сапог или туфель. Он также был обязан посетить все школы, пригласить мастеров присутствовать в день приема и обеспечить их, всех до единого, одеждой. Это был настолько серьезный инкуб, что были приняты законы, ограничивающие подобные привилегии родственниками или членами одного зала; вероятно, именно этим объясняется обычай зачинать за других - богатые действуют за бедных. От каждого инцептора беделлы имели право на вознаграждение в размере двадцати шиллингов и пары перчаток из черной кожи или эквивалентную сумму денег; а инцепторы, чей доход составлял сорок фунтов в год, были вынуждены пировать за всех магистров-регентов или отдавать двадцать марок в пользу университета. Основное различие между магистрами-регентами и магистрами-нерегентами, по-видимому, заключалось в том, что первые были вынужденными учителями, в каком состоянии они должны были оставаться в течение оставшегося года, в котором они были приняты, и в течение двенадцати месяцев после этого. В случае с нерегентами, которые превышали этот испытательный срок, чтение лекций, по-видимому, было необязательным. Магистр-регент должен был посвящать диспутам сорок дней своего послушничества.

Праздники зачатия были склонны превращаться в поводы для беспорядков, и в 1432 году был принят следующий статут с целью их упорядочения:

"Ввиду того, что на пирах, устраиваемых по случаю выпускных вечеров, происходят такие беспорядки и насилия, что хозяину и всем его гостям причиняется больше досады и позора, чем удовольствия, Университет, для предотвращения подобных беспорядков в будущем, настоящим приказывает, чтобы никто не препятствовал входу и выходу любого магистра или его слуг в зал, палатку или другое место, где проводится пир, или из него; и чтобы никто, кроме слуг Университета или хозяина, не входил в упомянутый зал, пока хозяева, которые были приглашены, не войдут со своими слугами; и после того, как они сядут, никто не должен садиться, кроме как по назначению Канцлера и в надлежащем порядке в соответствии с рангом; и никто не должен бить по дверям, столам или крыше, или бросать камни или другие снаряды, чтобы нарушить покой гостей, под страхом тюремного заключения, отлучения от церкви и штрафа в двенадцать пенсов."

Поскольку эти развлечения были столь неприятны и даже опасны, может показаться, что было бы очевидным запретить их совсем, как в случае с определением холостяков; но университет держался за свои праздники, и в 1478 году были приняты новые правила, на этот раз с особой целью вытравить или задобрить навязчивых монахов и богатых монахов:

"Каждый монах-мендикант должен в день своего вступления в монашество устроить праздник регента-магистра, согласно древнему обычаю, или отдать десять марок Университету; и каждый такой вступающий монах должен быть регентом в течение двадцати четырех месяцев с момента своего вступления. И каждый религиозный, обладающий частной собственностью и не являющийся аббатом, приором или другим управляющим монастырского дома, рента которого составляет двести фунтов в год, должен в день вступления в должность пировать регентов или заплатить двадцать фунтов Университету вместо пира. И каждый светский человек, который может потратить сорок фунтов в год в

Университете, должен, в случае неуплаты такого пира, лишиться двадцати марок; а если он может позволить себе потратить сто фунтов, то должен лишиться двадцати фунтов".

Здесь необходимо кратко упомянуть об отношениях между орденами мендикантов и Университетом в целом, хотя бы потому, что память о первых была увековечена, спустя долгое время после исчезновения братств, в знаменитом термине "остины". В течение значительного времени эти отношения были обратными дружеским. Монахи жаловались на то, что им отказывают в получении богословских степеней; университет обвинял монахов, помимо прочих преступлений, в "краже детей". Чтобы предотвратить подобные похищения, в 1358 году был принят следующий статут:

"Дворяне и народ в целом боятся посылать своих сыновей в Оксфорд, чтобы монахи не склонили их к вступлению в свой орден; Поэтому настоящим постановляется, что если какой-либо монах-мендикант побудит или заставит любого члена Университета моложе восемнадцати лет присоединиться к упомянутым монахам или каким-либо образом поможет в похищении, то ни одному выпускнику, принадлежащему к монастырю или обществу, членом которого является такой монах, не будет позволено читать или посещать лекции в Оксфорде или где-либо еще в течение последующего года."

Это постановление было отменено восемь лет спустя; но в 1414 году, когда Оксфордский университет составил сорок шесть статей, адресованных Констанцскому совету, было настоятельно предложено запретить монахам давать отпущение грехов на легких условиях, *красть детей* и просить милостыню в доме Божьем. Их противники также горячо осуждали гнусное поведение "восковых докторов", или невежественных монахов, стремящихся получить милости для получения степеней с помощью писем от влиятельных лиц; и в 1358 году их возмущение вылилось в очень строгий устав, касающийся этого вопроса.

Трудно не думать, что значительная часть этого антагонизма была вызвана завистью к монахам. Во-первых, они были прекрасными грамматистами, и в конце концов почти все начальное обучение перешло в их руки с полного одобрения властей, которые распорядились, чтобы оплата производилась им, как фактическим учителям, а не праздным мастерам грамматики. Однако это лишь десятая часть услуг, оказанных монахами университету, который был перед ними в огромном долгу. Доминиканцы, францисканцы, кармелиты и остинцы - все они поселились в Оксфорде и оказали неоценимую услугу делу обучения. Самыми эрудированными, пожалуй, были францисканцы, которые прибыли в 1224 году и обосновались в приходе Святого Эббе в домах и землях, выделенных им Ричардом ле Мерсером, Ричардом ле Миллером и другими; их владения были расширены и подтверждены Генрихом III, их главным благодетелем.

Слава францисканского братства была столь велика, что в 1353 году епископ Линкольнский Гроссетест оставил все свои книги братству, а епископ Хьюго де Балшем, основатель Питерхауса в Кембридже, в своем уставе, датируемом примерно 1280 годом, предписал, чтобы некоторые из ученых ежегодно отправлялись в Оксфорд для совершенствования в науках под руководством францисканцев и других читателей. Именно в этой семинарии получил образование Роджер Бэкон, столь прославившийся своей преданностью наукам и математике в варварские века. Приорат с прекрасной часовней и обширными владениями, принадлежащими ему, был пожалован в тридцать шестом году правления Генриха VIII. (1534) двум лицам по имени Ричард Эндрюс и Джон Хоу, которые в том же году продали его одному Ричарду Гюнтеру.

Однако нас в первую очередь интересуют Остины, чей приор имел схожую историю. В 1351 году папа Иннокентий IV уполномочил монахов-эремитов святого Остина путешествовать по

всем землям, основывать дома и проводить богослужения. В Англии они сначала поселились в Лондоне, но некоторым братьям было поручено отправиться в Оксфорд, где они наняли небольшой дом рядом с публичными школами. Их успехи в богословии и философии привлекли внимание богатого рыцаря из Бакингемшира, сэра Джона Хэндлоу, или Хэндлоу, из Берсталла, и он купил для них участок земли, который впоследствии был расширен за счет подарка Генриха III. На этом месте они возвели великолепный колледж и часовню, в которой, до того как была построена школа богословия, хранились университетские акты и проводились упражнения в искусстве. В частности, было предписано, чтобы каждый бакалавр искусств раз в год проводил диспут и раз в год отвечал на него в этом доме - это правило соблюдалось до самого роспуска. Затем диспуты были перенесены в Сент-Мэри, а затем в Школы, но за ними сохранилось название, которое они так долго носили - "диспуты в Остине".

Кандидаты на получение степеней на высших факультетах - юридическом, медицинском и богословском - должны были пройти те же испытания, что и на факультете искусств, то есть ответить, поспорить, определить и зачислить. Регентам из других университетов разрешалось читать лекции в Оксфорде после определения в школах их соответствующих факультетов, а те, кто "возобновлял", как говорилось, обучение на факультете искусств, должны были определить, по крайней мере, трижды в школах магистра-регента, один раз по грамматике и два раза по логике. Этот либеральный дух был сдержан здравым смыслом, поскольку принимались только те, чьи *альма-матер* принимали выпускников Оксфорда на равноценных условиях. В Париже и других местах сыновья Оксфорда, как жаловались, злонамеренно закрывали доступ к академическим привилегиям, и, соответственно, те, кто поступал из этих мест, получали те же меры, что и в Оксфорде.

В главе, подобной настоящей, представляется уместным рассказать о типичном раунде в средневековом университете. В Оксфорде имеется достаточно материала для такой реконструкции, но этот университет - старший из двух и образец другого, как и Париж, - уже поглотил большую часть нашего внимания^[7]. Поэтому мы обратимся к Кембриджу и к периоду, несколько более позднему, чем то время, на котором мы в основном остановились, то есть к тому, который последовал за учреждением колледжей.

В обоих университетах колледжи были тесно связаны с Церковью, но если какой-либо из них и можно выделить как наиболее предназначенный для изучения теологии, то это, несомненно, колледж Святого Иоанна в Кембридже.

Три стипендиата были назначены деканами *ministri sacelli* (служителями святилища), из которых один должен был исполнять обязанности иподиакона на утренней мессе и звонить в колокол в определенные часы, а двое других - часовщика и звонаря.

Первым делом дня был звон в большой колокол в четыре часа утра - эта обязанность возлагалась на третьего из *ministri sacelli*. "Пусть третий звонит в большой колокол Коллегии каждый день, кроме Страстной пятницы и кануна Пасхи, как это было принято до основания Коллегии. Пусть он звонит в четвертый час, чтобы те во всем Университете, кто желает встать в этот час и заняться своими занятиями, могли легче пробудиться при звуке колокола".

Самая ранняя служба в капелле - утренняя месса - заканчивалась до шести, после чего три лектора в течение двух часов занимались обучением и экзаменованием ученых и бакалавров, а также слушали их декламации.

По понедельникам проводились диспуты по философии, а по средам и пятницам - аналогичные занятия по теологии, каждый диспут длился два часа, и обсуждались два вопроса из Дунса Скотуса.

Каждый священник был обязан служить мессу четыре раза в неделю, а если он не отслужил три раза, то на него налагался штраф в четыре пенсы; каждый студент и ученик должен был ежедневно читать псалом *De Profundis*, суфражи и молитву за души основательницы и других усопших благотворителей. Их список довольно длинный: Генрих VI, Генрих VII, Генрих VIII, кардинал Вулси и Джеймс Стэнли, епископ Эли, который подарил колледжу старую больницу. Еще одним благотворителем был епископ Фишер, который учредил две стипендии и две стипендии; а священники из этого фонда должны были еженедельно совершать четыре мессы за его душу и душу леди Маргарет, его "второй матери". Те, кто не был священником, должны были ежедневно произносить псалом *De Profundis*, суфражи и молитву *Fidelium Deus omnium conditor*.

"Также по всем воскресеньям и другим праздникам магистры, стипендиаты и ученые должны совершать заутреню, окропление святой водой, крестный ход, мессу, вечерню и комплин, согласно древнему обычаю церкви Сарума, в удобное время, которое назначит магистр".

Четвертой части, то есть семи, было поручено проповедовать народу на английском языке, и в течение года было прочитано не менее восьми проповедей, одна из них - в часовне колледжа. В случае невыполнения последнего условия неплательщик лишался стипендии. С другой стороны, проповедничество поощрялось предоставлением различных привилегий, таких как жалованье в размере марки, освобождение от канцелярии колледжа и диспутов, недельный коммонс за каждую проповедь, отпуск из колледжа и право на обладание бенефициями. Каждый проповедник, помимо произнесения проповедей, должен был ежедневно, кроме особых праздников, излагать библейские уроки, читаемые в зале. Кстати, чтение вслух Библии в зале во время еды применялось магистром к буйным ученым в качестве наказания и альтернативы питанию в одиночестве в зале хлебом и водой.

Шесть контролеров выбирались деканами из числа студентов, и двое из них ставили плохие отметки тем, кто прогуливал часовню или лекции, а четверо сообщали о плохом поведении в зале или использовании любого языка, кроме латыни, греческого, иврита, халдейского или арабского. За нарушение последнего правила нарушитель подвергался штрафу в полпенни, если он был студентом, и в фартинг, если ученым. Каждую неделю семь ученых назначались дежурить в зале, а восьмой - читать Библию вслух во время ужина, что не всегда было постыдным и позорным занятием.

Устав в целом запрещал распитие спиртных напитков в зале после еды - запрет, который объясняется следующими причинами: "Злоупотребления, клевета, раздоры, скандалы, словоохотливость и прочие пороки языка редко сопровождают пустой, но чаще всего хорошо наполненный желудок". Поэтому было предписано, что после произнесения благодати и кругового возлияния стипендиаты и ученые должны без промедления приступать к своим занятиям. Но это правило не должно было быть чрезмерно навязано. "Если в честь Бога, или Его славной Матери, или кого-то из святых в зале зажигается огонь, для удобства тех, кто живет в колледже... то мы разрешаем им оставаться ради умеренного отдыха и развлекать себя пением, или повторением стихов или сказок, или другим литературным времяпрепровождением". И наоборот, "чрезмерный шум, смех, пение, танцы и битье в музыкальные инструменты в спальнях" категорически запрещались.

На параде

В этой и двух предыдущих главах мы собрали практически всю информацию об университетской жизни, которую только можно уместить в небольшом томе. Нет необходимости говорить о том, что, будь в нашем распоряжении больше места, можно было бы включить и многие другие особенности - в частности, университетские костюмы, которые были предметом бесконечных регламентов. Поскольку тема столь обширна и сложна, мы вынуждены с неохотой отказаться от ее обсуждения, но представляется необходимым привести несколько замечаний, призванных пролить свет на картину "Новый колледж на параде", которая опубликована в "Archæologia", том liii, часть i.

В центре, лицом к зрителю, стоит начальник колледжа - не кто иной, как достопочтенный Томас Чандлер, чье имя уже неоднократно упоминалось на этих страницах. На нем ряса, а поверх нее, возможно, накидка с рукавами или табард. Поверх нее - набедренная повязка, являющаяся развитием альмуса или надеваемая поверх него. Капюшона не видно. На голове - *кипа* с хохолком или острием. Общее значение этих терминов, а тем более их эмблематическое значение, не будет понято всеми. В то время как накидка с рукавами была отличительной одеждой канониста, не состоящего в священном сане, а поскольку Томас Чандлер стал S.T.P. в 1450 году, *sapa manicata* была бы явно неуместна на его лице. Табард, обычно ассоциирующийся с герольдами, был одеждой без рукавов, которую носили вместе и, вероятно, поверх мантии, с которой она впоследствии сочеталась, и рукава которой в тот период проходили через проймы. Это одеяние, как одежда достоинства, могли носить студенты старших курсов, и оно было обязательным в случае, если бакалавры читали лекции в школах. Стипендиаты Королевского колледжа в Оксфорде до сих пор официально называются табардерами.

Тибет был академической адаптацией церковного альмуса и не был тем же самым, что и капюшон, хотя альмус, похоже, в первую очередь был не чем иным, как обычным капюшоном с меховой подкладкой, защищающей от холода. Первоначальное значение слова "typet" - это прореха в капюшоне, в которой, читатель, возможно, помнит, что у Чосера Фрере была привычка носить свои ножи и булавки. В академической среде это был отдельный предмет одежды, подбитый мехом, и составлявший часть знаков отличия доктора или магистра.

Пилеус был почетным головным убором, произошедшим от церковной черепной коробки, и был отличительной чертой высших степеней, особенно докторской. Действительно, считается, что только этот класс обозначается термином *pileati*, встречающимся в наших старых уставах. Начиная с XIII века, *pilei* и накладные накладки были разных цветов в зависимости от способностей, которые они должны были отличать. Можно добавить, что красные и даже зеленые мантии носили выпускники высших учебных заведений, как следует из завещаний, доказанных в канцлерском суде Оксфорда.

Рядом с начальником, с каждой стороны, стоят две фигуры в копейках без рукавов, наколах и *пилеях*, без капюшонов - доктора богословия или ученых степеней. На заднем плане стоят другие *пилеаты*, одетые и в накладки, и в капюшоны; через проймы их верхних одежд видны узкие рукава рясы. Это могут быть светские доктора, а могут быть бакалавры богословия или магистры искусств. Пятеро крайних справа не имеют *кпы*. За ними следуют люди в капюшонах и наколах поверх того, что может быть табардом, к которому прикреплены свободные рукава или флатты, из-под которых выглядывают узкие рукава рясы. Это самый многочисленный класс, представленный на картине, и, по-видимому, он состоял из магистров и бакалавров всех факультетов, за исключением, вероятно, теологии.

Перед начальником тюрьмы стоят более молодые люди, одетые так же, как и последний, которые, возможно, являются бакалаврами искусств; справа и слева от них - пожилые люди, строго одетые, большинство из которых носят сюртуки. Если предположение мистера Кларка верно, то это священнослужители хора. У двоих из них поверх сюртука надет шарф или, что более вероятно, ряса со свободными рукавами. Самые низкие по рангу - хористы в капюшонах, в некоторых случаях с лирообразной трубой за спиной.

СУДЕБНЫЙ

ГЛАВА X

ПОРЯДОК НОШЕНИЯ КОИФА

Между университетами и судебной системой Англии в древние времена существовала тесная связь, которую можно обнаружить в *serviens ad legem* или *Serjeant-at-Law*. Он был одновременно выпускником университета и государственным служащим, связанным с отправлением правосудия либо в качестве признанного адвоката, либо в качестве судьи, поскольку, будь то высший или низший класс, он был обязан своими полномочиями короне.

Мы будем рассматривать сержанта-юриста в первую очередь с точки зрения его академического характера, в котором он может получить звание бакалавра права или доктора права, хотя это не совсем то, что мы подразумеваем под дипломом. В юриспруденции, как и в других свободных профессиях, всегда уделялось внимание внешним и видимым признакам. Поэтому мы уверены, что не совершили серьезного греха плагиата, взяв в качестве заголовка этой главы название известной работы сержанта Пуллинга, одного из последних оставшихся в живых представителей ордена. Во всяком случае, плагиат открыт и завуалирован.

Хотя койф был самым значительным, он не был единственным внешним признаком сержанта, в отличие от мирян; и чтобы показать, как он выглядел в полном профессиональном облачении, мы думаем, что не можем сделать лучше, чем процитировать юриста XV века, одного из наших величайших авторитетов в таких вопросах - сержанта Фортескью. Писал он в 1467 году и говорит о своем классе, что они были "одеты в длинную мантию, похожую на священническую, с меховой накидкой на плечах; и от нее капюшон с двумя ярлыками, такой, какой носят доктора в некоторых университетах, с вышеописанным квойфом". Длинная мантия - пресловутая эмблема профессии юриста - очевидно, соответствует рясе, "меховая накидка" - накидке, а "ярлыки", вероятно, принадлежали не капюшону, как полагает Фортескью, а были скорее нитями койфа, которые были атрибутом докторов права. Здесь мы имеем все признаки диплома, то есть процесса, необходимого для законного осуществления ученого призвания, и этот диплом мог быть в равной степени получен в школах Оксфорда и Кембриджа, а также в придворных иннах.

Что касается остальной одежды, то сержант-юрист может сойти за магистра искусств или бакалавра богословия. Отличительной чертой является койф, и, где бы он ни был обнаружен, его можно смело принимать в качестве критерия. Так, в церкви Госфилд, Эссекс, есть интересная латунь Томаса Рольфа (ум. 1440), который изображен в рясе, табарде с рукавами, наколке, капюшоне и койфе. Последний образует круг вокруг головы, а к нему прикреплены две петли или лаптя, которые видны под капюшоном. Бутелл изобразил эту латунь, которая, по его мнению, принадлежит сержанту-старосте. Надпись, в которой есть слова *legi*

professus, уже указывает на этот вывод: Рольф был посвящен в право, как, при данных обстоятельствах, он мог бы быть посвящен в религию.

Для всех, кто интересуется изучением происхождения, символическое значение коифа очень велико. Как и *pileus*, он может быть прослежен до церковной черепной коробки, являющейся следствием тонзуры. В Темные века адвокаты почти всегда были священнослужителями в современном понимании этого термина. К XIII веку первоначальная черепная коробка, сохранив свою общую форму, превратилась в головной убор более крупных размеров и, как таковой, могла служить полной маскировкой церковного призвания. По этой причине Конституции Отобона (1268) запретили его ношение духовенству, за исключением в качестве ночного или дорожного колпака. Как и сержантский кафр более позднего времени, он был белого цвета; как принадлежность юридической профессии, его носили и судьи, и адвокаты. Для подвязывания кафтана к голове использовались шнуры, которые закреплялись под подбородком. Существует правдоподобное предположение, что черная шапочка, которую надевают судьи, вынося смертный приговор, была приспособлением для сокрытия коифа, поскольку церковные судьи не имеют права выносить смертные приговоры; в связи с этим можно вспомнить конституционную традицию, которая требует, чтобы епископы удалялись, когда на рассмотрение парламентских судов поступают вопросы, связанные с жизнью или смертью.

Мы говорили о *градации* применительно к праву. В качестве объяснения этой фразы ничто не может быть более подходящим, чем отрывок из "Третьего доклада" Коука, который, хотя и является несколько пространным, заслуживает того, чтобы быть процитированным *целиком*:

"Как в Кембриджском и Оксфордском университетах существуют различные степени, такие как софисты, бакалавры, магистры, доктора, из которых выбирают людей для видных и судебных мест, как в церковных, так и в светских судах, так и в профессии юриста есть *Mootemen* [т.е. студенты], которые являются теми, кто аргументирует дела читателей в канцелярских палатах, как в сроки, так и в большие каникулы. Из *Mootemen* после восьми лет обучения или около того выбирают *Utter-barristers*; из них выбирают *Readers in inns of Chancery*. Из унтер-барристеров после того, как они проучились не менее двенадцати лет, выбираются бенчеры или древние; из них один, который из рода *puisne*, читает ежегодно в летние каникулы и называется одиночным чтецом; а один из древних, который раньше читал, читает в постные каникулы и называется двойным чтецом, и обычно это происходит между первым и вторым чтением примерно через девять или десять лет. Из них король выбирает своего поверенного и генерального солиситора, поверенного суда палаты и ливреи и поверенного герцогства; а из этих чтецов - сержантов, избираемых королем и называемых, согласно королевскому указу, *ad statum et gradum servientis ad legem*; И из них король избирает одного, двух или трех, по своему усмотрению, в сержанты, которые называются сержантами короля; из сержантов король также учреждает достопочтенных и преподобных судей и мудрецов закона. Для молодого студента, который чаще всего приходит из одного из университетов, для его поступления или начала были сначала учреждены и возведены восемь канцелярских домов, чтобы он изучал там элементы права, а именно: дом Клиффорда, дом Лиона, дом Клемента, дом Стейпла, дом Ферниваля, дом Тави и новый дом; и каждый из них состоит из сорока или около того; ибо чтецы, унтер-барристеры, мутмены и низшие студенты - это четыре знаменитых и прославленных колледжа или судебных дома, называемых Внутренним храмом, к которому принадлежат первые три канцелярских дома; Грейс-инн, к которому принадлежат следующие два; Линкольнс-инн, которому принадлежат два последних, кроме одного; и Миддл Темпл, которому принадлежит только последняя; каждая из судебных палат состоит из чтецов в количестве более двадцати

человек; унтер-барристеров - в три раза больше; молодых джентльменов в количестве восьми или девяти человек, которые проводят здесь свое время в изучении права и в похвальных занятиях, подобающих джентльменам; Судьи закона и сержанты, которых обычно больше двадцати, равным образом разделены на два высших и более именитых дома, называемых Serjeant's Inn; все они находятся недалеко друг от друга и в целом составляют *самый известный университет для изучения только права или любой другой человеческой науки, который есть в мире, и продвигает себя выше всех других quantum inter viburna cupressus*. В этих Палатах Суда и Канцелярии чтение и другие упражнения в законах, которые там постоянно используются, наиболее превосходны и полезны для достижения знания этих законов; и этих вещей достаточно, ибо они потребовали бы, если их рассматривать, трактата сами по себе".

Этот отрывок был приведен специально для того, чтобы продемонстрировать тесную связь между университетами и законом, для чего, по общему признанию, он подходит как нельзя лучше. Однако необходимо отметить, что ученый Коук писал в тот период, когда система была полностью сформирована. В ранний период, когда стали появляться "общежития" для учеников-юристов, не было различия между судебными и канцелярскими иннами. Изначально эти ученики были именно теми, кого подразумевает термин, но их значение возрастало, пока их представителем не стал обычный барристер-ат-юрист.

В 1292 году - дата, имеющая для нас определенное значение не только в непосредственном контексте, но и в связи с другими частями этой работы, - король (Эдуард I.) издал указ "De Attornatis et Apprenticiis", в котором предписывал Джону де Метингему и его товарищам по своему усмотрению "предоставить и назначить из каждого графства определенных адвокатов и юристов, лучших и наиболее способных по своей образованности и мастерству, которые могли бы служить его двору и этому народу, и только эти избранные, и никакие другие, должны следовать за его судом и вести дела в нем; упомянутый король и его совет считают число в семь человек достаточным для этой работы, но оставляют на усмотрение судей добавлять или уменьшать это число, как они сочтут нужным" (Dugdale's Tr.).

Сержант Пуллинг несколько недоумевает по поводу точного положения *apprenticii ad legem* во времена этого эдикта. Однако он опасается предположить, что "под подмастерьями подразумевались продвинутые студенты или изучающие закон, которые, будучи учениками или помощниками сержантов Coif, получали представление о практике, и, возможно, к ним также относились более нерегулярные последователи закона - практикующие дилетанты и Cleri Causidici, которые продолжали следовать закону в светских судах, несмотря на неоднократные запреты и возражения".

С основанием и ростом судебных трактиров подмастерья - по крайней мере, лучшие из них - получили полное признание в качестве практикующих юристов; к концу XIV века их репутация стала настолько значительной, что великие подмастерья сформировались в отдельный орден, в котором они стояли рядом с сержантами-юристами, градация которых была следующей:

- (i) Сержанты-законники.
- (ii) Нобилиоры, или великие подмастерья.
- (iii) Другие подмастерья, соблюдающие закон.
- (iv) Подмастерья меньшего сословия и адвокаты.

Термин "ученик адвоката" уступил место "*apprenticius ad barros*", а тот - "utter-barrister", что соответствует современному "barrister-at-law". Не все студенты, принятые в трактир, были

"призваны" в адвокатуру, по правде говоря, лишь небольшая часть получала это отличие. В 1596 году судьи и бенчеры четырех судебных трактиров заключили соглашение, согласно которому:

"Что впредь никто не будет приниматься в адвокатуру, а только те, кто прослужит не менее семи лет и будет выполнять упражнения в Палате и за границей в Канцелярских Иннах, согласно приказам Палаты:

"*Пункт*, что в течение одного года в любом судебном инне должно быть только четыре унтер-барристера, вызванных (то есть) в пасхальный срок - два, а в михайловский - два" и т.д.

Кроме того, определенные распоряжения, принятые для лучшего управления судебными и канцелярскими иннами в 1624 году, предусматривали, что не более восьми членов одного инна должны быть призваны в адвокатуру в любой год, и что ни один унтер-барристер, за исключением тех, которые были читателями в канцелярских палатах, не должен начинать публичную практику в любой коллегии адвокатов в Вестминстере, пока не проработает три года в коллегии.

Что касается судебных иннов, то их точное происхождение невозможно установить. Мы слышим о них во времена правления Эдуарда III. В Ежегоднике 1354 года упоминается о "подмастерьях в Хостелсе". По мнению лорда Мэнсфилда, с самого начала они были "добровольными обществами", поскольку "не являются корпорациями и не имеют хартии короны". Сержант Пуллинг считает, что небольшие дома нанимались подмастерьями, а затем путем аренды или покупки переходили в постоянное владение. Большие дома, по его мнению, имели аналогичную историю. Это мнение подтверждается тем, что произошло в случае с Храмом. В 1324 году, когда король предоставил рыцарям-госпитальерам Новый храм, последние сдали его в аренду "подмастерьям закона, которые пришли из Тейвис Инн в Холборне". Очевидно, что в то время уже существовал этот трактир. Как долго она существовала до 1324 года, сказать невозможно, но в своем завещании, датированном 1348 годом и зарегистрированном в Судебной палате Лондонского Сити, Джон Тейви, гражданин и оружейник, завещал своей жене Алисии "illud hospitium, in quo apprenticii legis habitare solebant". По всей вероятности, трактир существовал не далее, чем при жизни оружейника. Эта заметка, по-видимому, также показывает, что трактиры получали свои названия не от сержантов, как отцов подмастерьев, а от фактических владельцев.

Примерно до начала XVI века мы находимся в полном неведении относительно управления трактирами. Затем мы слышим о губернаторах, казначеях, а управление делами в разных домах возлагается на старших членов обществ, которых называли древними или скамейщиками. Подмастерья могут рассматриваться как зачаточные сержанты - сержанты в процессе становления, люди на пути к тому, чтобы стать сержантами. У сержантов были свои трактиры; при вступлении в братство новоиспеченного сановника выпроваживали из трактира, к которому он ранее принадлежал, колоколом часовни.

Из книги Фортескью "De Laudibus Legum Angliæ", написанной во Франции после его отъезда в эту страну вместе с королевой Маргаритой в 1463 году, мы узнаем, что при присвоении степени сержанта-юриста главный судья Common Pleas с согласия других судей назначал для этой цели семь или восемь наиболее опытных профессоров общего права. После этого лорд-канцлер выдал каждому из них предписание, призывающее их явиться под страхом сурового наказания и принять на себя звание и степень сержанта-юриста. Явившись должным образом, они подтвердили под присягой, что будут готовы в день и в месте, которые были определены, принять на себя указанное состояние и степень, и что они дадут *золото*

по обычаю королевства в таких случаях ("dabit aurum secundum consuetudinem regni in hoc casu usitatam").

В указанный день начинался праздник, который продолжался семь дней, и на него, вместе с другими церемониями, каждый дебютант тратил около 1 600 дворян или 400 марок. Часть этой суммы шла на покупку золотых колец, и Фортескью рассказывает, что, когда он был призван в звание сержанта, кольца, которые он раздавал, стоили ему 40 фунтов стерлингов. Их стоимость зависела от достоинства лиц, которым они вручались. Самыми дорогими были кольца стоимостью 26 с. 8 д., которые вручались каждому принцу, герцогу и архиепископу, присутствовавшему на церемонии, а также лорду-канцлеру и казначею Англии. Хранитель Тайной печати, главные судьи, главный барон Казначейства, а также все присутствующие графы и епископы получили по одному экземпляру стоимостью 20 с.; каждый парламентский барон, каждый аббат, каждый уважаемый прелат (*notabili prelato*) и каждый присутствующий видный рыцарь получил по одному экземпляру стоимостью 13 с. 4d. Аналогичные подарки были сделаны хранителю реестров королевской канцелярии и каждому из судей. Кольца меньшей стоимости были подарены каждому барону Казначейства, камергеру, офицеру, и главным лицам, служащим в королевских судах, в соответствии с их рангом; таким образом, почти каждый клерк, особенно если он служил в суде общей юрисдикции, получил долю щедрости нового сержанта. Не были забыты и его частные друзья, среди которых также были распределены кольца. Было подсчитано, что сумма в 400 марок в 1429 году эквивалентна 2 660 фунтам стерлингов наших современных денег; поэтому не приходится удивляться, что юристы, либо слишком бедные, либо слишком экономные, чтобы принять это тяжелое бремя, старались уклониться от этой чести. Во времена Генриха V шесть известных и знаменитых подмастерьев почтительно отказались от возвышения, но тщетно. Их призвали в парламент, где им было предложено принять на себя звание сержанта. В конце концов они так и поступили, и некоторые из них, как мы узнаем от сэра Эдварда Коука, достойно служили королю в главных юридических учреждениях.

Читатель наверняка обратил внимание на выражение "дать золото". Это выражение, а также приведенные сведения о стоимости колец наводят на мысль о том, что эти изделия ценились не за их памятный характер или художественный интерес, а за их чисто денежную ценность. То, что это было именно так, вполне очевидно из того факта, что в царствование Карла II лорд верховный судья Келинж, обращаясь к одному из новых сержантов, упрекнул их за подаренные кольца весом не более 18 с. каждое; при этом он процитировал слова Фортескью: "Кольца, подаренные верховным судьям и главному барону, должны весить 20 с. за штуку". Чтобы избежать недоразумений, он добавил, что "говорил это, не ожидая вознаграждения", но чтобы это не превратилось в прецедент. На самом деле Фортескью говорит о стоимости, а не о весе; но, похоже, было принято рассчитывать стоимость колец по их весу в золоте.

Создание сержантов происходило в зале Serjeants' Inn, членом которого в то время был лорд Верховный судья. Новопризванный прибыл в черной мантии, в сопровождении своего секретаря, который принес с собой на руке алый капюшон и коиф. Главный судья, торжественно обратившись к сержантам, начал церемонию инвеституры, сначала надев каждому из них на голову кафтан и завязав его под подбородком, а затем накинув капюшон на правый бок и через правое плечо. После этого сержант удалился и, сбросив свою черную мантию, облачился в партикулярную мантию черного и темно-красного цветов и капюшон того же цвета. В таком виде он направился в Вестминстер, а его человек нес перед ним алый капюшон и загнутый в угол колпак.

Угловатые колпаки носили судьи и сержанты, когда посещали государственную церковь. Вплоть до Реформации они имели обыкновение посещать церковь святого Фомы Аконского в Чипсайде и, совершив там жертвоприношение, отправляться в собор святого Павла, где приносили жертву у северной двери в святилище святого Эркенвальда. Этот обычай всегда соблюдался при приеме новых сержантов, которые отправлялись в это благочестивое путешествие после трапезы. В соборе Святого Павла каждый из них был назначен к своему столбу в нефе собора управляющим и распорядителем праздника. Именно у парвиза, или крыльца, старого собора Святого Павла или у отведенных им столбов сержанты встречались со своими клиентами для консультаций. Они помогали богатым *за донат*, а бедным - просто так, и, похоже, ни о каком вмешательстве адвокатов не могло быть и речи. В связи с этим, возможно, стоит привести древнюю клятву, которую давали члены ордена:

"Ты поклянешься хорошо и искренне служить людям короля в качестве одного из сержантов-юристов; и ты будешь искренне советовать им, чтобы тебя сохранили после твоей хитрости; и ты не будешь откладывать или откладывать их дела добровольно, из-за жажды денег или других вещей, которые могут обернуться для тебя выгодой, и ты будешь должным образом присутствовать соответственно; да поможет тебе Бог".

За несколько месяцев до Великого лондонского пожара, во время которого старый собор Святого Павла сгорел вместе с парвизом и колоннами, Дагдейл писал: "В соборе Святого Павла каждый адвокат и сержант у своего столба слушал дело своего клиента и записывал его на колене, как это делают в Гилдхолле в наши дни". Он добавляет: "После окончания сержантского праздника они все еще ходят к Павлу в своих привычках и там выбирают свой столб, у которого слушают дело своего клиента (если таковой приходит) в память о том старом обычае".

Естественно, орден Coif ревностно относился к своим отличиям и привилегиям, и следующий случай, за который мы обязаны покойному мистеру сержанту Баллантайну, послужит иллюстрацией к сказанному.

"Теперь, - говорит он, - я вернул своих читателей в мой старый трактир. Осмелюсь окружить его всем ореолом, на который он имеет право. С незапамятных времен мы были связаны с корпорацией лондонского Сити, и, поскольку величайший комплимент, оцененный этим августейшим органом, ежегодно оказывался нам, мы, несомненно, когда-то сами были немаловажны. Мы получили приглашение отобедать у лорда-мэра 9 ноября и, облачившись в одеяния, которые давали нам право на внимание не меньше, чем людям в доспехах, и в сопровождении человека, известного как городской маршал, заняли места среди главных гостей на этом великом празднике, и это было действительно зрелище, достойное внимания.....

"По этому случаю одному из высших чиновников корпорации, не менее высокопоставленному лицу, чем старший сержант[8], было поручено лично передать нам приглашение в первый день михайловского семестра в нашем трактире. Сэр Томас Чемберс, занимая этот пост, имел обыкновение совершать забавнейшие промахи. То ли им двигало какое-то представление о собственном достоинстве, то ли он действовал по гражданским инструкциям, я не могу сказать, но, придя для выполнения своего поручения, он обратился исключительно к судьям, даже не назвав сержантов, хотя первые были приглашены только в этом качестве, а вместе с лордом-канцлером и судьями по делам справедливости были включены в их официальные полномочия и приглашены лично лорд-мэром. Общий сержант, вероятно, не осознавал, что, хотя передача послания от одной великой корпорации к другой ничуть не умаляет его достоинства, он исполняет обязанности дворецкого, передавая

приглашение отдельным лицам, принадлежащим к ней. Был среди нас один достойный член, мистер Сержант Вулрич, написавший самую исчерпывающую книгу о канализации и весьма сведущий в городских обычаях, который много размышлял над ошибкой, в которую вляпался Общий Сержант, и хотел, чтобы я, как казначей, обратил на нее внимание. Он считал, что это продиктовано не только обычной гуманностью, но и нашим достоинством. Я, однако, был глух к его уговорам. Я не помню, чтобы я обедал не более одного раза в своем официальном качестве. В этом случае алые одежды и тяжелый, громоздкий парик, которые необходимо было носить, уничтожали всякую возможность получить удовольствие".

Сержант Баллантайн упоминает о себе как о казначее. Он был последним, кто занимал эту должность, и именно ему выпало завершить дела древнего общества, а значит, в некотором смысле, совершить его отпевание. Было объявлено, что отныне ни один судья не должен принимать или принимать степень сержанта-юриста (36 и 37 Vict., с. 66, s. 8), и, поскольку это было равносильно упразднению ордена, было решено продать имущество трактира. Последнее собрание состоялось 27 апреля 1877 года.

СУДЕБНЫЙ

ГЛАВА XI

СУД БОЖИЙ

Древняя судебная теория и практика включала в себя не только судебные разбирательства в обычном суде, в которых существо дела должным образом выяснялось совместными усилиями судьи, адвоката и присяжных, но и альтернативный способ достижения того же результата - торжественное обращение к адвокату Всемогущего Бога. Это обращение было наиболее распространено в уголовных делах, но ни в коем случае не ограничивалось ими; к нему прибегали при рассмотрении споров о праве собственности, о праве на наследство, о гарантии на землю или проданный товар; о долгах по закладной или обещанию, об отказе поручителей от поручительства, о действительности хартий, о манумиссии, о вопросах, касающихся службы, и т. д. Все эти споры могли быть переданы на решение *поединка*, который был прежде всего средством обращения к Божьему суду. Нам этот способ не кажется менее эффективным или более жестоким, но даже такой мудрый человек, как Данте, признавал его справедливость.

Прежде чем говорить о дуэли, следует рассмотреть некоторые англосаксонские обычаи, которые пережили Нормандское завоевание и были основаны на том же принципе, что и поединок. Самым простым из этих процессов было очищение клятвой. Возьмем случай с человеком, обвиненным в краже. Если он был свободным человеком и до сих пор носил доброе имя, все, что требовалось, - это очистить себя клятвой. Предположим, однако, что он был ранее уличен. В этом случае он должен был очистить себя так называемой двенадцатой рукой, то есть назначить двенадцать законных людей, которые поклялись бы в его невиновности. Если они отказывались, то ничего не оставалось, как прибегнуть к той или иной форме испытания - этот вопрос мы рассмотрим позже. Пока же можно отметить, что очищение клятвой само по себе было отдельным обращением к Всевышнему. Считалось, что клятвопреступники подвергались опасности стать карликами, или же их руки оставались привязанными к Евангелиям или реликвиям, на которых они клялись. Лица, виновные в этом преступлении, должны были очиститься через испытание.

Эта система, основанная на санкциях религии и чести, не подходила для всеобщего применения, и нет сомнений, что ею злоупотребляли. Если ограничиться университетским опытом, плохие последствия этой практики раскрываются в протесте, внесенном доктором Гаскойном в судебную книгу канцлера в Оксфорде, где он предостерегает своих преемников проявлять величайшую осторожность при допуске людей к этой привилегии и советует им скрывать имя обвинителя от обвиняемого. Он утверждает, что до его сведения дошли случаи, когда люди не только лгали, но и не стеснялись в этом признаваться; и он наглядно демонстрирует бесполезность этой системы, утверждая, что если горожанин возражал против того, чтобы кто-то претендовал на компур, он рисковал подвергнуться нападению, увечьям и даже убийству. Эта запись датируется 1443 годом. Можно добавить, что в большинстве случаев речь шла о недержании мочи; среди прочих обвинений упоминаются растрата и прикрепление нового документа к старой печати.

За подробностями процедуры мы можем обратиться к очень полным отчетам, сохранившимся в записях Лондонского Сити, где действовало три вида или формы коммюнике, с помощью которых лица, подавшие апелляцию, задействованные и обвиняемые, могли добиться оправдания. Первый назывался Великим законом и касался убийства и убийства. Второй, Средний закон, касался преступлений, связанных с разгромом или телесными повреждениями, когда человек лишался возможности пользоваться любым членом, который был или мог быть ему защитой в бою. Третий закон распространялся на оскорбления, побои, раны, удары, деликты, кровопускание и подобные повреждения, нанесенные в Рождество Христово, в неделю Пасхи и в Пятидесятницу.

Обвиняемый, желающий очиститься по Великому закону, должен был соблюдать следующий порядок: Он должен был принести клятву от своего лица, что он невиновен в преступлении и нарушении мира короля, и все преступление возлагается на него - "Да поможет мне Бог и эти святыни!" (т.е. Евангелия, на которых он присягал). После этого шесть человек должны были поклясться, что, по их сведениям, он поклялся правильно. Затем обвиняемый повторял клятву и подкреплял ее показаниями еще шести свидетелей. Так продолжалось до тех пор, пока тридцать шесть человек под присягой не дали показания в его пользу.

Что касается формирования этого органа, то в Лондоне существовал обычай выбирать одну половину из числа жителей части города, расположенной к востоку от Уолбрука, а другую половину - из части, расположенной к западу от Уолбрука. Они должны были быть свободными жителями города, почтенными людьми, не родственниками обвиняемого; выбор производился в его отсутствие. Затем его вызвали, зачитали список имен, и он мог указать мэру и олдерменам на те, которые вызывали у него подозрение. Если он приводил разумные доводы, имена вычеркивались, а на их место ставились другие. В конце концов, когда он остался доволен, он отдал себя в руки присяжных в вопросе очищения обвинения. Имена тридцати шести человек были переданы королевским судьям, перед которыми обвиняемый впоследствии должен был предстать и отстаивать свой закон.

Те же правила соблюдались и в случае со Средним законом, за исключением того, что обвиняемый должен был принести только три клятвы, и для этого было достаточно коллегии из восемнадцати человек. В третьем законе обвиняемый приносил не более одной присяги, а коллегия была сокращена до шести человек. Это должны были быть люди из его окрестностей, но не связанные с ним узами крови или брака. Если в убийстве обвинялся не свободный человек, требовалось сорок два компуртера, что объяснялось предубеждением горожан против "чужеземцев", о чем будет рассказано позже. С другой стороны, если обвинение выдвигалось со стороны короны, считалось, что достаточно семи компургов,

поскольку король не был так лично заинтересован в привлечении преступника к ответственности, как частный аппельмейстер.

Дата избрания компургов назначалась по воле судей, и в этот день в течение двух недель обвиняемый должен был ответить на апелляцию, если только судьи не решали назначить более длительный срок. Так гласит одна версия. По другой версии, по закону и свободе города для ответа на апелляцию по конкретному делу давался срок в сорок дней, и это может означать крайний предел, который обычно устанавливался. Возможно, это также связано с периодом, в течение которого преступнику обычно разрешалось пользоваться правом убежища. Если обвиняемый не являлся в назначенный для суда день, его объявляли вне закона на фолькмоте. При этом его отдавали на поруки двенадцати мужчинам, при условии, что у них есть поручительство, достаточное для выплаты ста шиллингов в случае, если они не представят его в назначенный срок. Тот, кто был привлечен к ответственности за убийство, не мог требовать "признания", пока не оправдается по предъявленному ему обвинению; а тем временем, если он не мог найти поручителей, его отправляли в тюрьму. Если обвиняемый был объявлен вне закона и отрекся от королевства, поручители оправдывались из уважения к Церкви.

Под словом "признание" в приведенном выше описании, очевидно, подразумевается расследование обстоятельств дела ассажем или жюри из двенадцати присяжных под председательством судьи. В случае апелляции - то есть при наличии частного обвинителя, который должен был быть заинтересован в деле, например, как кровный родственник, - это не допускалось, и бремя доказывания своей невиновности возлагалось на обвиняемого.

Иначе обстояло дело, когда человек обвинялся в убийстве голосом общественной славы. Тогда его связывали либо залогом, либо тюремным заключением; судьи проводили очень строгое и тщательное расследование дела, в результате которого обвиняемый мог быть полностью освобожден от ответственности или вынужден был прибегнуть к компульсации. Компургаторы, немногочисленные или многочисленные, были одновременно судьей, присяжными и свидетелями; окончательное решение по делу принимали они и сам обвиняемый; мэры и олдермены делали предварительные приготовления, а королевские судьи следили за тем, чтобы формы были соблюдены должным образом.

Вначале мы видели, что очищение клятвой было привилегией только людей с хорошей репутацией, и что неспособность обеспечить свидетельство соседей о своей невиновности, если репутация пострадала, подвергала человека суду воды или огня. В саксонские времена каждый свободный человек имел своего *борха* или поручителя, который представлял его, если его обвиняли. Если он был *tyht bysig*, с дурной репутацией, его заставляли пройти тройное испытание без лишних слов; но если его лорд давал ему хорошую характеристику и семь его соседей приходили и клялись, что клятва никогда не подводила его и что он никогда не платил *theof gyld* (штраф за воровство), тогда он мог сделать выбор между клятвой в фунт стерлингов и одиночным испытанием. Если семь человек, вызванных на суд, отказывались принести присягу, то неизбежным становилось тройное испытание, и если вина обвиняемого была установлена в результате этого процесса, то он должен был возместить обвинителю двойную сумму, заплатить штраф своему господину и дать поручительство, что впредь будет воздерживаться от зла. Если он скрывался и избегал испытания, *борх* был обязан выплатить обвинителю *sear-gyld* или денежную стоимость украденной вещи, а господину - штраф. Если обвиняемый оказывался *человеком-лоу* (слугой) и не выдерживал испытания, то по закону его должны были заклеить в первый раз; во второй раз не полагалось *ни бота*, ни возмещения, только голова! Наконец, аппельмейстер должен был поклясться семью законными людьми, которые должны были быть названы, что он подверг обвиняемого

испытанию ни из ненависти, ни по какой-либо другой причине, а для того, чтобы он мог получить свое право.

Существовали различные формы испытаний. Человека могли испытывать огнем или водой, причем как холодной, так и горячей водой. Кроме того, испытание могло быть одинарным или тройным, в зависимости от степени погружения или веса используемого железа. Законы Ательстана предписывают, что при испытании горячей водой, если оно одинарное, рука должна погружаться за камнем до запястья, а если тройное - до локтя. Аналогично, по законам короля Эдгара, вес железа для одиночного испытания должен был составлять один фунт, а для тройного - три фунта.

Испытание, будучи Судом Божьим, имело ярко выраженный религиозный характер, и вся процедура находилась в руках духовенства. Три дня после обвинения проводились в молитве и посте, а сам обряд, варьировавшийся в зависимости от характера испытания, совершался в церкви.

Суд раскаленного железа

Железо ставилось перед алтарем, после чего священник, облаченный в полную каноническую одежду, за исключением набедренника, щипцами подносил его к огню, распевая при этом гимн Трех детей - *Benedicite, Omnia, Opera*. Над местом, где находился огонь, он прочитал молитву: "Благослови, Господи Боже, место сие, да будет нам в нем святость, целомудрие, добродетель и победа, и ханжество, и смирение, и благость, и кротость, и преизбыток закона, и послушание Богу Отцу, и Сыну, и Святому Духу".[9]

Из законов Ательстана мы узнаем, что после разведения костра, на котором должно было происходить испытание, никому не разрешалось входить в церковь, за исключением священника и обвиняемого; последний должен был отмерить ногами девять футов от кола до метки. Когда испытание было готово, с обеих сторон входили по два человека, которые удостоверяли, что железо раскалено до нужной температуры; затем вызывалось равное число свидетелей с каждой стороны, и они располагались вдоль церкви по обе стороны от испытания. Все они должны были поститься и воздерживаться от своих жен в предыдущую ночь. Затем священник окропил их святой водой, дал каждому вкусить святой воды, дал им для целования книгу Евангелий и изображение колена Христа.

Пока железо нагревалось, священник совершал мессу, а после принятия Евхаристии заклинал судимого и заставлял его также принять причастие. С момента начала освящения никому не разрешалось чинить огонь, но железо лежало на раскаленных углях до последнего сбора. Затем его клали на *стапулу*, и священник, окропив его святой водой, читал молитву: "Благословение Бога Отца и Сына и Святого Духа да снизойдет на сие железо для различения правого суда Божия". При этом всем было предписано соблюдать полную тишину, "за исключением того, что они будут искренне молить Всемогущего Бога, чтобы Он явил то, что есть сажа".

Затем обвиняемый приступил к испытанию и пронес железо на отмеренное расстояние - девять футов, разделенных на три равные части, по которым человек должен был пройти столько шагов, сколько было указано сигналом. После этого его рука была заключена в конверт под печатью и оставалась в таком виде до истечения трех дней, когда конверт снимался и проводился осмотр, чтобы определить, грязная или чистая рука внутри. Если в следе от железа обнаруживалась гнойная кровь, обвиняемый признавался виновным, если

же нет - оправдывался. Нарушение правил не только делало испытание недействительным, но и наказывалось штрафом в 120 шиллингов.

Суд плужных лемехов

Вместо того чтобы нести железо определенного веса на оговоренное расстояние, обвиняемый мог пройти босиком определенное пространство, на котором были положены девять раскаленных лемехов. Этому виду суда, как утверждается, подверглась королева Эмма, мать Эдуарда Исповедника, когда ее обвинили в прелюбодеянии с Олвином, епископом Винчестерским. Точный характер этого суда более чем обычно туманен, и есть некоторые основания сомневаться в точности рассказа Блэкстоуна. Он утверждает, что обвиняемому завязали глаза, а лемехи были расставлены через неравные промежутки - очевидно, с тем расчетом, чтобы человек мог избежать контакта с некоторыми из утюгов, а возможно, и со всеми. Авторитет Блэкстона, Радборн, в своем рассказе о суде над королевой Эммой, передает совершенно иное впечатление от процесса - во всяком случае, в тот раз. Он четко говорит, что ей *не* завязывали глаза и что она давила на каждый лемех всей тяжестью своего тела: "Emma vero nullam mamphoram sive pannum ante oculos habens-super novem vomeres novem passus faciens et singulos eorum totius corporis pleno pressens pondere".

В таких случаях использовался следующий сборник: "Господи Боже Вседержитель... мы взываем к Тебе и, как сторонники, увещеваем Твое величество, чтобы в этом суде и испытании Ты приказал сделать бесполезными все хитрости дьявольского мошенничества и изобретательности, заклинания мужчин или женщин, а также свойства трав; чтобы всем стоящим вокруг было очевидно, что Ты справедлив и любишь справедливость, и что нет никого, кто мог бы противостоять Твоему величию. И вот, Господи, Владыка неба и земли, Творец вод, Царь всего творения Твоего, во святое имя Твое и силу Твою, мы благословляем эти лемехи, чтобы они произвели истинный суд; чтобы, если окажется, что тот человек невиновен в обвинении в этом деле, которое мы обсуждаем и рассматриваем среди нас, кто ходит по ним с голыми ногами; Ты, всемогущий Бог, как избавил трех отроков от огненной печи, Сусанну - от ложного обвинения, Даниила - от логова львов, так и Ты, могущественная сила Твоя, сочти нужным сохранить ноги невинных в целости и сохранности. Если же человек окажется виновным в вышеупомянутом деле и, по убеждению дьявола, осмелится искушать силу Твою и переступит через них, Ты, справедливый и судящий, сожги его, чтобы он предстал на ноги его, к чести и хвале и славе Твоей; к постоянству и упованию на имя Твое, кроме того, нас, рабов Твоих; к смущению и раскаянию в грехах вероломных и слепых; дабы, против воли своей, постигли они, чего охотно не желали, что Ты, живущий и царствующий от века до века, есть Судия живых и мертвых. Аминь."

Суд над кипящей водой

Когда испытание проводилось кипящей водой, священник сначала совершал мессу, а затем спускался к месту испытания, неся крест и книгу Евангелий. Пропев литанию, он изгонял и благословлял воду, которую предстояло вскипятить. Затем он раздевал обвиняемого, облачал его в церковное облачение, подобное тому, которое носит экзорцист или дьякон; окроплял его водой, заставлял выпить ее и давал ему поцеловать крест и Евангелие. Сказав: "Я даю тебе эту воду в знак сегодняшнего дня", священник подкладывал под котел дрова, которые могли быть железными, медными, свинцовыми или глиняными. По мере того как вода нагревалась, священник читал молитвы, и ее продолжали нагревать, пока она не доходила до кипения. Затем обвиняемый произносил молитву "Отче наш" и осенял себя крестным знаменем; после чего котел быстро ставили на огонь, а судья держал в воде подвешенный камень, который обвиняемый, во имя Бога, должен был вытащить на глубину

запястья или локтя, в зависимости от того, каким было испытание - одинарным или тройным. На третий день его руку осматривали и определяли его невиновность или виновность.

Суд холодной водой

Испытание холодной водой в некотором роде является самым интересным из всех. В этом случае обвиняемого бросали в пруд или резервуар, который технически назывался *ямкой* или "ямой". Если он всплывал, его признавали виновным; если тонул, его невиновность считалась доказанной Богом. Иногда говорят "если он плавал без всякой видимости плавания", но плавание, похоже, было исключено, если правда, что его большие пальцы были привязаны к пальцам ног, или он был связан по рукам и ногам! Гримм объясняет принцип этого испытания старым языческим суеверием, что святая стихия, чистый поток, не примет в себя ни одного провинившегося. Король Яков I в своей "Демонологии", однако, в случае с ведьмами утверждает, что если они отрекутся от своего крещения, то стихия, с которой совершается священный обряд, справедливо отвергнет их. Это разъяснение в точности соответствует древней формуле посвящения, произносимой над обвиняемыми, которая звучала следующим образом:

"Пусть всемогущий Бог, Который повелел совершить крещение водой и через крещение даровал людям отпущение грехов, по Своему милосердию постановит правый суд через эту воду. Если же ты виновен в этом, то пусть вода, принявшая тебя в крещении, не принимает тебя теперь; если же ты невиновен, то пусть вода, принявшая тебя в крещении, примет тебя теперь. Через Христа, Господа нашего".

После этого священник изгнал воду, сказав ей:

"Заклинаю тебя, вода, во имя Отца Всемогущего, который создал тебя в начале, который также приказал тебе отделиться от воды наверху... чтобы ты ни в коем случае не принимала этого человека, если он каким-либо образом виновен в обвинении, выдвинутом против него; ни делом, ни согласием, ни знанием, ни каким-либо другим образом; но сделай так, чтобы он плавал над тобой. И пусть не будет против тебя ни процесса, ни волшебства, которые могли бы скрыть это" [т. е. обстоятельство его вины].

Суд над морсом

Пятой формой испытания было поедание освященного хлеба и сыра. Это испытание называлось "*корнед*", или "морс казни". Священник писал молитву "Отче наш" на хлебе, из которого затем взвешивал определенное количество - десять пеннивейтов, и так же поступал с сыром. Под правую ногу обвиняемого он подкладывал крест из тополиного дерева и, держа другой крест из того же материала над головой человека, набрасывал ему на голову написанную на дощечке кражу. В тот же момент он положил хлеб и сыр в рот обвиняемого и, сделав это, произнес заклинание:

"Заклинаю тебя, о человек, Отцом и Сыном и Святым Духом и четырьмя с двадцатью старцами, которые ежедневно возносят хвалу Богу, и двенадцатью патриархами, двенадцатью пророками, двенадцатью апостолами, евангелистами, мучениками, исповедниками и девами, всеми святыми и Искупителем нашим, Господом Иисусом Христом, который ради нашего спасения и за наши грехи претерпел прикрепление рук своих к кресту; чтобы, если ты был соучастником этой кражи, или знал о ней, или имел какую-либо вину, чтобы хлеб и сыр не прошли через твою глотку и горло, но чтобы ты дрожал, как осиновый лист, аминь; и не имел покоя, о человек, пока не извергнешь его с кровью, если ты совершил что-либо в деле вышеупомянутой кражи. Через Того, Кто жив".

Также были использованы следующие молитва и экзорцизм, которые было велено повторить трижды:

"Святой Отец, всемогущий, вечный Бог, создатель всего видимого и всего духовного, который смотрит в тайные места и знает все, который исследует сердца людей и правит как Бог, молю Тебя, услышь слова моей молитвы; чтобы тот, кто совершил, или совершил, или дал согласие на эту кражу, чтобы хлеб и сыр не смогли пройти через его горло".

"Изгоняю тебя, нечистый дракон, древний змей, темная ночь, словом истины и знамением света, Господом нашим Иисусом Христом, непорочным Агнцем, порожденным Всевышним, зачатый от Святого Духа, рожденным от Девы Марии - о пришествии Которого возвестил архангел Гавриил; Которого, увидев, возвестил Иоанн: Сей есть живой и истинный Сын Божий, и ни в коем случае не позволяй тому человеку есть этот хлеб и сыр, который совершил эту кражу, или согласился на нее, или посоветовал ее. По призыву Того, Кто должен прийти судить быстрых и мертвых, закрой ему горло, но не до смерти".

Суд Псалтыри

Воров иногда судили с помощью двух кусков дерева и псалтыря. Один из кусков с пуговицей на верхушке вставлялся в псалтырь над стихом: "Справедлив Ты, Господи, и праведны суды Твои". Затем книгу закрывали и крепко сжимали, а выступающую кнопку помещали в отверстие, проделанное в другом куске дерева, на котором теперь висела псалтырь. Дерево держали два человека по разные стороны от псалтыря, и когда обвиняемый оказывался перед ними, один из них трижды говорил другому: "Вещь у него" (то есть украденный предмет). Другой трижды отвечал: "У него ее нет". Тогда священник провозгласил: "Это изволит явить нам Он, Который судом управляет земными и небесными вещами. Справедлив Ты, Господи, и праведны суды Твои. Отврати зло от врагов Твоих и уничтожь их правдой Твоей".

Судьба обвиняемого зависела от чудесного поворота псалтыря. Если направление было слева направо, он был невиновен, если справа налево - виновен. Из молитвы, в которой священник ссылаясь на Божественное откровение, следовало, что он держал книгу в руках, и поэтому естественно предположить, что сознательно или бессознательно его мнение должно было повлиять на ее движение. Молитва гласила:

"Всемогущий, вечный Бог, сотворивший все из ничего и создавший человека из глины земной, молим Тебя, как заступники по ходатайству Марии, Пресвятой Богородицы... чтобы Ты произвел суд над нами по этому вопросу, в котором мы не уверены; так что если окажется, что этот человек невиновен, то книга, которую мы держим в руках, [при вращении] будет следовать обычному ходу солнца; если же он виновен, то книга будет двигаться в обратную сторону".

Существовали и другие формы процедуры, в некоторых из которых, как, например, при испытании крестом или прикосновением к костылю, предполагаемый преступник оказывался лицом к лицу со своей жертвой. Ордалии были отменены в Англии в 1219 году, но традиция не умерла, и во времена Содружества Хопкинс, печально известный охотник за ведьмами, высмеиваемый в "Гудибрасе", использовал испытание холодной водой для осуждения ведьм. "Подозреваемую, - пишет сэр Вальтер Скотт, - заворачивали в простыню, связывали большие пальцы рук и ног и тащили через пруд или реку. Если она тонула, это свидетельствовало в пользу обвиняемого; если же тело всплывало (что, должно быть,

происходило десять раз за один раз, если его осторожно клали на поверхность воды), обвиняемого осуждали".

То, что результат испытания может быть оговорен, признавали даже в Средние века. Так, пятьдесят англичан, как рассказывают, по приказу Уильяма Руфуса были подвергнуты испытанию раскаленным железом, и каждый из них избежал наказания. После этого король объявил, что снова будет судить их по приговору своего суда и не будет подчиняться так называемому Божьему суду, "который делался благоприятным или неблагоприятным по желанию любого человека". По Нортгемптонскому приговору (1176 г.) подозреваемые, оправданные водным испытанием, подлежали изгнанию, хотя и были вновь оправданы "Божьим судом".

Испытание боем, хотя и основанное, очевидно, на том же принципе, технически отличалось от испытания или суда. Первый, по-видимому, возник в странах Севера, где он был известен как *хольмганг*, а бои проходили на островах. Среди англичан этот способ урегулирования разногласий не пользовался особой популярностью ни до, ни после Нормандского завоевания; в статутах Вильгельма I содержатся положения, согласно которым туземцам разрешалось заменять более привычное испытание битвой.

"Там же было постановлено, что если француз призовет англичанина за лжесвидетельство или убийство, кражу, убийство или "бегство" - так англичане называют явное изнасилование, которое нельзя отрицать, - то англичанин должен защищаться, как он предпочитает, либо через испытание железом, либо через пари в бою. Но если англичанин немошен, он должен найти другого, который сделает это за него. Если один из них будет побежден, он должен заплатить королю штраф в размере сорока шиллингов. Если англичанин вызовет француза и не захочет доказать свое обвинение судом или боевым поединком, я, тем не менее, прикажу французу очистить себя неофициальной клятвой".

В последующие царствования боевые поединки были бесконечно более распространены, и их очень поощряла военная раса, чьи идеи и привычки навязывались подданному населению. Принципы были установлены, а процедура регламентирована "Иерусалимскими ассизами" (1099), чьи постановления были приняты и признаны во всей Европе как кодекс закона и чести. Для общего изложения условий и последствий мы не можем сделать ничего лучше, чем обратиться к страницам почти безупречного Гиббона.

"Суд боем, - говорит он, - был установлен во всех уголовных делах, затрагивающих жизнь, конечности или честь любого человека, и во всех гражданских сделках стоимостью от одной марки серебра и выше". Оказывается, что в уголовных делах бой был привилегией обвинителя, который, за исключением обвинения в измене, мстил за свои личные увечья или смерть тех лиц, которых он имел право представлять; но везде, где по характеру обвинения можно было получить показания, он должен был представить свидетелей этого факта. В гражданских делах бой не допускался как средство установления притязаний истца; но он обязан был представить свидетелей, которые имели или предполагали, что имели знание о факте. Тогда бой был привилегией ответчика, поскольку он обвинял свидетеля в попытке лжесвидетельством лишить его права. Таким образом, он оказывался в том же положении, что и апеллянт в уголовных делах. Таким образом, бой принимался не как способ доказательства, не как отрицательное доказательство (согласно предположению Монтескье), но в каждом случае право на бой было основано на праве добиваться возмещения ущерба с помощью оружия; и судебный бой велся по тому же принципу и в том же духе, что и частная дуэль. В чемпионы допускались только женщины, а также мужчины, увечные или достигшие шестидесятилетнего возраста. Последствием поражения была

смерть обвиняемого, чемпиона или свидетеля, а также самого обвинителя; но в гражданских делах истец наказывался позором и потерей иска, а его свидетель и чемпион страдали от бесславной смерти. Во многих случаях судья мог по своему усмотрению присудить бой или отказать в нем; но есть два случая, когда это было неизбежным результатом вызова: если верный вассал давал ложь своему сопернику, который несправедливо претендовал на какую-либо часть владений своего господина; или если неудачливый истец осмеливался подвергнуть сомнению решение и правдивость суда. Он мог подвергнуть их сомнению, но условия были суровыми и опасными: в один и тот же день он последовательно сражался со всеми членами трибунала, даже с теми, кто отсутствовал; за одним поражением следовала смерть и позор; и если никто не мог надеяться на победу, то весьма вероятно, что никто не смог бы приключиться на суде".

Второе место по значимости после "Ассизов Иерусалима" занимают "Большой кутюм Нормандии" и "Кутюмы Бовуази" Бомануара. Что касается Англии, то о формах судопроизводства рассказывают Брактон и Бриттон, а Селден в своем трактате "De Duellis" приводит ряд дел, как гражданских, так и уголовных, в которых прибегали к суду боем.

Когда апеллор предлагал сразиться лично, он должен был сказать: "Господин, А жалуется вам на В, который находится здесь, что он убил С; и если он отрицает это, А готов доказать это своей личностью против личности В, убить его или заставить признаться в течение часа, и вот его обещание". Если он предлагал сразиться чемпионом, то формула была следующей: "Сэр, А жалуется вам на В, что тот убил С; и если тот отрицает это, А готов доказать это, если тот не приведет в этот день своего чемпиона; и убить и т. д., и вот вам его обещание". Ответчик ответил в следующих выражениях: "Сэр, Б отрицает и опровергает убийство, вменяемое ему А, и готов защищаться своей персоной против персоны А, и смотрите здесь его обещание".

Воины должны были быть вооружены в соответствии с их качеством; оружие и доспехи рыцарей, которые должны были сражаться в случае убийства или покушения, должным образом описаны. Они должны были сражаться в пешем строю; их копья должны были быть одинаковой длины, а щиты - на полфута выше их самих и пробиты двумя отверстиями, через которые они могли видеть своего противника. Оружие должно было быть показано суду, и каждый чемпион обязан был принести клятву на Евангелии, что у него нет при себе ни письма, ни амулета, ни другого оружия, кроме показанного суду. Затем бойцы были расставлены и сразились. Рядом стояли стражники поля, чтобы они могли уловить слова "каюсь", если они будут произнесены. В этом случае они говорили другой стороне: "Ты сделал достаточно", и побежденного отводили к владыке, по приказу которого его готовили к виселице и вешали. Подобным образом поступали и с убитым бойцом, даже если он не говорил "Я раскаиваюсь". Аналогичная процедура применялась и в тех случаях, когда поединщики были низшего ранга, за исключением того, что их оружие не было рыцарским. Если речь не шла об убийстве или покушении, рыцари сражались верхом и в доспехах, с теми же последствиями для побежденного. Его оружие конфисковывалось, а если обвинение касалось измены, то его наследники лишались наследства. Бойцы более низкого, чем рыцарский, ранга сражались в пешем строю со щитами и копьями одинаковой длины. Если кто-либо не из рыцарей наносил удар рыцарю, тот лишался правой руки, "из-за чести и достоинства, которые рыцарь имеет и должен иметь над всеми другими людьми".

Теперь мы можем обратиться к некоторым типичным примерам. В правление Генриха III. Хамон ле Старе был обвинен в грабеже Уолтером де Блоубермом; запись особенно интересна благодаря современному рисунку поединка и последующей казни побежденного.

В одном из списков Мертонского колледжа в Оксфорде есть запись о деле времен Эдуарда I. Р. де Б. потребовал у настоятеля Сенса церковный титул, и последний начал сражаться. В назначенный день явился его защитник, "и в открытом поле состоялся поединок". Защитник приора был сражен, после чего адвокат приора вышел вперед и отказался от адвокатуры. Соответственно, было вынесено решение о том, что Р. должен получить сейзин, а приор - милость. В том же MS. содержится комментарий судьи (Saham) о том, что если после вступления в бой, при втором или третьем нападении арендатор признает право на владение, принадлежащее требующему, и за это признание требующий предоставляет арендатору пожизненное владение, после чего владение возвращается к нему (требующему), то это признание имеет такую же силу, как если бы штраф был взыскан в судебном акте о гарантии хартии.

В 29 году Эдуарда III, в Хил., епископ Солсбери подал иск о праве на замок Солсбери против графа Солсбери. Битва состоялась, но после того, как судьи осмотрели снаряжение поединщиков, был назначен дополнительный день на том основании, что в плаще поборника епископа было найдено несколько свитков с молитвами и чарами. В этом случае сражения не произошло, так как был достигнут компромисс, по которому епископ должен был выплатить графу 1500 марок, и решение было вынесено в пользу епископа, так как граф не выполнил свои обязательства. Что касается чар, то можно отметить, что на форзаце одного из томов донесений, *составленных* Эдуардом I и II, имеется копия. Эдуарда I и II, написанный рукой современника, амулет, состоящий из списка имен Бога, которые должны произноситься только в особых случаях, один из которых - "par doute de plai". Можно добавить, что церковники нередко держали защитника не на один случай, а постоянно, и он получал регулярное жалованье. Ричард де Свинфилд, епископ Херефорда, последовал этому примеру, дав залог Томасу де Брюгге в обмен на то, что тот будет исполнять обязанности чемпиона. Аналогичным образом, по договору, датированному Лондоном 28 апреля 42 года Генриха III, некто Генри де Фернбюрег за 30 марок стерлингов был обязуется быть всегда готовым сражаться в качестве защитника аббата Гластонбери в защиту права, которое он имел на поместья Кранмор и Паклчерч, против епископа Бата и Уэллса, декана Уэллса и других их защитников, каких бы то ни было.

Естественно, однако, что судебный поединок был институтом, в котором суд и аристократия были заинтересованы больше, чем церковь. С большой долей вероятности можно предположить, что должность королевского чемпиона возникла благодаря этому обычаю. Как бы то ни было, члены королевского дома устраивали и даже участвовали в дуэлях такого порядка; один из лучших отчетов об этой практике сохранился в длинном и подробном послании, адресованном Ричарду II Томасом герцогом Глостерским и констеблем Англии. Ниже приведены выдержки:

"Король должен найти поле для сражения. И списки должны быть lx шагов в длину и xl шагов в ширину хорошим образом; и земля должна быть твердой, устойчивой, и твердой, и ровной, сделанной без больших камней, и земля должна быть ровной; и списки должны быть крепко ограждены вокруг, и ворота на востоке, и другие на западе с хорошими и крепкими барьерами высотой vii футов или более..... В день битвы король должен быть в сеге или на эшафоте там, где они будут..... Когда апеллянт отправится в путь, он придет к воротам списков на востоке таким образом, как он будет сражаться со своим оружием и оружием, назначенным ему судом, и там он будет оставаться, пока его не введет констебль, так что

когда он придет к указанным воротам, констебль и маршал пойдут туда. И констебль спросит его, что это за человек, который пришел вооруженным к воротам списка, и какое у него имя, и по какой причине он пришел. Апеллянт ответит: "Я такой-то человек, А. де К., апеллянт, который пришел в это путешествие и т. д., чтобы сделать и т. д.". И тогда констебль открывает козырек своей колыбели, чтобы хорошо видеть его лицо, и если это тот же человек, что и апеллянт, то он открывает ворота списков и заставляет его войти с тем же оружием, очками, провизией и другими законными вещами, которые при нем, а также с его адвокатом, и затем он ведет его к королю, а затем в его палатку, где он будет находиться, пока не придет ответчик. Таким же образом следует поступить и с ответчиком, за исключением того, что он войдет через западные ворота списков.

"Констебль должен записать и внести в реестр приход и час входа апелланта, и как он вошел в списки пешком; а также упряжь апелланта, и как он вооружен, и с каким количеством оружия он вошел в списки, и какие продукты и другие законные предметы первой необходимости он несет с собой. Таким же образом следует поступить и с ответчиком..... Апеллянт и ответчик должны быть досмотрены констеблем и маршалом на предмет их оружия, иначе называемого оружием, чтобы они были клятвенными без всякого обмана; и если они окажутся иными, чем требует разум, то они будут отобраны, ибо разум, добросовестность и закон оружия не потерпят ни лукавства, ни обмана в столь великом деле. Апеллянт и ответчик могут быть вооружены по своему усмотрению".

Ранее было сказано следующее: "И констебль должен следить за тем, чтобы никто другой до или после апелланта или ответчика не принес ни оружия, ни съестных припасов, кроме тех, что были назначены судом". В качестве "оружия" суд назначил длинный меч, короткий меч и кинжал - никаких других ножей, больших или малых, или любых других "инструментов или орудий с острием". Участники боя должны были поклясться на книге, что они вооружены таким образом и что у них нет ни камня добродетели, ни травы добродетели, ни амулета, ни каких-либо других чар. Также они должны были взять друг друга за руки, чтобы применить всю свою силу и намерение друг на друга и заставить противника либо сдаться, либо отказаться от призрака. Всем, кроме двух лейтенантов констебля и двух рыцарей, было приказано покинуть списки.

Констебль сидел перед королем в качестве его "генерального наместника" и регулировал ход поединка. "Констебль сказал своим голосом следующее: "Lessiez lez aler", то есть "отложите их и отдохните немного"; "lessiez lez aler & faire leur devoir depdieu", то есть "отложите их и сделайте их пожирателями во имя богини". And this seyde eche man schal depte fro bothe pties soo that they may incountre & doo that them semeth best."

С этого времени ни апеллянт, ни ответчик не могли есть или пить без разрешения и санкции короля; и в обязанности констебля входило, если король по какой-либо причине приказывал сторонам разделиться, отдохнуть или остановиться, следить за тем, чтобы это происходило таким образом, чтобы они находились в одинаковом "состоянии и степени" на случай, если король прикажет возобновить поединок. Он также должен был хорошо "слушать и видеть", если кто-то из них говорил другому о том, что надо уступить или нет, ибо ему и никому другому принадлежали свидетельство и запись слов с того времени.

В этой битве, якобы из-за измены, тот, кто был осужден и повержен, был разоружен в списках по приказу констебля, и угол списков был сломан "в упрек ему". Через это его вывозили на лошади по спискам от места, где он был разоружен, до места правосудия, где его обезглавливали или вешали - "что относится к маршалу".

"И если случится так, что король возьмет ссору в свои руки и заставит их согласиться без дальнейшей борьбы, то констебль, взяв одну сторону, и маршал - другую, должны привести их перед королем, и он, показав им свою волю, указанные констебль и маршал должны привести их в одну часть списков со всеми их очками и доспехами, как они были найдены, и когда король взял ссору в свои руки, как сказано. И так они должны быть выведены из ворот списков поровну, чтобы один не шел впереди другого ни за что и ни про что, ибо с тех пор, как он взял ссору в руки, должно быть нечестно, чтобы одна из сторон имела больше недоброжелательства, чем другая. Поэтому многие древние люди говорили, что тот, кто первым выходит из списков, имеет неприязнь, и это справедливо как в случае измены, так и в другом случае, каким бы он ни был".

Нельзя повторять слишком часто или слишком четко понимать, что поединок не был исключительно рыцарским обычаем, предназначенным только для людей высокого положения. Как и испытание, он был предписан в качестве способа судебного решения для бюргеров и других лиц, хотя, как мы показали, равенство рангов постулировалось у участников поединка не меньше, чем равенство "очков". В качестве иллюстрации мы можем обратиться к летописям Лестера, где для разрешения споров горожан применялись боевые пари. Мы видели, что рыцари обязывались довести дело до конца в течение часа. Честные бюргеры, менее опытные в использовании смертоносного оружия и либо менее мужественные, либо менее бессердечные в лишении жизни людей, похоже, демонстрировали крайне низкий уровень "спорта" в своих невольных поединках. В Лестере бой начался в 6 часов утра и продолжался до 3 часов дня, когда он был прекращен из-за падения одного из участников в яму. Характер поединка и поведение поединщиков вызвали большой скандал, и жители города, чтобы предотвратить повторение инцидента, обязались платить графу по три пенса за каждый дом при условии, что "двадцать четыре присяжных, которые были в Лестере с давних времен, должны с этого времени обсуждать и решать все споры, которые у них могут возникнуть".

В Лондоне и других городах, где действовали хартии, участников ссоры нельзя было заставить сражаться против их воли. Правило гласило, что между двумя свободными людьми не заключалось боевое пари без согласия обоих; известен случай, когда один гражданин, обвиненный в преступлении и грабеже, предложил защищать себя своим телом. Аппельмейстер отказался от защиты боем, и было решено судить обвиняемого по среднему праву с восемнадцатью сотрапезниками.

Поединок использовался для решения не только уголовных, но и гражданских дел, и в таких спорах истец, независимо от его состояния, мог не вступать в бой сам, а был представлен защитником, который занимал позицию свидетеля. Требование предъявлялось в такой форме, как, например, следующее:

"Я требую от Б. один шкуродёр земли в такой-то деревне (называя ее) как мое право и наследство, которым мой отец (или дед, в зависимости от обстоятельств) владел в своем поместье на правах собственности во времена Генриха I. (или, в зависимости от обстоятельств, после первой коронации короля), и с которого он получал продукцию на сумму не менее пятидесяти шиллингов (в виде кукурузы, сена и других продуктов); и это я готов доказать через моего фримена Джона, или, если с ним что-нибудь случится, через него или его" - можно назвать нескольких, хотя сражаться может только один - "кто это видел".

Или же форма может заключать: "И это я готов доказать через моего фримена Джона, которому его отец на смертном одре обязал, по вере, которой сын обязан отцу, что если он

когда-либо услышит о каком-либо ходатайстве относительно этой земли, он должен будет доказать это, как то, что видел или слышал его отец".

После этого арендатор мог защищаться лично или с помощью заместителя по своему выбору. Защитник истца не должен был быть человеком, нанятым за вознаграждение, и если его уличали в получении денег или побеждали на дуэли по праву, то не только истец проигрывал свой иск, но и защитник лишался *legem terræ*, то есть больше никогда не мог выступать в подобном качестве, и подвергался штрафу в шестьдесят шиллингов *nomine recreantisæ* за трусость. В правление Генриха II эти правила были изменены, и арендатор мог выставить себя на торги. "Ассиз, - говорит Гланвилл, - это королевская льгота, предоставленная народу принцем по его милости, по совету его знати, как средство, позволяющее сохранить жизнь и интересы его подданных, пользоваться их имуществом и правами, не будучи больше вынужденным подчиняться сомнительному шансу поединка". После этого можно было бы избежать беды насильственной смерти, которая иногда случалась с чемпионами, а также вечного позора и бесчестия, сопутствующих побежденному, когда он произносил *infestum et inverecundum verbum*". Ужасное слово было "creaunt" (или craven).

СУДЕБНЫЙ

ГЛАВА XII

ВНЕЗАПНО

Многие из наших древних баллад и лирических произведений, таких как цикл о Робин Гуде и изысканная любовная поэма "Орехово-коричневая служанка", основаны на обычае разбойничьего поведения. Одна из самых очаровательных ранних английских поэм - "Повесть о Геймлине", в которой мы встречаем следующий отрывок, упоминающий о запрете:

"Как ни были его кабальеро печальны и ничему не рады,
Когда Гэмелин, ее повелитель, заплакал и закричал;
И отослал своих людей, где бы они могли его найти,
Чтоб укрыть Гамелина под лесом-линдой,
Чтоб рассказать ему, как в лесу было,
И все его доброе, и все его люди были начеку".

Выражение "волчья голова" - старая саксонская формула запрета на свободу, возникшая, по-видимому, из-за того, что за беглеца назначалась цена, эквивалентная той, в которую оценивалась волчья голова. Один из законов Эдуарда Исповедника касается случая, когда человек скрывается от правосудия, и гласит: "Si postea repertus fuerit et teneri possit, vivus regi reddatur, vel caput ipsius si se defenderit; lupinum enim caput geret a die utlagacionis sue, quod ab Anglis *wlvesheved* nominatur. Et hec sententia communis est de omnibus utlagis".

Уже сейчас мы располагаем основными фактами, касающимися вне закона. Как правило, преступника не изгоняли, как изгоняли граждан в Афинах, чтобы обезопасить государство от опасного соперничества. Другими словами, обычно это были не люди с характером и отличием, а как раз наоборот - люди, чье поведение было настолько лишено чести, что в глазах общества они были низведены до уровня худшего сорта паразитов. И отношение к

ним было соответствующим. Их считали непригодными для существования в качестве неотъемлемой части политического тела и либо уничтожали, либо, в качестве альтернативы, принуждали отречься от королевства. Во главе и передней части их преступления не стояло какое-либо деяние, в котором они могли быть виновны. Прямой и, можно сказать, единственной причиной их проскрипции был отказ подчиниться законам, принять правосудие от рук своих соотечественников.

Это достаточно четко прослеживается в законодательных актах наших далеких предков. Кембл в своей книге "Саксы в Англии" приводит следующий закон короля Эдгара:

"Вора следует преследовать, если это необходимо. Если в этом есть нужда, пусть это будет сказано сотне людей, и пусть после этого они сообщат об этом десятильникам, и пусть все они отправляются туда, куда Бог направит их для достижения цели; пусть все они вершат правосудие над вором, как это было раньше по закону Эадмунда. И пусть выплалят *seapgild* (т.е. рыночную стоимость) тому, кто владеет имуществом; а остальное пусть разделят пополам, половину - сотне, половину - господину, кроме людей; и пусть господин завладеет людьми.

"А если кто пренебрежет этим и будет отрицать решение сотни, и то же самое будет впоследствии доказано против него, пусть заплатит сотне 30 пенсов, а во второй раз 60 пенсов; половина сотне, половина лорду. Если он сделает это в третий раз, пусть заплатит ½ фунта; в четвертый раз пусть потеряет все, что у него есть, и станет преступником, если только король не позволит ему остаться в земле.....

"Мы также постановили, что если сотня преследует след в другой сотне, то об этом следует уведомить старейшину сотни, и пусть он идет с ними. Если он этого не сделает, пусть заплатит королю 30 фунтов стерлингов.....

"Если кто-либо уклонится от правосудия и сбежит, пусть тот, кто держит его под стражей, заплатит ущерб (*angild*). А если его обвинят в пособничестве побегу, пусть он оправдывается по закону страны".

По определению Мейтленда, "*ангильд*" - это денежная компенсация, которую имеет право получить обиженный человек, то есть ущерб, в отличие от штрафа (*wite*). Здесь, очевидно, мы находимся на той же почве, что и в главе, посвященной очищению клятвой и испытанием. Если вспомнить, что вору предстояло пройти через муки и неопределенный исход испытания и что осуждение могло повлечь за собой, *помимо штрафа*, изгнание, рабство или потерю ноги, то сразу же возникает соблазн скрыться, но исчезновение обвиняемого не только вредило обвинителю, но и ставило под удар человека, ответственного за его производство. Поэтому сбежавший вор *был не только опасен, но и неприятен*, и, если он оставался сговорчивым, лишение жизни и имущества считалось не слишком суровым наказанием. Если же вместо вора преступник оказывался убийцей, то неудобства для общества, в среде которого было совершено преступление, были еще больше. Один из законов Эдуарда Исповедника предписывал, что если человека найдут убитым, а убийцу не удастся найти, то штраф в 46 марок (30 фунтов 13 шиллингов 4 д.) должен быть уплачен в казну волости и сотни. В Трубных списках содержится множество примеров выплат за убийства, в которых исполнители не были взяты с поличным, причем сумма штрафа варьируется. В 14 году Генриха II шериф Девона заплатил 100 марок за одно убийство в Уонфордской сотне, 10 марок за несколько убийств в Аксминстерской сотне и 20 марок за убийство в Северной Тотонской сотне. Еще одна сумма в 20 с. была перечислена деревней или поселком Браунтон за мир в связи с совершенным там убийством.^[10]

Таким образом, положение дел проясняется. Убийца считался членом корпорации, которая должна была отвечать за него и, не выполнив этого, взыскивала неустойку. Таким образом, убийца, если он не сдавался, добавлял к своему первоначальному преступлению против отдельного человека или семьи такие, как нелояльность и нанесение ущерба обществу; соответственно, он становился объектом частной или общественной мести, а законы, которые он нарушил и презрел, переставали обеспечивать ему защиту.

Что же ему оставалось делать в этих обстоятельствах? Если судить по свидетельствам баллад и поэм, о которых мы уже упоминали, лучшим и обычным выходом для него было отправиться в зеленый лес и присоединиться к группе веселых товарищей, оказавшихся в такой же ситуации, как и он сам. То, что этот способ иногда применялся, следует из самого существования этих сочинений, а вероятность его объясняется обширностью лесов и малочисленностью населения, которое эти десперадо могли примирить с помощью доли выкупа, получаемого с богатых путников. Но убийца, прибегнувший к этому средству, был не очень-то безопасен. Как враг установленного порядка, он должен был проявлять доблесть, и, попав в плен, его судьба была предрешена. Вряд ли преступники такого рода были обычным явлением даже во времена Хереварда Пробужденного. Большинство тех, кто попал под это определение, не были героями и действовали совсем по-другому. Они бросались под защиту Церкви.

"Святая Мать Церковь, как добрая мать, собирает всех в свое лоно; и поэтому все, и хорошие, и плохие, кто укрывается у нее, защищены под ее мантией".

Так говорил Эксетерский синод в 1287 году; далее в уставе приводятся положения легатского собора, состоявшегося при кардинале Отобоне в лондонском соборе Святого Павла за двадцать один год до этого, которые легли в основу конституций, принятых в различных епархиях: "Если кто-либо вытащит из церкви, кладбища или монастыря укрывшегося там человека или помешает снабдить его необходимой пищей; или враждебным или насильственным образом унесет имущество, хранящееся в вышеупомянутых местах, или вызовет или одобрит такое унесение своими последователями, или окажет свое содействие, открыто или тайно, таким действиям тех, кто рассчитывает на их помощь, совет или согласие, - мы связываем их *ipso facto* узами отлучения, от которых они не будут освобождены до тех пор, пока они полностью не возместят Церкви причиненное зло."

Отсюда ясно, что у злоумышленника был готовый способ уклониться или отсрочить последствия своего преступления и отказаться "отдать себя на поругание своей стране", поскольку каждая церковь была святилищем в том смысле, что предоставляла безопасность перепуганным несчастным, невинным или виновным. Не лишним будет напомнить, что вне закона становится не с момента совершения преступления или бегства преступника; вплоть до вынесения приговора, а также в случае неисполнения приговора, закон не давал повода для убийства. Правило, подтвержденное статутom короля Эдгара, согласно которому приговор об объявлении вне закона выносился только после предоставления возможности раскаяться, оставалось в силе на протяжении всего Средневековья. Это следует из примечания к заседанию Салопского итера 1293 года, в котором говорится следующее:

"Хотя тот, на кого подан иск о смерти человека или о другом преступлении, не явился в три суда графства, все же в четвертый суд графства он может явиться и дать основной приказ явиться в пятый суд графства; и тогда, если он не явится, он будет объявлен вне закона. А если аппельмейстер откажется от обвинения, то эксигенд должен оставаться до Эйра; и тогда его будут судить (ибо он может вернуться в мир, если захочет) по иску короля. А если он

не придет, его вызовут в три суда графства; и если он не придет в третий, его объявят вне закона в четвертом суде графства, если он не придет и не даст главного приза, чтобы прийти в пятый суд графства".

Можно считать само собой разумеющимся, что в подавляющем большинстве случаев такой степени внимания было достаточно в случае любого человека, честно желающего предстать перед судом; но могли возникнуть обстоятельства, которые делали невозможным для человека предотвратить объявление его вне закона, и тогда право убежища могло иметь огромную ценность для предотвращения несправедливости. То, что это предположение не является чисто вымышленным, доказывает замечательное прошение начала правления Эдуарда I, в котором Джон Браун, ученый из Оксфорда, заявляет, что во время его отсутствия в Риме он был ложно призван еврейкой за христианского ребенка, преследовался из графства в графство и был объявлен вне закона; поэтому по возвращении его посадили в тюрьму, и теперь он молит короля о милости, без которой он не может обратиться к общему праву. Джон Браун, несомненно, не принял убежище - вероятно, потому, что не был своевременно проинформирован о фактах; в противном случае оно обеспечило бы ему всю необходимую безопасность и дало бы время на размышление о целесообразности сдачи или ухода из королевства.

Право убежища должно было основываться на принципе, что вина беглеца не была установлена. Даже обычное право было похвально щепетильным в этом вопросе и заботилось о том, чтобы не навредить обвиняемому очевидным признанием его вины. Если человек обвинялся в убийстве, судебные приставы обязаны были подойти к нему с белыми жезлами в знак того, что они не намерены совершать или провоцировать нарушение мира. Затем они призывали его подчиниться миру "нашего господина короля". Если они приходили первыми, вооруженные мечами и т. д., он мог защищаться, и есть один случай, когда человек так и поступил, сразившись с приставами в саду своего трактира, после чего суд поддержал его. Однако если человек не сдается, когда его вызывают мирным путем, против него может быть применена сила. Но сначала полицейские должны были найти или догнать его, и в этом их могли опередить те, кто пострадал. Очевидно, поэтому убийце, не верящему в справедливость своего дела, следовало бы без промедления бежать в "лоно Матери-Церкви".

Беженцем чаще всего становился закоренелый преступник, который мог сбежать из тюрьмы накануне казни. Некоторый свет на этот вопрос дают Нортумберлендские списки приговоров 1256 и 1279 годов. Например: "Robertus de Cregling et Jacobus le Escoe', duo extranei, capti fuerunt pro suspicione latrocinii per ballivos Willelmi de Valencia et imprisonati in prisma ejusdem Willelmi apud Rowebyr' (Rothbury). Et predictus Robertus postea evasit de prisma ad ecclesiam de Rowebyr' et cognovit ibi latrocinium et abjuravit regnum coram Willelmo de Baumburg tunc coronatore."

Преступники были обязаны указать характер преступлений, в которых их обвиняли, и, как следует из Даремского реестра, наибольшее число из них были убийцами и самоубийцами. Некоторые требовали права убежища за долги, другие - за кражу лошадей или скота и грабеж, а третьи - за такие преступления, как изнасилование, кража, укрывательство вора, побег из тюрьмы, неспособность вести судебное преследование и отставание в отчетности. Горожане, не задержавшие преступника до того, как он добрался до церкви, или позволившие ему сбежать после того, как он укрылся в ней, подвергались штрафу со стороны королевских судей, и эти обстоятельства доказывали, что ответственные за поддержание правопорядка терпели это учреждение как необходимое зло, но не относились к нему с благосклонностью.

Фукидидовская речь герцога Бекингема по поводу удаления королевы Эдуарда IV с ее младшим сыном, герцогом Йоркским, в святилище Вестминстера в 1483 году, представляет собой тщательную критику использования и злоупотребления этой привилегией в практике пятнадцатого века. Обращаясь к Тайному совету, он якобы сказал:

"И все же я не нарушу святилища; поэтому, воистину, поскольку привилегии этого места и других подобных уже давно существуют, я не тот, кто собирается их нарушить; и, по доброй воле, если бы они сейчас начались, я не был бы тем, кто должен пойти на это. И все же я не скажу "нет", но скажу, что это дело жалости, что такие люди, которых море или их злые должники довели до нищеты, должны иметь какое-то место свободы, чтобы уберечь свое тело от опасности жестоких кредиторов; и еще, если корона окажется под вопросом (как это уже случалось), а одна часть будет принимать других за изменников, я хотел бы, чтобы было какое-то место убежища для обоих. Что же касается воров, которых полно в этих местах и которые никогда не отступают от своего ремесла после того, как однажды попали туда, то жаль, что святилище должно ограждать их, а тем более людей-квиллиров, которых Бог велел брать с алтаря и убивать, если их убийство было умышленным; а где иначе, там не нужны нам святилища, которые Бог назначил в старом законе. Ибо если необходимость, собственная защита или несчастье заставляют его совершить этот поступок, то его ждет помилование, которое дарует либо закон, либо король из жалости. Итак, посмотрим, как мало среди людей святилища тех, кого какая-либо благоприятная необходимость вынуждает отправиться туда; а затем посмотрим, с другой стороны, как много там обычно тех, кого волевое безрассудство свело на нет. Какой сброд воров, убийц и злобных гнусных предателей, и особенно в двух местах: одно - на локте города [Вестминстер], а другое [Сент-Мартинс-ле-Гранд] - в самых недрах. Смею заверить: соизмерьте пользу, которую они приносят, с вредом, который от них исходит, и вы поймете, что лучше не иметь ни того, ни другого, чем иметь их; и это я говорю, хотя раньше ими не злоупотребляли так, как сейчас, и так давно, что я боюсь, что так будет всегда, пока люди боятся приложить руку к их исправлению; как будто Бог и святой Петр - покровители неблагородной жизни. Теперь безбожники буйствуют и влезают в долги из-за смелости этих мест; да, и богачи бегут туда с товарами бедняков. Там они строят, там они тратят, и просят своих кредиторов идти свистеть. Жены мужчин бегут туда с тарелками своих мужей и говорят, что не смеют оставаться со своими мужьями из-за побоев. Воры приносят туда украденные вещи и живут на них буйно; там они придумывают новые ограбления, а ночью уходят, грабят, грабят, убивают и снова приходят, как будто эти места дают им не только гарантию от причиненного ими вреда, но и разрешение на совершение еще большего".

Есть один аспект привилегии, не упомянутый в этом взвешенном решении, который заслуживает внимания, и это неадекватность закона для защиты жертв несправедливости от угнетения. В качестве примера, который, можно надеяться, не был слишком распространен, можно привести следующее прошение (недатированное):

"Марджери, жена Томаса Тани, *рыцаря* Виндзорского колледжа, и исполнительница его последней воли и завещания, заявляет, что, поскольку в четверг... в праздник Тела Христова во время последнего мятежа было объявлено, что все, кто имеет право или право на взыскание каких-либо долгов или завещаний, должны явиться к королю в лондонский Тауэр и предъявить свои доказательства и т. д., Без промедления она, с'д Марджери, и ее старший сын Джон Торп пришли с биллем, чтобы представить его королю для взыскания долгов, причитающихся ей в силу завещания и испытания ее с'д барона и решений, вынесенных тремя канцлерами короля; и они не имели досуга представить билль тогда, но на следующий день, в субботу, доставили его королю в его гардеробную в Лондоне. Но так как Отец в Боге,

архиепископ Кентерберийский, тогдашний канцлер Англии и судья в этом деле, ... наложил секвестр на все имущество и вещи сэра Уильяма Магга, тогдашнего декана упомянутого колледжа, вымороченные в руки Уолтера Алмали, нынешнего декана упомянутого колледжа, повелев в жалованной грамоте сэру Уолтеру, под определенными санкциями, не производить ливреи, пока не будет удовлетворено требование сэра Марджери по долгам, причитающимся от упомянутого У. к упомянутому М. и что Джон де Торп, младший сын сэра Маргери получил мандат от сэра канцлера на вызов сэра Уолтера и сэра Ричарда Метфорда для явки и ответа перед канцлером, сэра Уолтера заставили арестовать сэра Джона Торпа, старшего сына сэра Маргери, и продержали его в тюрьме три дня, неправомерно и неуважительно по отношению к королю....и кроме того, по вине сэра Уолтера сэра Джона де Торпа, младшего сына сэра М., был арестован в Сатверке Джоном Чирчем, сержантом из Лондона; и пока он находился под арестом, сэра Уолтер, по злему умыслу, напал на него, избивая по голове и другим частям тела, от этих побоев и наказаний он умер в тюрьме Ньюгейт; где, хотя он неоднократно предлагал найти в качестве поручителей хороших и достаточных людей из Лондонского Сити, чтобы они предложили себя мэру и шерифу Лондона. шерифами Лондона, то есть тогдашним мэром Уильямом Уоллуортом, чтобы они отвечали за него телом за тело, однако его не выпускали из тюрьмы, пока он не умер, и более того, с'д Уолтер угрожал уничтожить с'д Марджери, как он уничтожил ее сына, так что она *укрылась* и не смела выходить под страхом смерти", и т.д.

Было сказано, что все церкви, приходские, коллегиальные и соборные, были святилищами; но в разных частях Англии существовало около тридцати верховных святилищ, из которых Вестминстер, Йорк, Дарем, Гластонбери, Эли, Рипон и Беверли могут быть взяты как типы. Своим превосходством они были обязаны наличию мощей и рассказам о чудесах, творимых святым-покровителем для защиты сторонников или наказания нарушителей святыни. Происхождение гражданской санкции наиболее туманно. Отдельные церкви приписывали свою франшизу благосклонности древних королей: Хексхэм - Экфриту, королю Нортумбрии; Рипон и Беверли - Ательстану, а Йорк - Эдуарду Исповеднику. Традиция утверждает, что в первобытные времена срок защиты в Дареме составлял тридцать семь дней, а в Беверли - тридцать дней в первом и втором случаях, и если беглец обращался туда в третий раз, то должен был стать *serviens ecclesiae imperpetuum*. Эти намеки, если они верны, указывают на процесс эволюции от малых начал, представленных защитой в три ночи, которой были ограничены права святилища обычной церкви по законам Альфреда (887 г.), до экстраординарных привилегий, которые, если мы примем выводы мистера Р. Х. Форстера, существовали в Дареме.

Они касались как территории, так и срока действия иммунитета. В других местах право святилища распространялось не только на саму церковь, но и на ее участок. Например, в Беверли рассказывают, что Ательстан, вернувшись из победоносного похода против короля Константина, наделил привилегией церковь Святого Иоанна и часть прилегающей территории. Границы были обозначены крестами. Основание и часть древка одного из них можно увидеть в живой изгороди на дороге в Скидби. Другие были установлены в Молескрофте, на дороге в Черри или Норт-Бертон, и возле Киллингволдгроува, на дороге в Бишопс-Бертон. В Дареме, однако, если следовать мистеру Форстеру - а он приводит превосходные аргументы, - участок включал в себя все графство Палатин, и срок защиты, вместо обычного периода в сорок дней, был вечным. В Йорке, Беверли и Хексеме существовало то, что можно назвать внешним участком, и различные внутренние участки, относительная святость которых показана шкалой наказаний, налагаемых за нарушение. В истории Хексема, написанной приором Ричардом, говорится, что в этом месте было четыре креста, каждый из которых был установлен на расстоянии одной мили от церкви и в разных

направлениях. Любой, кто задерживал беглеца в этих пределах, подвергался штрафу в размере двух *сотен* или шестнадцати фунтов. За арест "*infra villam*" наказание было двойным. Если человек был схвачен "*infra muros atrii ecclesiæ*", то штраф был трехкратным, а если в самой церкви, то шестикратным, к которому добавлялась епитимья "*sicut de sacrilegiis*". Однако если кто-либо, "*vesano spiritu agitatus diabolico ausu quemquam capere præsumpserit in cathedra lapidea juxta altare quam Angli vocant *fridstol*, id est, cathedram quietudinis vel pacis, vel etiam ad feretrum sanctorum reliquiarum quod est post altare*" - то преступление *было botolos* (без средств защиты); никакие денежные выплаты не могли быть получены в качестве компенсации. Когда Лиланд был в Беверли, ему показали фриттул, на котором он сделал следующую запись: "Нæс sedes lapidea Freedstool dicitur, i.e., Pacis Cathedra, ad quam reus perveniens omnimodam habet securitatem." В Йоркском минстере был фритстул, наделенный подобными привилегиями, а в Дареме - еще один. Каменные сиденья, выдаваемые за фритстулы, до сих пор можно увидеть в Хекшеме и Беверли.

Из всех мест, которые привлекали к себе особое внимание как святыни, ни одно не может соперничать в антикварном интересе с монастырем Дарема. Это объясняется существованием древнего труда "Обряды Дарема", который довольно подробно описывает церемониал, соблюдаемый в таких случаях, и долгое время считался авторитетным. Недавняя критика мистера Р. Х. Форстера довольно сильно подорвала доверие к этому документу. Он указывает, что датой его написания считается 1593 год, то есть более чем через пятьдесят лет после упразднения Приората, и утверждает, что это не хроника событий "цветочного времени" до упразднения дома, а компиляция, основанная частично на старых записях и частично на воспоминаниях пожилых жителей.

Тем не менее, следует признать, что повествование обладает высокой степенью исторической ценности и, несомненно, живописно. Мы мельком видим, как беглец "стучит и стучит" в мрачную дверь двенадцатого века, "чтобы ему открыли". Мы видим, как его "впускают" "определенные люди, которые всегда лежали в двух палатах над дверью северной церкви", как он сразу же бежит к колоколу Галилея и звонит в него. ("В западном конце северного аллея и над Галилейской дугой там, в колокольне, называемой Галилейская Степь, висели *iiii* хороших больших колоколов"). Далее в труде говорится, что "когда настоятель получил об этом сведения, он послал слово и приказал им, чтобы они оставались в пределах святыни, то есть в пределах церкви и церковного двора". Это происходило до тех пор, пока служитель монастыря и свидетели не собирались для официального принятия и регистрации беглеца, которая происходила в нефе, в кассе сакристии, находившейся в северном нефе хора или "*in domo registrali*". Председателем церемонии обычно был сакрист, но иногда эту обязанность выполнял канцлер собора, субприор или монах, имеющий квалификацию нотариуса. Что касается свидетелей, то ими могли быть монахи, слуги монастыря, клерки, каменщики, работавшие на строительстве, или друзья беглеца, которые сопровождали его в Дарем в качестве телохранителей. Но чаще всего это были случайные зрители или люди, пришедшие на "представление" из любопытства.

При поступлении "гритер" получал платье из черной ткани "с крестом из желтой ткани, называемым крестом святого Катберта, на левом плече", и ему разрешалось лежать "в церкви или в соборе в решетке... стоящей и примыкающей к Галилейскому дору с южной стороны", и он "имел мейт, стоимось и плату за 37 дней". Автор книги утверждает, что беглецов содержали "до тех пор, пока настоятель и монастырь могли вывезти их из епархии", но мистер Форстер опровергает это утверждение и приводит документальные свидетельства, показывающие, что в различных случаях "гритмены" постоянно проживали в епархии. У нас, однако, есть рассказ об одной такой "передаче". Некий Колеон де Вольсингам в 1487 году,

выйдя из церкви, был доставлен шерифом к ближайшим констеблям, а затем констеблями к констеблям, чтобы его отвезли в ближайший морской порт, где он отправится в плавание и никогда не вернется. Утверждается, что он получил белый крест, сделанный из дерева.

Брактон и Бриттон утверждают, что преступник мог сам выбирать порт, но обычно мы слышим, что порт ему назначал коронер, и он должен был следовать туда, не отклоняясь. Зафиксирован случай, когда "некто А. отрекся от королевской власти и отошел немного в сторону от шоссе; на него подняли мену, и он был схвачен на шоссе, что и было установлено присяжными". Никому не разрешалось приставать к преступнику во время его путешествия по морю под страхом лишения имущества и вещей. Эту часть нашей темы прекрасно иллюстрирует обычай Синкве-Портс:

"И когда кто-либо бежит в церковь или церковный двор за преступление, требуя там привилегии для любого действия своей жизни, главный офицер той же свободы, где находится указанная церковь или церковный двор, со своими коллегами присяжными или коронерами указанной свободы, должен прийти к нему и спросить его о причине его пребывания там, и, если он не признается в преступлении, он должен быть выведен из указанного святилища; Если же он немедленно признается в преступлении, то это будет занесено в протокол, а его вещи и имущество конфискуются, и он должен оставаться там сорок дней или раньше, если захочет, то он должен произнести отречение в следующей форме перед старшим офицером, который назначит ему порт, через который он будет проезжать, и после его отречения главный офицер или его доверенные лица вручат ему крест и объявят, что, пока он будет идти по шоссе к назначенному ему порту, он будет идти с королевским спокойствием, и что никто не должен его при этом огорчать под страхом конфискации его товаров и имущества; И упомянутый преступник должен положить правую руку на книгу и поклясться следующим образом:

"Вы слышите, господин коронер, что я, А. Б, вор, украл такую-то вещь или убил такую-то женщину, или мужчину, или ребенка, и являюсь преступником короля; и за то, что я совершил много злых дел и преступлений в этой же его земле, я отрекаюсь и клянусь землями королей Англии, и что я поспешу в порт Дувр, который вы мне дали или назначили; и что я не выйду за пределы шоссе, а если выйду, то завещаю, чтобы меня взяли как вора и преступника короля; и что в том же месте я останусь только на один прилив и наводнение, если смогу получить проход; а если не смогу получить проход в том же месте, то буду каждый день входить в море до колен и выше, взывая: "Пройдите ради любви Бога и короля N. его ради"; а если не удастся в течение сорока дней, то я снова попаду в церковь как королевский преступник. Так что Бог мне в помощь, и по этой книге, согласно вашему суду".

"И если клерк, прилетев в церковь за преступление, подтвердит, что он клерк, он не отречется от королевства, но, подчиняясь законам королевства, будет пользоваться свободами церкви и будет передан ординарию для безопасного содержания в каторжной тюрьме, согласно похвальному обычаю королевства Англии".

Когда становилось известно, что преступник укрылся в церкви, власти обязаны были *осадить* это место и послать за коронером, который вступал с ним в переговоры, как описано выше. Из того же рассказа можно узнать, что максимальный срок, отведенный беженцу, обычно составлял сорок дней, после чего он переставал получать пропитание. Согласно Бриттону, у него было сорок дней после вызова коронером. Далее следует отметить, что преступник обязывался "поспешить" в порт отправления. Обычно утверждается, что для этого ему давалось сорок дней, но несомненно, что так было не всегда. По Кларендонскому приговору лица с дурной репутацией, которые очистили себя

испытанием, не убедив соседей в своей невинности, должны были покинуть королевство в течение *восьми* дней:

"Государь король желает также, чтобы те, кто будет судим и отпущен по закону, если они имеют очень плохие показания и публично и позорно опорочены свидетельствами многих и публичных людей, отказались от земель короля, чтобы в течение восьми дней они пересекли море, если только ветер не задержит их; И с первым ветром, который у них будет после этого, они пересекут море; и они не должны больше возвращаться в Англию, если только по милости господина короля; и там, и если они вернутся, они будут объявлены вне закона; и, если они вернутся, они будут приняты как вне закона."

Та же участь ожидала любого преступника, который отклонялся от шоссе, направляясь в назначенный порт. Однако он не мог быть приговорен к судебной казни, находясь во власти своих похитителей, которые могли поступать с ним по своему усмотрению. "Некоторые разбойники, как и некоторые воры, являются беззаконниками, как мы их обычно называем, а некоторые нет; они становятся беззаконниками, или беззаконниками, более того, когда, будучи законно вызваны, они не появляются, их ждут и даже ищут в течение законных и установленных сроков, и они не предстают собой перед законом. Таким образом, известно, что имущество, а также жизнь находятся в руках тех, кто их захватывает, и ни по какой причине они не могут принадлежать королю".^[11] ("Dialogus de Scaccario", x.).

Преступник как таковой был неспособен осуществлять самые обычные права - он не мог завещать, наследовать, владеть или продавать земли или дома. С гражданской точки зрения он был мертв. Единственный вопрос заключается в том, являются ли эти лишения прав последствиями преступлений или следствием вне закона. Этот вопрос был проверен в деле, которое рассматривалось в Общей коллегии в 1293 году и было решено выдающимся судьей того времени в отношении некоего Джеффри, который совершил преступление и до того, как об этом стало известно, отчуждал владения некоему Джону де Брею. "Поскольку, - говорит Метингем, - все, кто принадлежит к его крови, лишены права требовать через того, кто совершил преступление, таким же образом каждый правопреемник должен быть лишен права защищать право на владения, перешедшие из рук преступников; а следствие установило, что Джеффри был схвачен после совершения преступления. А поскольку преступление - вещь ядовитая и распространяет яд со всех сторон, суд постановляет, чтобы Уильям [лорд, подавший иск о выморочном имуществе] вернул свой сейзин, а Джон был бы помилован за мучительное задержание".

Убежище за измену было отменено в 1534 году, а за преступление - в 21 году по Иак. I., но должники пользовались проверенной временем неприкосновенностью в Уайтфрайерсе и других местах до 1697 года.

УРБАН

ГЛАВА XIII

НЕЗАВИСИМОСТЬ БУРГОВ

Как университеты и судебные органы объединяет орден Койфа, так и судебные органы и городские власти были связаны друг с другом существованием подзаконных актов, или, как их называли в техническом смысле, "обычаев". Хотя, чтобы избежать недоразумений, эти "обычаи" можно назвать подзаконными актами, и многие из них строго соответствуют этому

описанию, в целом они имели совсем иное отношение к законам страны, чем подзаконные акты современных корпораций: последние были чисто вспомогательными, в то время как первые затрагивали наиболее важные вопросы и, в отсутствие общего законодательства, обладали всей силой статутного права.

Обычай в праве

Поскольку обычаи разных городов и графств значительно отличались друг от друга, в обязанности судей Эйра входило выяснение того, каков обычай, касающийся предмета иска, в конкретном населенном пункте, и они выносили соответствующие решения.

Некоторые из этих дел достаточно забавны, о чем можно судить по следующей записи о деле, рассмотренном в Салопском суде 1292 года:

"Некий Адам подал иск против Б.-Б.: "Сэр, мы ручаемся, что В. де К., не достигший совершеннолетия, будет вызван и т.д." - К. пришел и заявил о своем возрасте. *Спигорнель* (за Адама): "Сэр, согласно обычаю города, он достигает совершеннолетия, когда умеет считать до двенадцати пенсов, и он должен отвечать в судебном приказе по праву в этом возрасте; и поскольку он будет отвечать в судебном приказе по праву в этом возрасте, он должен дать ордер в этом возрасте, или дать контрибуцию, и так далее. Но теперь ему девятнадцать лет, что почти полный возраст. Приговор, если он не поручится или не подаст встречный иск". Приговор, что он должен".

Из того же Ежегодника мы получаем представление о том, как работает то, что можно назвать общинным правом в таком важном вопросе, как наследование. Некая Изабель подала романый иск против капеллана по имени Мартин де Херефорд и других лиц по поводу владения в Шрусбери. Защита состояла в том, что Мартин вступил в наследство по завещанию некоего Уильяма Силка, а обычай города позволял человеку на смертном одре завещать купленные им самим владения. Адвокат Изабель, напротив, утверждал, что отец Уильяма владел имуществом по закону Англии, а Уильям лишь приобрел фригольд, утверждая также, что завещание было сделано в нарушение статута (7 изд. I., ст. 27), поскольку оно было сделано *in mortmain*, чтобы бенефициары вечно пели за него и его наследников. Судья постановил, что отчуждение вопреки статуту не является основанием для вступления наследника в наследство; при этом он обратил внимание на непоследовательность адвоката, утверждавшего, что Силке не может передать свое наследство и что он может передать его, если не будет нарушения статута. После этого адвокат решил придерживаться своего первого утверждения, и вопрос о фактах был передан на рассмотрение ассизы (или жюри), которая установила, что часть земельных владений находится в сейзине Уильяма и что Уильям приобрел в них имущество своего отца.

Теперь мы переходим к заключительным фрагментам этого весьма интересного дела:

"*Беревик* [судья]: "Поскольку он не мог купить свое наследие, чтобы его можно было назвать его собственным приобретением, он завещал эти владения, а обычай города не позволяет человеку завещать свое наследие, поэтому этот суд постановляет, что Сибилла (*sic*) должна вернуть свою долю владений, которые не подлежали завещанию. А что вы скажете об оставшейся части?"

"Ассиз сказал, что остальная часть владений была куплена им самим у нескольких человек в городе, и что в своей последней болезни он завещал их Мартину на срок своей жизни, и что завещание было доказано в Гилдхолле по обычаю города; и что душеприказчикам было велено передать сейзин Мартину, и что по обычаю он получил сейзин, и т.д.

"Берейк: "Поскольку установлено, что он вступил в права владения согласно обычаю и т.д., - хотя вы были захвачены на четыре недели, но это не должно давать вам права собственности, - этот суд постановляет, что вы ничего не берете по этому письму и т.д. После смерти Мартина будьте благоразумны".

Однако общинное право не имело права *отменять* закон Англии.^[12] Этот принцип был подтвержден в 1293 году, когда Томас ле Чемберлейн подал в суд общей скамьи иск против некоего У., который, как он жаловался, забрал его лошадь на шоссе в городе Берневелл. Предписание гласило: "Забрал на шоссе и до сих пор держит под арестом". Произошла обычная перепалка между адвокатами, и была предпринята попытка отменить или признать недействительным судебный приказ, утверждая, что за шесть с половиной лет до того, как он (приказ) был приобретен, животное было сдано. После этой предварительной перепалки адвокат защиты представил свое настоящее дело, которое заключалось в том, что по королевской хартии бюргеры Кембриджа имели право в таком объеме, что, когда клерки или другие лица были в долгу, они могли конфисковать их лошадей или другое имущество в пределах свободы; и поскольку Томас был связан таким количеством шиллингов, его лошадь была конфискована в соответствии с обычаями города, и никак иначе. Признав факт нарушения, судья (Гислингем) перешел к вынесению решения по иску об оправдании. Он сказал:

"Так как по общему праву и по уставу запрещено брать лошадь на дороге, если только он не королевский бейлиф, невзирая ни на какие полномочия, предоставленные королем, поэтому суд постановляет, чтобы Томас возместил ущерб, а У. был помилован за свое незаконное изъятие".

Отсюда вытекает еще один момент. Корпорации имеют свои местные суды, и некоторые из них, в силу этого факта, претендуют на освобождение от юрисдикции высших судов. Так было в Ливерпуле, и, по словам сэра Ф. А. Пиктона, есть случаи, когда корпорации освобождались от юрисдикции высших судов. Ф. А. Пиктона, известны случаи, когда им удавалось обосновать свое требование. Насколько эти местные власти были пригодны для того, чтобы доверить им отправку правосудия, можно судить по некоторым оживленным инцидентам, произошедшим в первых числах октября 1565 года. Некий Томас Джонсон был задержан за сбор кошельков. Судя по всему, он не подвергался обычному суду, но с ним расправились в упрощенном порядке, причем программа была следующей: Сначала его продержали в тюрьме несколько дней и ночей, а затем прибили за ухо к столбу у телесных шампуров. В качестве следующего пункта его выставляли голым от середины и выше, и многие мальчишки, орудуя прутьями, бичевали его за городом. Затем он был пристегнут к башмаку железной цепью и конским засовом до утра следующей пятницы и, наконец, отрекся от города перед мэром и судебными приставами, одновременно возместив 6 с. 8 д. жене некоего Генри Майлна. Таким образом, в этом процессе была грубая эффективность, но, возможно, он мог бы послужить достаточным основанием для вынесения судебного решения, если бы Джонсон снова попал в руки своих мучителей.

Несомненно, что иногда городам приходилось отвечать, через своих чиновников, за предполагаемые незаконные действия в их корпоративном качестве. Так, в 1292 году некий Адам - читатель заметит, что в записях нет настоящих имен, но Адам был выбран как начинающийся с первой буквы алфавита - подал иск в суд против Б. и т. д., заявив, что Б. и т. д. незаконно забрали его имущество на Хай-стрит города Глостер и перевезли его в свою платную кассу в том же городе. Б. и К., судебные исполнители, защищали захват, утверждая, что по обычаю города Глостера только свободные люди могут кроить там ткани, а незнакомцы могут продавать ткани поштучно, но не кроить их.

Адам не был свободным горожанином, но, вопреки обычаю, он пришел и разрезал свое сукно. Против этого Адам предъявил грамоту, свидетельствующую о том, что король даровал ему право резать сукно так же, как и другим свободным людям, и в силу этой грамоты он утверждал, что с тех пор он был захвачен и т. д. Судебные приставы отвергли это утверждение. Мы не знаем, каким было решение по этому делу, но фраза "другие свободные люди" вызывает подозрение. Она наводит на мысль, что хартия была выдана по незнанию обычаев этого конкретного города, а не из неуважения к ним, поскольку все свидетельства говорят о том, что к местной автономии и местным привилегиям в таких вопросах относились с бесконечной осторожностью. Создается впечатление, что Адам воспользовался двусмысленностью. С точки зрения обычных гражданских прав Адам, несомненно, был свободным человеком - иначе он не мог бы подать этот иск, - но он не был свободным человеком в том смысле, что платил скудо и много в городе Глостере.

Таких людей часто называли "иностранцами", и поэтому истец в данном деле должен был занимать точно такое же положение, как и "иностранцы" купцы, нарушившие обычаи Лондона. Один из них заключался в том, что они не должны были посещать рынок или ярмарку на расстоянии более трех миль от Сити, а судьи или шерифы не имели права давать им разрешение на это. Если шериф ловил какого-нибудь "иностранного" торговца за пределами этих границ, он должен был вернуть его обратно, а деньги, найденные при нем и конфискованные, делились между шерифом и горожанами. Если же в поимке были виноваты только горожане, то все деньги доставались им. Согласно другим правилам, купцы, отправляющиеся в Лондон для продажи льна, сукна и шерсти, могли вести дела только в три дня недели (понедельник, вторник и среду). Затем, если что-то оставалось продать, они должны были упаковать свои товары и ждать до следующей недели; и ни в коем случае они не должны были продавать *ad detail* (в розницу).

Обычай, который мы встречаем в Дувре и Рединге и который, вероятно, переняли другие города, описан в различных ордонансах *de stachia*, что на варварском латинском означает "кол". Это был способ вернуть себе право владения жильем по истечении определенного времени, когда арендатор задолжал арендную плату, и заключался он в том, что домовладелец устанавливал перед домом кол в качестве уведомления о своих притязаниях.

Корона и город

Несмотря на идентичность обычаев в Дувре и Рединге в отношении кола, было бы простительно сделать вывод, что в те времена, когда связь была затруднена, существовало большое разнообразие законов бургов, что влекло за собой значительные неудобства и трудности, особенно в случае тех, кто занимался торговлей. Поскольку принятие или развитие обычаев зависело от интересов или настроений отдельных общин, разнообразие было в какой-то степени неизбежным, но тенденция к местной независимости - независимости, которую упорно поддерживали и ревностно оберегали, - сдерживалась противодействующими тенденциями. Так, не всегда город был заинтересован в том, чтобы стоять в полной изоляции от центров схожего типа, а возможно, и более высокой организации; в таких случаях меньшее, слабое, менее развитое сообщество могло стремиться улучшить свой статус или состояние, ориентируясь на более развитого и могущественного соседа, и в дополнение и как следствие этого вступать с ним в формальный или неформальный союз, в котором последний занимал бы позицию защитника или покровителя.

В Средние века между городами и феодальной аристократией существовал антагонизм, то затихающий и дремлющий, то пробуждающийся в яростном сознании и выражающийся не только в жестоких словах, но и в кровопролитных делах. На континенте города были очагами революции, а коммуна с ее мэром во главе знаменовала собой триумф мятежного нрава. Такое положение вещей было более заметным на континенте, чем в Англии, где бароны возглавили наступление на тиранию, а монарх в своих целях способствовал процветанию городов своего собственного насаждения. Но мистер Дж. Х. Раунд в своей необычайно интересной статье "Происхождение лондонской мэрии", опубликованной в "Археологическом журнале", убедительно показывает, что этот институт, который сегодня является эгидой всего стабильного, устойчивого и респектабельного, был порождением духа бунта, распространившегося, как зараза, из Италии во Францию, Германию и Низкие страны, а затем и на Темзу.

Ценный труд д-ра Гросса в "Антикваре" (1885), посвященный принадлежности городов, носит общий характер и иллюстрируется в основном континентальными примерами; однако всем, кто хочет понять всю значимость средневековых отношений между городом и городом, будет полезно ознакомиться с этим кратким изложением. Здесь мы должны ограничиться английским опытом, в котором проявляются те же черты, только в более слабой форме. Прежде чем перейти к этому исследованию, возможно, будет не лишним кратко остановиться на другом аспекте темы. Выше мы уже говорили, что в Англии монарх склонен отдавать предпочтение определенным городам в своих целях, и такие города, естественно, имели наивысший приоритет. Если мы обратимся к Ливерпулю, то узнаем, что в 1206 году его посетил король Иоанн, который в следующем году выдал грамоту, перевод которой приводится ниже:

"Иоанн, милостью Божьей король Англии, владыка Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании и граф Анжуйский, всем своим сеньорам, которые пожелают иметь бурги в городе Ливерпуле, приветствует. Знайте, что мы даровали всем, кто может получить бургаменты в Ливерпуле, все вольности и свободные обычаи в городе Ливерпуле, какие имеет любой свободный округ на море в нашей земле; и поэтому мы повелеваем, чтобы вы в безопасности и в нашем мире пришли получить и занять наши бургаменты. И в подтверждение этого мы передаем вам эту нашу жалованную грамоту. Свидетель, Саймон де Пэтесхилл, в Винчестере, 28-й день августа в девятый год нашего царствования".

В более поздний период жители Ливерпуля могли бы не благодарить корону за содействие в поселении большого числа чужеземцев в их среде. Повсеместно бургомистры были категорически против колонизации своих городов "людьми с возвышенностей", руководствуясь не столько сентиментальными соображениями, сколько тем, что эти "иностранцы" часто не принимали мер по натурализации и не платили ни копейки в счет коммунальных расходов. Очевидно, что в данном случае это возражение не относилось к Ливерпулю, и на том относительно раннем этапе его истории включение в состав города нескольких обеспеченных и трудолюбивых иммигрантов могло быть воспринято как выгода. Так, наверное, считал и король.

Ливерпуль был портом отправки войск в Ирландию, и, как говорят, именно этому обстоятельству он был обязан своим основанием во времена Стронгбоу. Преимущество многочисленного, лояльного и трудоспособного населения было замечено в 1573 году, когда граф Эссекс проезжал через это место по пути в Ирландию. Случилось так, что он оставил позади себя отряд солдат, и "пестрые мундиры" и "голубые мундиры", поссорившись, применили оружие друг против друга. С восхитительной оперативностью мэр созвал

обученные оркестры, и дальнейшая история может быть рассказана живым языком современника:

"Господин мэр и весь город внезапно, как угодно Богу Всемогущему, были готовы на пустоши, каждый со своим лучшим оружием; так что по счастливой случайности все домочадцы, находившиеся дома, в воскресенье утром, жаждущие, как львы, показали почти ровное число капитанов и всех их воинов..... После сражения [которое помогло остановить конфликт] господин капитан проявил всю мягкость и вежливость по отношению к мэру и приехал в город в дружбе и дружелюбии."

Обученные оркестры составляли часть снаряжения хорошо обустроенного средневекового города, на что, как мы покажем, Ливерпуль имел исключительные права. Но корона получала выгоду не только от этого. В городе было построено 168 бургеджей, каждый из которых платил в королевскую казну земельную ренту в размере одного шиллинга в год. Еще одним источником прибыли были таможенные пошлины герцогства Ланкастерского, на которых время от времени квартировали приближенные короля. Так, в 1372 году некий Ранкин, последователь Джона Гонта, был оставлен на службе при условии, что "в мирное время он будет находиться на борту при дворе... и что он будет иметь и брать на срок своей жизни в целом двадцать пять марок стерлингов с фермы города Ливерпуля".

Целью всех городов было приобретение максимально возможной степени самоуправления, и в этом отношении, несмотря на возможные поборы, вытекающие из системы аренды ферм, Ливерпуль должен считаться чрезвычайно удачливым. Термин "коммуна" - слово, которое с 1871 года имеет злое значение, но в средневековой Англии использовалось в безобидном значении "район" - кажется, имеет особое значение для торговых правил этого древнего порта, если сравнивать с большим индивидуализмом других мест, хотя коммерческие сделки повсеместно были предметом разнообразных ограничений, призванных защитить интересы местных жителей от назойливого и досадного соперничества иностранцев. В Ливерпуле дела пошли гораздо дальше.

Корпорация долгое время сама оплачивала таможенные сборы, а также взимала пошлины со всех товаров, проходивших через порт. Ей принадлежало много земли и другого имущества, а также церковный патронаж, который включал в себя назначение и увольнение инкубентов, причетников и других церковных служащих. Ганза, состоявшая из всех свободных людей и бургов, требовала, чтобы все продукты при ввозе в страну сначала предлагались ей, а затем осматривались "призером" или оценщиком, который давал оценку их стоимости. Если импортеры не хотели продавать товар по указанной цене, им приходилось торговаться с городом о сумме, которую нужно было заплатить за разрешение продавать товар на открытом рынке; а любой купец или торговец, который вел с ними дела за свой счет, подвергался большому штрафу.^[13]

Мы уже приводили пример оригинальных методов отправления правосудия в Ливерпуле, и можно было бы многое написать о его любопытном уголовном кодексе, включавшем такие правонарушения, как подслушивание. Поэтому протест, выраженный в следующем заявлении Большого жюри от 31 марта 1651 года, вполне может выражать внутреннюю мысль многих предыдущих поколений преступников:

"Пункт, мы отправили Уильяма Ми за то, что он говорил и ругался в суде, указывая пальцем на господина мэра и присяжных: "Если такие люди, как эти, могут вынести какой-либо приговор, то проклятие уйдет вместе с вами и всеми деяниями, которые вы совершили". Задержан на пять фунтов".

Нам нет нужды возвращаться к теме обученных оркестров, отметим лишь, что в этом и других отношениях Ливерпуль достиг степени самостоятельности и независимости, превосходящей все, что известно в настоящее время, и, очевидно, намного превышающей общепринятые стандарты даже средневековых городов. Поэтому он мог бы стать объектом не столько зависти, сколько подражания. На самом деле Ливерпуль - несомненно, благодаря своему сравнительно позднему появлению и географическому положению - не был одним из тех городов, чьи обычаи широко копировались. В Уэльсе господствовал обычай Херефорда, а на юго-западе - обычай Винчестера, который, передаваясь Ньюкаслу, преобладал также в Нортумберленде и Шотландии. Обычаи Йорка и Синкве-Порта привлекали меньшие группы, а лондонский обычай был не только матерью обычая Оксфорда, но и бабушкой обычая Бедфорда, поскольку жители Оксфорда обращались к последнему для решения неясных вопросов, а в случае внутренних споров сами отправлялись в Лондон, как к первоисточнику. Апелляционным судом, когда материнский и дочерний города расходились во мнениях относительно привилегий, был король и Совет.

В Англии полномочия материнского города носили чисто консультативный характер, в то время как на континенте некоторые города, по-видимому, осуществляли принудительную юрисдикцию над теми, чьи законы исходили от них. Возможно, именно это обстоятельство, что процесс был скорее усыновлением, чем подчинением, стало главной причиной того, что английские города были столь осторожны, чтобы не передавать свои привилегии, во всяком случае в свободной форме, округам, находящимся в *подневольном* состоянии, то есть тем, которые были обязаны служить какому-либо лорду. Случай с Херефордом описывается следующим образом:

"Королевские горожане Херефорда, которые опекают его город (поскольку он является главным городом всех рыночных городов от моря и до границ Северна), должны по древнему обычаю передавать свои законы и обычаи таким городам, когда того требует нужда, однако в данном случае они ни в коем случае не обязаны этого делать, поскольку, как они говорят, они не находятся в таком же состоянии; Ибо есть некоторые города, которые принадлежат нашему лорду королю Англии и его наследникам без какого-либо местного лорда; и таким городам мы обязаны, когда и как часто потребуется, подтверждать наши законы и обычаи, главным образом потому, что мы владеем одним и тем же владением; и ничего не должно быть взято с них в виде вознаграждения, разве только нашим общим городским клерком, за извилины и его плату, как они могут договориться. Но есть и другие рыночные города, которые принадлежат разным лордам королевства, где есть и уроженцы, и русины древних времен, которые платят своему лорду телесные услуги разного рода, с другими услугами, которые не используются среди нас, и которые могут быть изгнаны из этих городов их лордами, и не могут жить в них или быть восстановлены в прежнем состоянии, кроме как по общему закону Англии. И главным образом те и другие, которые держат такую крепостную службу в таких городах, не нашего состояния; и они не должны иметь наших законов и обычаев, кроме как путем покупки, чтобы быть исполненными нашему капитану-приставу, как они могут договориться между собой, в удовольствие и к выгоде вышеупомянутого города".

Города крайне ревностно следили за своей чистотой в этом отношении, и этот факт можно проиллюстрировать другим способом. Так, ни одному человеку подневольного состояния не разрешалось быть свободным жителем Лондонского города. Если после принятия в город он оказывался в таком состоянии, то лишался своих прав. Во время правления Джона Блаунта мясники Томас ле Беделл, Роберт ле Беделл, Алан Ундирвуд и Эдмунд Мэй лишились своих франшиз, поскольку признали, что владели землей в холопстве епископа Лондонского и

жили за пределами свободы. 18 июля 11 года по Рич. II., было постановлено, что никто не может быть зачислен в ученики или принят в свободный город в порядке ученичества, если он предварительно не поклянется, что он свободный человек, а не туземец, и тот, кто впоследствии будет принят в свободный город путем покупки или любым другим способом, кроме ученичества, должен дать такую же клятву, а также найти шесть честных людей, которые возьмутся за него, как это было принято делать в старину.

"А если случится, что такой уроженец будет принят по ложному внушению без ведома камергера, то, как только это обстоятельство станет известно мэру и олдерменам, пусть он лишится свободы города и заплатит штраф за свой обман, по усмотрению мэра и олдерменов.

"Опять же, если в будущем случится, что такой уроженец, при рождении которого его отец был уроженцем, будет избран на судебную должность города, такую как олдермен, шериф или мэр, если он не уведомит мэра и олдерменов о подневольном состоянии до получения этой должности, он должен заплатить камергеру за пользование городом сто фунтов, и тем не менее потеряет свободу, как указано выше".

Полицейский рай

Таким образом, основополагающим принципом свободы во всех городах-корпорациях была независимость от феодальной аристократии, а вместе с ней и чувство социального превосходства по сравнению с теми, кто зависел от сеньоров и подчинялся им. Бургомистры претендовали на роль хозяев в собственном доме и действовали сообща, заботясь об общем благе. Это привело к росту или учреждению обычаев, подразделяющихся на две основные категории. Одна из них была связана с исправлением несговорчивых или безнравственных людей, живущих в пределах ворот, а другая - с регулированием торговли. Эти категории не были полностью разделены, поскольку за нарушение торговых предписаний полагалось нечто большее, чем простое презрение. С другой стороны, присутствие злых печенегов, хотя и не оказывало непосредственного влияния на торговлю, ничего не добавляло к безопасности, процветанию и репутации города или поселения. Обычаи Лондона представляют собой слишком обширную тему, чтобы получить здесь адекватное рассмотрение, но в оставшееся время мы предлагаем ограничиться только ими.

Можно было бы подробно рассказать о положении иностранцев в средневековом Лондоне и, кстати, об очаровательном празднике Пюи, которым они утешали себя за многочисленные тяготы и ограничения, налагаемые на них ревнивыми горожанами, примеры которых уже приводились. Оставив эту тему для другого случая, мы рассмотрим некоторые постановления, которыми были ограждены трактирщики и их сородичи. Горожане не приветствовали появление случайных незнакомцев, равно как и самонадеянность иностранца, приехавшего и поселившегося среди них. Почти по необходимости первые прибегали за едой и кровом в общественные дома, которые были двух видов: трактиры, содержавшиеся хотельерами, и ночлежные дома, содержавшиеся пастухами. Эти места отдыха дополнялись поварскими мастерскими, похожими на современные рестораны.

Во времена Эдуарда I был принят указ, согласно которому "ни португальцы, ни немцы не должны содержать постоянных дворов, но лица из этих стран должны жить у свободных горожан". Предполагалось, что под "свободными" подразумевались местные свободные люди, но это сомнительно, так как известны случаи, когда чужеземцы и иностранцы принимались в свободные люди именно для того, чтобы стать хозяевами и травокурами.

Даже когда им предоставлялась эта привилегия, они не могли конкурировать на равных с англичанами: их обязывали держать свои дома "в сердце Сити" и жестко отстраняли от более доходных районов на берегах Темзы.

Необходимость того, чтобы хотельеры и пастухи были свободными людьми, объяснялась, по-видимому, сохранением старого саксонского закона о франк-залоге, который все еще действовал в конце правления Эдуарда III. Ни один хозяин или трактирщик не мог принимать незнакомца дольше дня и ночи, если не брал на себя обязательства отвечать за поведение своего гостя, и у него не оставалось никаких сомнений в том, какой линии поведения он должен придерживаться по отношению к всегда нежелательному иностранцу. Во многих отношениях его положение напоминало скорее хозяина работных домов, чем спекулятивного торговца. Так, в те времена, когда в городе было запрещено носить оружие, его обязанностью становилось завладеть оружием гостей и хранить его до отъезда чужаков. Если те не подчинялись его требованию, их штрафовали и сажали в тюрьму. В другое время, когда правила были не столь строги, он должен был сказать гостям, что они не должны носить оружие после наступления комендантского часа или бродить по улицам города. Если случалось, что по неотложным делам постояльцу приходилось отлучаться из общежития на ночь, смотритель обязан был предупредить его с максимальной любезностью, чтобы он постарался вернуться как можно скорее.

Очевидно, что было бы несправедливо заставлять хозяев пансионов и пастухов отвечать за проступки людей, с которыми они поддерживают лишь мимолетные отношения, если бы не существовало системы предотвращения побегов бесчестных и отчаянных личностей, которые особенно восприимчивы к достопримечательностям большого города и не могут быть сдержаны отеческими наставлениями обеспокоенного хозяина. Не следует также полагать, что местное население состоит исключительно из высоконравственных и добродетельных людей, не способных на такие низкие преступления, как кража со взломом. Чтобы противостоять замыслам этих врагов порядка, было принято временное постановление. Эдуарда I о том, что по улицам города должны быть расставлены заграждения и цепи, "особенно по направлению к воде (реке Флит) возле монастыря проповедников". К этому же времени относится указ о том, что олдермены и жители соответствующих приходов должны нести ночную вахту и караулить на лошадях, причем каждый олдермен держал для этой цели трех лошадей. Кроме того, у каждого городских ворот был назначен сержант-оружейник, который располагался над воротами. В обязанности этого чиновника входила ночная стража, и в этом ему помогал сторож (вайт), зарплату которому он должен был платить из своего жалованья. Согласно городским правилам, каждые ворота в дневное время должны охранять два человека, хорошо вооруженных; в некоторых случаях бедел получал приказ вызывать людей из прихода, чтобы они вооруженно охраняли ворота. Если они не являлись лично, им приходилось искать замену за свой счет.

Одним из самых грандиозных зрелищ в старом Лондоне был марширующий дозор в День святого Иоанна. В нем участвовало около двух тысяч человек, одни конные, другие пешие. Здесь были "демилансы" на великолепных лошадях; артиллеристы с аркебузами и колесными замками; лучники в белых плащах, с изогнутыми луками и снопами стрел; пикинеры в ярких корсетах; билльмены в почтовых фартуках. Кроме того, в обозе было около двух тысяч человек. Каждый крессет - горящий канат, пропитанный смолой, в железной раме, закрепленной на древке, - нес один человек, а обслуживал другой. Очень импозантно выглядели констебли дозора в сверкающих доспехах и золотых цепях, каждого из которых предварял менестрель, за ним следовал его паж, а рядом с ним - носильщик крессета. Затем

выступали городские музыканты и танцоры морриса - Робин Гуд, горничная Мэриан и остальные; после них появлялся мэр со своим меченосцем, пажом, лакеями и великанами, а за ними - шерифы. Все окна, выходящие на улицу, были открыты, и недостатка в именитых зрителях не было. Цитируя Никольса:

Короли, великие пэры и многие благородные дамы,
Чьи яркие, сверкающие жемчугом одеяния насмехались над пламенем
ночных огней, сидели, чтобы увидеть.
Как каждый сенатор, в своей степени,
украшен сияющим золотом и пурпурными травами,
И величественно восседал на богатых конях,
Их гвардия, сопровождаемая, по улицам ехала
Перед их пешими оркестрами, украшенными сверкающей гордостью
богатым позолоченным оружием, чья слава представляла собой
Солнечный свет для глаз, как будто это означало
Среди огней крессетов, взметнувшихся ввысь.
Чтобы навсегда прогнать с неба темную ночь.

Под выставлением дозора в канун летнего месяца, по-видимому, подразумевалось размещение этих вооруженных стражников в различных частях города, которые они должны были охранять от вреда только в эту ночь. В тридцать первый год своего правления Генрих VIII упразднил походную стражу и заменил ее постоянной, содержащейся за счет средств, которые ранее шли на поддержание великого ежегодного представления. Вместо запряженных констеблей у лондонцев теперь были сторожа с ланторном и алебардой, в обязанности которых входило призывать спящих горожан гасить огни, как того требовали темные ветреные ночи:

Ланторн и целый огарок свечи.
Вывешивайте фонари! Слышите!

Следующей вещью, которую необходимо было добавить, был колокол. Это учреждение не всем пришлось по вкусу, и Деккер, сатирически выражая чувства недовольных, определил колокол как "дитя тьмы, обычный ночной гуляка, человек, у которого нет человека, который бы его ждал, а только собака; тот, кто был беспорядочным человеком и в полночь бил в двери людей, прося их (в насмешку) смотреть на свои свечи, когда они сами были в мертвом сне".

Мильтон, напротив, с благодарностью упоминает приветствие как колыбельную и профилактическое средство:

Далеко от всех веселых мест,
Кроме сверчка на очаге
Или дремотный талисман посыльного
Чтоб благословить двери от ночных бед.

Рассказав о средствах, используемых для предотвращения преступлений и задержания преступников, мы должны перейти к рассмотрению наказаний, применяемых в случае осуждения. И здесь можно заметить, что, помимо прочих вмешательств в торговлю и свободу подданных, хостельерам не разрешалось изготавливать ни хлеб, ни пиво. Первый они были вынуждены покупать у пекаря, а второе - у пивовара или пивоварши (женщины-

пивовара). Но город, защищая законное право пекаря на достойное пропитание, в равной степени заботился и о благополучии его клиентов, и горе тому пекарю, который продавал хлеб с недостатком веса или качества! За первый проступок его волокли на лошади из Гилдхолла по главным улицам, где было полно народу и неспокойно, а на шее у него висела провинившаяся буханка. В комнате записей в Гилдхолле хранится "Ассиза Панис", содержащая набросок церемонии, сделанный пером и чернилами, из которого следует, что несчастный торговец не носил ни обуви, ни чулок, а его руки были привязаны к бокам. Похоже также, что барьер был запряжен двумя лошадьми, что наводит на мысль о том, что его гнали в неосмотрительном темпе. За второе преступление пекаря снова провезли на запряжке "по большим улицам Чепе", а затем он подвергся часовой выдержке в столбе, вероятно, возведенном в Чипсайде, с последствиями, которые можно себе представить. Если он оказывался настолько неисправимым, что совершал проступок в третий раз, снова требовалась горка, но, когда терпение общественности истощалось, его печь разрушали, и он был вынужден навсегда отказаться от профессии пекаря в Сити. Начиная с правления Эдуарда II, за первое нарушение больше не наказывали розгами, вместо них использовали столб.

Выдержка на скамье подсудимых была излюбленным рецептом, своего рода судебной панацеей, к которой поочередно привлекались всевозможные морально нездоровые люди. Мистер Райли составил список грехов, искупленных таким невольным покаянием, который, если бы мы руководствовались только им, свидетельствовал бы о шокирующем состоянии разврата в метрополии. Из этого каталога мы узнаем, что столб считался подходящей наградой за различные самозванства: притворялся святым отшельником; выдавал себя за сына графа Ормонда; выдавал себя за лекаря; выдавал себя за приказчика архиепископа Кентерберийского и вызывал настоятельницу Клеркенвелла; выдавал себя за одного из сержантов шерифа, встречал пекарей Стратфорда и арестовывал их с целью незаконного вымогательства штрафа и т. д., и т. д. *Scandalum magnatum* также заслуживает порицания - этот факт стал достоянием досужих сплетников, которые занимали это непростое место за то, что "говорили неправду" о знаменитом мэре Уильяме Уолворте. "Говорение лжи" о Джоне Тремейне, регистраторе, точно так же оправдывало публичную демонстрацию дерзкого и неосмотрительного человека. То же самое касается и антиобщественного преследования.

Однако бывали случаи, когда этот распространенный способ афиширования ничтожных правонарушений считался не соответствующим степени известности и порицания. Мы уже приводили один случай - случай с недобросовестным пекарем, - когда пытались вызвать всеобщее негодование. Были и другие. Естественной судьбой самозванцев, как мы видели, была дыба; среди требований к этой тени распятия было "выдавать себя за врача".

Гражданские отцы пытались справиться с "социальным злом", обдавая всех, кто занимался аморальным бизнесом, тошнотворными дозами публичного осмеяния. Так, если человек был осужден за содержание дома дурной славы, ему немедленно сбривали волосы и бороду, кроме бахромы (*liste*) на голове шириной в два дюйма. Затем его вели к столбу в сопровождении менестрелей, и там он должен был находиться по усмотрению мэра и олдерменов. Если его уличали в этом преступлении в третий раз, его заставляли отречься от города.

Женщину, осужденную за обычную ночную прогулку, отправляли в тюрьму - возможно, в Тун, на Корнхилле, - а затем вели в Олдгейт с капюшоном из лучистой ткани на голове и белой палочкой в руке. Затем в сопровождении музыкантов ее проводили к Thewe (pillory) - вероятно, в Чеар, - и там объявляли характер ее преступления. Наконец, через Дешево и Ньюгейт ее отводили в "Коккеслейн" за стенами, где она должна была жить. Если она

провинилась в третий раз, ей обрезают волосы, пока она стояла в столбе, и вели к одним из ворот, заставляя отречься от города до конца жизни. Скупщика или сводницу также выводили на плаху под музыку, держа в руке "дистаф с полотенцем", то есть с вязанкой льна; нарушительницу заставляли служить публичным зрелищем столько времени, сколько сочтут нужным мэр и олдермены. Священника, замеченного в компании распутной женщины, если она была незамужней, препровождали в Тун в сопровождении музыкантов, а при третьем осуждении его заставляли навсегда отречься от города, а женщину тем временем отводили к одному из шерифовских счетчиков, а затем в Тун. Если его партнер по вине оказывался женат, их обоих вели к одному из счетчиков или в Ньюгейт, а после этого в Гилдхолл; в случае осуждения их отводили в Ньюгейт, где брили головы, как у воров. После этого их с неизбежной музыкой проводили через Дешели и, наконец, заключали в Тун на время правления мэра и олдерменов. Та же процедура соблюдалась, если преступник-мужчина был женатым светским человеком.

По ходу повествования мы уже упоминали различные случаи вмешательства в бизнес. В завершение главы мы можем привести еще несколько, и, поскольку мы говорили о пекарях, иллюстрации можно почерпнуть из этой профессии. Каждый пекарь, живущий в этих стенах, обязан был иметь собственную печать для оттиска на буханках, и эти печати периодически проверялись олдерменом прихода, который хранил аналог оттиска. Пекарь не мог продавать хлеб "перед своей печью" или в каком-либо тайном месте - только на королевских рынках; каждому пекарю отводился свой рынок, куда хлеб доставлялся в корзинах, которые в народе называли паньерами. "Аллея Паньеров на Ньюгейт-стрит была известным местом, где торговали мальчишки-пекари. Хлеб продавали и женщины-лоточницы, которые получали его от пекарей и разносили из дома в дом. Им разрешалось брать тринадцать партий за двенадцать, откуда и пошло выражение "дюжина пекарей", а дополнительная партия представляла собой их законную прибыль; однако сложилась практика, согласно которой по утрам в понедельник они получали шесть пенсов в качестве *эстрена*, а по пятницам - три пенса в качестве "куртуазных денег". Это было запрещено указом под страхом наказания, а пекарям было рекомендовано вместо таких выплат увеличивать размер буханки "в интересах общества".

УРБАН

ГЛАВА XIV

ЗНАМЯ СВ. PAUL

В "Древних владениях" Блаунта, замечательном труде XVII века, который был отредактирован г-ном В. К. Хэзлиттом, содержится описание военных и гражданских функций, выполняемых домом Фицуолтер, и привилегий, которыми он пользовался в связи с лондонским Сити. Последние находятся в тесной связи с темой, которую мы только что рассмотрели, но будет удобно обсудить сначала обязательства, а затем "свободы", связанные с их соблюдением. В качестве предисловия мы можем пересказать то, что записал Блаунт, получивший свой рассказ от Дагдейла, и, сделав это, мы перейдем к исследованию и дополнению его версии того, что, вне всякого сомнения, является важной главой в раннем управлении городом.

Ограничившись изложенными фактами, мы узнаем, что обязанность обеспечивать безопасность Лондона лежала на потомственных кастелянах, Фицуолтерах, лордах Уодхэма, которые исполняли обязанности главного знаменосца за плату за замок Байнард в черте

города. Когда на горизонте замаячила война, Фицуолтер, вооружившись и сев на своего служебного коня, в сопровождении двадцати оруженосцев, которые были посажены на лошадей, запряженных почтой или железом, направился к большим дверям монастыря Святого Павла с вывешенным перед ним гербовым знаменем. Там его встретили мэр, шерифы и олдермены, которые вышли вооруженные и пешие из монастыря, причем мэр нес свое знамя, которое было *золотым* и украшено изображением святого Павла, голова, руки и ноги *аргентинские*, а в руках меч, тоже *аргентинский*.

Заметив их приближение, Фицуолтер сошел с коня, отсалютовал мэру как своему товарищу и, обращаясь к нему, сказал: "Сэр мэр, я прибыл, чтобы оказать услугу, которой я обязан городу". Мэр, шерифы и олдермены ответили ему на это: "Мы предоставляем тебе, как нашему знаменосцу этого города, это знамя города, чтобы ты нес его и управлял им в соответствии со своими полномочиями, к чести и выгоде города".

Затем Фицуолтер взял знамя в руки, а мэр и шерифы, проследовав за ним до дверей, подарили ему лошадь стоимостью 20 фунтов стерлингов, украшенную седлом с его гербом и покрытую тем же сланцем. Они также вручили его камергеру 20 фунтов стерлингов за его расходы в этот день. Держа в руке знамя, Фицуолтер сел на поданную ему лошадь и, как только уселся, пожелал, чтобы мэр сразу же выбрал маршала из числа жителей Лондона. Эта просьба была удовлетворена, но он предпочел другую - чтобы по Сити прозвучал общий сигнал, по которому все жители должны будут следовать за знаменем Святого Павла, которое несет перед ними кастелян, до Олдгейта.

На случай, если Фицуолтер уйдет из Сити, он выбрал от каждого округа двух самых мудрых жителей, чтобы они руководили обороной города в его отсутствие, и сформировал военный совет, заседания которого проходили в Троицком приорстве, примыкающем к Олдгейту. Предполагалось, что лондонская армия время от времени будет участвовать в осаде городов или замков; если осада продлится больше года, то максимальная сумма, которую Фицуолтер мог потребовать в качестве вознаграждения, составляла сто шиллингов. Если таковы были обязанности кастеляна во время войны, то в мирное время он имел права едва ли менее важные. Здесь следует отметить, что при нормандском правлении правосудие короля или мир короля обеспечивались предоставлением *soke* и *soken* - первое означало право слушать и решать дела, взимать штрафы и неустойки, а второе - территорию, на которой осуществлялись *soke* и другие привилегии. В лондонском Сити Фицуолтеры владели сокеном, простиравшимся от стены канонического монастыря Святого Павла, когда человек спускался по "брасине" или пивоварне Святого Павла к Темзе; затем к мельнице, стоявшей на воде, которая текла вниз по Флитскому мосту, по Лондонским стенам, вокруг Братьев-проповедников до Ладгейта, и по задней стороне монастыря до угла стены упомянутого канонического монастыря Святого Павла. Он охватывал, по сути, весь приход церкви Святого Андрея, который находился в их дарё.

К этому сокену прилагались различные права и привилегии. Фицуолтер мог выбрать из сокенри, или жителей сокена, сокмена *par excellence*; и если кто-либо из сокенри подавал иск в Гилдхолл по любому делу, не касающемуся мэра или шерифа, сокмен мог потребовать суда Фицуолтера. Но хотя мэр и горожане должны были разрешить ему проводить свой суд, его приговор должен был совпадать с приговором Гилдхолла. В действительности он осуществлял скорее координационную, чем апелляционную юрисдикцию, что можно показать следующим образом:

Предположим, что вор был схвачен в сокене, для него были приготовлены колодки и тюрьма; затем он был доставлен к мэру для получения приговора, но только после того, как он был

доставлен в суд Фицуолтера и в пределах его полномочий. Характер приговора, на который требовалось согласие последнего, варьировался в зависимости от тяжести преступления. Если человек осуждался за простую кражу, его вели в Элмс, недалеко от Смитфилда - обычное место казни до того, как для этой цели был принят Тайберн, - и там "выносили приговор", то есть вешали, как и других обычных воров. Если же кража была связана с государственной изменой, преступление, по мнению, требовало более показательного наказания, и преступника привязывали к столбу в Темзе у Вуд-Уорф, к которому водники прикрепляли свои лодки или баржи, чтобы он оставался там в течение двух последовательных наводнений и отливов.

Столь важная должность в Сити сама по себе была высокой честью, а вместе с ней и другие отличия. Когда мэр собирался провести Большой совет, его приглашали на него в качестве члена; по прибытии мэр или его заместитель должен был встать и назначить ему место рядом с собой. В то время, когда он находился на трибуне, все приговоры произносились его устами, а все неимущие, которые могли накопиться за время его пребывания там, он по совету мэра передавал судебным приставам города или тому, кому пожелает.

Такова история, которую мы находим на страницах Блаунта, где она предстает ни к чему не обязывающей - просто как пример любопытных и живописных обычаев, давно прекративших свое существование. Блаунт, как мы видели, ссылается на сэра Уильяма Дагдейла, который упоминает эту тему в своем "Вымершем баронстве Англии", а Дагдейл, похоже, был обязан информацией "Коллекции Гловера, сомерсетского герольда". Стоу также знал о "службах и франшизах", и считается, что он видел их копию в "Liber Custumarum". Последний доступен в печати в издании Райли "Munimenta Gildhallæ Londiniensis" и полностью или почти полностью соответствует тому, что мы нашли у Блаунта.

Вот и все о предшественниках этой истории.

Считается, что Фицуолтеры пришли вместе с Завоевателем и были наделены упомянутым выше соком по его милости и в благодарность за свои заслуги. О том, что в свое время семья обладала исключительными правами в лондонском Сити, свидетельствуют патентные списки, из которых мы узнаем, что в третьем году правления Эдуарда I (1275 г.) Роберт Фицуолтер стал владельцем дома. (1275) Роберт Фицуолтер получил от короны разрешение на передачу замка Байнард, "примыкающего к стене Сити, со всеми стенами и ямами, относящимися к нему, а также Турель под названием Монфишет" Роберту Килвардли, архиепископу Кентерберийскому, с целью основания дома и церкви монахов-проповедников - "при условии, что по причине этого пожалования ничто не будет уничтожено для него и его наследников, принадлежавших его баронству, но что все, относящееся к этому, а также рента, посадка судов и другие права и привилегии в Лондонском Сити или в других местах, без уменьшения принадлежащие ему, упомянутому Роберту, или этому баронству, недавно принадлежали, будут отныне сохранены."

Этот Роберт был сыном Уолтера Фицуолтера и внуком своего более знаменитого однофамильца, маршала армии Бога и капитана баронов во времена короля Иоанна; мимоходом отметим, что либо последнему, либо его сыну Уолтеру, как лорду Данмоу в Эссексе, приписывают учреждение флитча. Через тридцать лет после продажи родового поместья Роберт Фицуолтер в 1303 году заявил о своих услугах "и франшизах" перед сэром Джоном ле Блаунтом, старостой Сити; и уже в 1321 году, как следует из "Placita de Quo Warranto", итерские юстициары выясняли претензии Фицуолтера в отношении Лондонского Сити. От одного из своих прав он был готов отказаться - а именно, от права топить предателей в Вуд-Уорфе. Юстициары отказались рассматривать этот вопрос, но Фицуолтеры

не сразу и не без труда отказались от своих требований, которые были возобновлены Джоном, внуком Роберта Фицуолтера, в 1347 году. В праздник святого Матфея в том же году мэру, олдерменам и горожанам в Общем совете было объявлено, "что Джон, лорд Фицуолтер, претендует на франшизу в приходе замка Байнард, полностью противоречащую свободам города и наносящую ущерб имуществу его светлости короля и свободам вышеупомянутого города. Ибо в последнее время он сделал запасы для заключения людей в указанном приходе и [потребовал] освобождения заключенных". После этого было решено, "что упомянутый Джон не имеет права в пределах свобод вышеупомянутого Сити, и в будущем он не должен вмешиваться ни в какие дела, проводимые в лондонском Гилдхолле, ни в какие дела, касающиеся свобод Сити".

Вероятно, это постановление послужило успокоением для усилий Фицуолтеров, направленных на установление или восстановление права юрисдикции над жителями Лондона. Представляется вероятным, что это были попытки восстановить древние привилегии, а не создать новые. Документ в "Liber Custumarum", использованный в поддержку притязаний Роберта Фицуолтера в 1303 году, содержит ссылку на Братьев Проповедников, что позволяет предположить, что он был составлен в то время; но Райли считает, что он был переделан, возможно, только в пределах этой интерполяции, и что в остальном это была копия более раннего заявления, относящегося ко временам первого Роберта Фицуолтера, который должен был быть фактическим владельцем замка Байнард.

Это имеет важное значение для реальности двойных или взаимных обязательств, которые, очевидно, были воплощены в договоре между мэром и горожанами Лондона, с одной стороны, и их военным вождем или защитником - с другой. Для этого придется заглянуть в личную историю старшего Роберта Фицуолтера, о которой уже кое-что сказано. Согласно "Хронике Данмоу" и другим ранним записям, главной причиной неутолимой ненависти Фицуолтера к королю Иоанну было то, что монарх покушался на целомудрие Матильды, прекрасной дочери Роберта, которую, кстати, Энтони Мандей и другие елизаветинские драматурги отождествляют с девой Мэриан из "Робин Гуда". Дагдейл склонен принять эту историю, но, если допустить, что она правдива, ее едва ли достаточно, чтобы объяснить первенство Фицуолтера в рядах мятежных баронов. По всей видимости, это объясняется его влиянием на богатых горожан Лондона, которые были одними из самых ярых противников проницательного и тиранического государя. 24 мая 1215 года - в воскресенье, следующее за Днем Вознесения, когда многие жители должны были присутствовать на богослужении, - армии баронов, шедшей из Уэйра, было позволено беспрепятственно войти в Сити через ворота Олдгейт. Положение Фицуолтера как кастеляна и его связь с приорством Святой Троицы в Олдгейте дают простое и естественное объяснение этому поступку. В 1217 году жители Лондона собрали 20 000 человек для помощи дофину Франции против короля Генриха и его опекуна Уильяма Маршала, графа Пембрука, и Роберт Фицуолтер выступил в качестве командующего. Он умер в 1234 году и был похоронен перед главным алтарем в церкви Данмоу Приори.

В описании знамени, врученного Фицуолтеру мэром, мы находим самое раннее упоминание о принятии какого-либо вида оружия лондонским Сити. Можно отметить, что меч, как утверждают некоторые геральдические авторитеты, был аргентом, в то время как другие эту деталь опускают. В саксонские времена Йорк также имел своего знаменосца. Великие ворота" собора Святого Павла, вероятно, были Северными воротами.

Не отходя от военной темы, в начале XIV века в западном конце собора Святого Павла находился пустырь, принадлежавший городу; здесь горожане имели обыкновение собирать оружие под командованием или присмотром лорда замка Байнард для защиты города "так

часто, как только горожане сочтут нужным". Кроме того, в восточном конце церкви находился участок поменьше, на котором горожане устраивали фольклоры и парады оружия для сохранения мира короля. Возможно, это был пережиток англосаксонского института инвита, который упоминается в Domesday и предназначался для поддержания порядка внутри стен. К этому небольшому участку примыкала клошара или кампанила собора Святого Павла, которая была отдельным зданием от собственно собора и содержала большой колокол, известный как *мотбель*, с помощью которого горожан созывали на фолькмоут или собрание оружия в случаях, "когда в соответствующих бейликах олдерменов вдруг происходило что-либо неожиданное, сомнительное или пагубное против королевства или королевской короны". Когда королю требовались услуги лондонского войска против иностранных врагов или за пределами Сити, естественно предположить, что смотр проводился на большей из двух площадей.

Вероятно, муштеры и парады Воинства прекратились, когда после продажи замка Байнард Фицуолтеры перестали *быть фактическими* кастелянами Лондона. Это справедливое предположение следует из того факта, что в 1321 году горожане пожаловались в передвижной суд на то, что декан и капитул незаконно завладели свободными местами, обнесли их стенами и даже возвели жилые дома на восточном участке. О гербе Знамени Святого Павла, который не должен был больше использоваться, забыли настолько, что через восемьдесят или сто лет от него остался только меч, который, как предполагают, обозначал кинжал воинственного мэра, сэра Уильяма Уолворта, который, как говорят, покончил с беззаконием Уота Тайлера.

УРБАН

ГЛАВА XV

БОЖИЙ ПЕННИ

Если бы нам пришлось выразить разницу между городом и деревней одним словом, то этим словом было бы "торговля". В средневековье, гораздо чаще, чем в наше время, в сельской местности проводились ярмарки, но Лондон с его рынками, открытыми по воскресеньям и дням недели, пользовался всеми преимуществами вечной ярмарки, от которой чужестранцы и иностранцы, хотя и испытывали некоторые неудобства по сравнению со свободными людьми, ни в коем случае не были отстранены.

Одним из важнейших принципов, регулировавших коммерческие сделки в Средние века и закрепленных законом и обычаями, была публичность. Пекари, как мы видели, не могли продавать хлеб "до своей печи", и к этому можно добавить, что торговцы рыбой не могли брать ее в свои лавки - они должны были выставлять ее на продажу снаружи. Цель таких мер заключалась в том, чтобы обеспечить честную торговлю во всем мире. Поскольку правосудие обычно изображается с парой весов, можно считать само собой разумеющимся, что важный вопрос о надлежащем весе не ускользнул от внимания законодателей, и он приобрел значительную значимость в 31 году Эдуарда I (1303 г. н. э.), когда был обнародован статут De Nova Custuma. Согласно этому статуту, в каждом рыночном городе и на ярмарке по всему королевству в определенном месте должна была быть установлена королевская балка или весы, и продавец и покупатель должны были смотреть на весы перед взвешиванием, чтобы убедиться, что они пусты. Перед использованием рычага весов должны были быть точно равны, а когда тронатор взвешивал, он должен был убирать руки, как только они

выравнивались. Следует отметить, что жители Лондона отказались принять "Новый обычай", заявив, что всегда было принято, чтобы все покупатели товаров, будь то архиепископы, епископы, графы, бароны или другие лица, брали с собой тягу лучины; но к этому времени мы узнали, что местный обычай не имеет права отменять закон страны, и поэтому маловероятно, что этот протест, хотя он и привел к изданию двух королевских мандатов, долго сохранялся.

Но в статуте "Нового обычая" содержалось еще одно положение, а именно: после ратификации сделки ни одна из договаривающихся сторон не должна была отступать от нее. Если бы они, или кто-то из них, пошли на это после процесса взвешивания, это означало бы, что Королевская Балка подвергается презрению, а такая профанация не могла быть предусмотрена; но святость договора была подтверждена местными постановлениями или обычаями еще до принятия этой меры. Контракт считался действительным, если Божий пенни, или залоговые деньги, были даны и получены сторонами. Поскольку Божий пенни или то, что он символизировал, было основой всего бизнеса, а бизнес - это жизнь городов, этот обычай заслуживает подробного рассмотрения.

Арлы, или залоговые деньги, выдавались слуге при найме, о чем свидетельствует запись в Счетах Шаттлворта (напечатанных Обществом Четхэма) за сентябрь 1590 года: "4 д., залоговые деньги, были выплачены повару, чтобы он служил на следующей Ассайз". Аналогично, в феврале 1592 г.: "Джону Хэю, получившему залог за то, что он будет служить в течение года дворецким и пивоваром в Смитхиллсе, 4 д.". В предыдущих записях говорится, что 12 д. было выплачено Джону Хоребину "за эрлинги" от сделки за рытье канавы и что "3 д. было отдано из эрлингов садовнику за его наем на следующий год".

Г-н Джеральд П. Гордон, которому мы обязаны ценной информацией, приводит в качестве аналогичного примера дарение "королевского шиллинга" новобранцу при поступлении на службу. Что касается меркантильных сделок, то, по его мнению, это "не столько частичная или символическая уплата цены, сколько отдельная плата за то, что продавец не захотел передать товар кому-то другому". Такой взгляд на дело представляется нам крайне сомнительным, поскольку он делает договор обязательным только для одной из сторон - покупателя; в то время как Брактон и "Флета" утверждают, что в случае невыполнения продавцом своих обязательств он должен выплатить двойную сумму залога. Впоследствии мистер Гордон приводит постановление Престона, согласно которому "если покупатель приобретет какой-либо товар в большом или малом количестве и даст задаток, а тот, кто согласился продать, пожалеет о сделке, он должен заплатить вдвое больше, чем просил. Но если покупателю приглянется товар, он должен либо забрать его, либо заплатить продавцу 5 фунтов". Таким образом, только из его показаний мы делаем вывод, что выплата аванса была по сути символической и служила всем целям письменного договора.

О том, что этот акт рассматривался как выражение взаимопонимания, свидетельствует постановление Нортгемптона, принятое примерно в 1260 году: "Если кто-либо положит пенни или любой товар до того, как продавец согласится на сделку, он должен отдать пенни в пользование судебным приставам". Важность надлежащего исполнения договора была признана путем наложения штрафа на того, кто предоставил залог и после этого отказался исполнить сделку. В Уотерфорде около 1300 года было принято постановление о том, что "тот, кто даст Божье серебро и раскается, будь он кем угодно, должен заплатить 10 фунтов"; а в Корке в 1614 году был принят ордонанс, лишавший неплательщика права на членство в совете и свободу и обязывающий его выплатить штраф в размере 20 фунтов.

В начале XVI века "Божий пенни" платили в Уотерфорде за фрахт кораблей; а в Югале в 1611 году он был уплачен в суд за право покупать вина на борту корабля. Как можно было заметить

в предыдущих примерах, арлы не обязательно состояли из пенни. Ордонанс Бервика от 1249 года гласил: "Если кто-либо купит сельдь или другой вышеупомянутый товар и даст божий пенни или другое серебро в качестве залога, он должен заплатить купцу, у которого он купил этот товар, в соответствии с заключенной сделкой". Но достаточно было одного пенни. Нойес, генеральный прокурор Карла I, категоричен в этом вопросе. "Если, - говорит он в своих "Максимах", - сделка заключается в том, что вы дадите мне два фунта за мою лошадь, а вы дадите мне один пенни в качестве залога, который я приму, то это будет совершенная сделка". Впечатление такое, что самые важные контракты, равно как и самые пустяковые сделки, решались путем обмена Божьего пенни или какой-либо эквивалентной церемонии.

Очевидно, что сделки должны были происходить в присутствии свидетелей, иначе человеку, заключившему неудобную сделку, было бы легко выйти из затруднительного положения, отрицая, что он давал или получал пенни. В ранние времена, до того как письменность стала обычным делом, и когда, как и сейчас, люди стремились заключить сделку без потери времени, в интересах общей честности было желательно, чтобы такие соглашения заключались при свете дня и на виду у всего мира. Этот обычай, судя по всему, сохранился до позднего времени. Так, если верить драматургу О'Киффу, в центре биржи Лимерика стоял столб с круглой медной пластиной диаметром около трех футов, называемой "гвоздем", на который должен был выплачиваться заработок по всем биржевым сделкам. Говорят, что в Бристоле перед биржей стояли четыре столба, называемые "гвоздями", с той же целью; и точно так же в Ливерпуле сделки заключались на медной пластине, также называемой "гвоздем" и стоящей перед биржей. Однако, как отмечает мистер Гордон, вполне вероятно, что фраза "оплата на гвозде" возникла не из-за подобных обстоятельств, а была адаптацией латинского *super unguet* или французского *sur l'ongle*, под которыми подразумевается "оплата в руку человека". Таким образом, оно могло обозначать сделку, противоположную той, символом которой обычно служила Божья копейка. В 1291 году в Ипсвиче, по-видимому, существовал обычай, согласно которому торговцы не делали записей или подсчетов, если присутствовали два свидетеля, подтверждавшие, что взявший должен был заплатить в ближайший день *ou freschement sur le ungle*. Выражение по-прежнему подразумевает немедленную выплату, и оно охватывает всю сумму, а не только Божий пенни. Однако этот платеж, несомненно, производился "на гвоздь"; поэтому могла возникнуть некоторая путаница, особенно в тех случаях, когда для внесения залоговой суммы были предусмотрены плиты и столбы.

Все это очень напоминает римскую *манципацию* - способ продажи, требовавший присутствия пяти свидетелей, при котором покупатель вступал во владение своим новым приобретением, держа в руке бронзовый слиток и повторяя формулу: "Этого человека [т.е. раба] я утверждаю как принадлежащего мне по праву квиритов; и пусть он [или она] будет куплен мной на этот слиток и эти бронзовые весы [т.е. те, на которых были взвешены деньги за покупку]".

Мы уже высказывали мнение, что выплата Божьих пенни была символическим актом, и это мнение подкрепляется тем фактом, что в средневековой Англии существовали сделки с зажиманием рук. Марбек, музыкант и богослов XVI века, замечает: "Как видите, после всех сделок делается знак, либо хлопанье в ладоши, либо дача заработка". Среди положений хартии Гримсби от 1259 года есть и такое, согласно которому только покупатели этого города могли заключать сделки с помощью рукопожатия на сельдь или другую рыбу, а также на кукурузу. К этому добавлялось, что сделки, заключаемые вручную, должны быть действительными, если только товар, являющийся предметом такой сделки, не окажется хуже оговоренного - вопрос, который должен быть решен людьми, заслуживающими

доверия. В шекспировском "Генрихе V" мы встречаем изречение: "Дайте мне ответ, я верю, дайте; и так сцепите руки *и заключите сделку*; как скажете вы, леди?". Это напоминает о том, что соединение рук в брачной церемонии в высшей степени символично; и, конечно, это общий знак веры в дружбе. Судя по этим параллелям, выплата Божьего пенни была не менее символична, чем ее эквивалент - хлопанье или сцепление рук.

УРБАН

ГЛАВА XVI

КУПЕЦ И ЕГО МАРКА

В предыдущей главе мы упоминали о неграмотности наших предков и ее влиянии на торговые обычаи. В настоящей главе мы предлагаем дополнить это упоминание, обратив внимание на одну особенность коммерческой жизни, на которую, несомненно, повлияла, а то и вовсе была вызвана преобладающей нехваткой образования. Словосочетание "купеческие знаки" настолько привычно, что можно предположить, что такие знаки использовались исключительно купцами. Это было далеко не так. Свои клейма были и у фермеров. "Когда йомен, - говорит мистер Уильямс, - прикреплял знак к акту, он рисовал *signum*, по которому идентифицировали его землю, скот и т. д."; и в Сассексе, как нам сообщили, посмертные инквизиции со времен Генриха VII до Карла II демонстрируют большое количество знаков йоменов - "кроме крестов" - которые использовались в качестве подписей. Знаки каменщиков и печатников - еще одна разновидность того же способа идентификации.

Все это характерно для торговли, но удивительно то, что в Германии, во всяком случае, знаки ставились в сочетании с обычными подписями церковными сановниками и светскими дворянами, вероятно, в качестве дополнительной гарантии. Они также использовались на щитах, а в Англии часто украшались гербами владельцев.

Таким образом, клейма ни в коем случае не были исключительной характеристикой купеческого сословия; и все же, в силу того, что эти приспособления обязательно чаще использовались торговцами, в целом их можно считать принадлежностью их сословия. Как мы уже видели, каждый пекарь в Сити был обязан клеймить свои буханки своим собственным знаком; и в других отраслях торговли люди ценили свой знак как средство рекламы. Поскольку люди, занимающиеся торговлей, обычно были лишены привилегии иметь гербовые знаки, клейма свободно использовались не только в связи с особым призванием, но и для украшения или увековечения памяти в любой сфере, где купцы хотели оставить отпечаток своей личности и интересов. Их можно было встретить на фасадах домов, над камином в залах, на печатях, на могильных плитах и монументальных латунях, а также на расписных окнах. В своем описании доминиканского монастыря, полностью напечатанном в "Образцах английской литературы" профессора Скита (1394-1579 гг.), автор "Кредо пахаря Переса" говорит следующее:

Я отправился в министерство, чтобы узнать.

And awayted a wone wonderly well y-built,

С арками на каждом зале и колокольчиками [красиво] вырезанными

С вязаными крючками на углах, с узлами из золота,

Широкие окна у кованые, у написанные на всю толщину,

Щиты с фигурными щитами, чтобы обшить,

С клеймами купцов у-между ними,
Мо, чем двадцать и два, дважды у-нумерованных;
Нет ни одного герольда, у которого была бы половина такого свитка,
Прямо как оборванец, что считал их новыми.

Следует отметить еще одно обстоятельство, а именно то, что купеческие знаки полностью отличались от вывесок магазинов, таких как "Золотое руно", которые, хотя и служили той же цели - помочь или просветить необучаемых, были более живописными по своему характеру. Доктор Баррингтон в своих "Лекциях по геральдике" определяет знаки купцов как "различные причудливые формы, искаженные изображения *инициалов имен*", которые, по его словам, "размещались на предметах торговли, потому что гербовые знаки не могли быть размещены таким образом без обесценивания".

Для тех купцов, у которых не было оружия - а их, несомненно, было подавляющее большинство, - этот знак служил заменой и воспринимался с теми же чувствами гордости и привязанности, что и дворянские и дворянские знаки. Но, несомненно, его главная ценность была сугубо коммерческой, о чем свидетельствует случай судебного разбирательства в двадцать второй год правления королевы Елизаветы, о котором повествует господин судья Доддридж: "В суд общей юрисдикции поступил иск от суконщика о том, что, хотя он приобрел репутацию благодаря изготовлению своего сукна, в силу чего он имел большую известность к своей большой выгоде и прибыли, и что он ставил свое клеймо на своем сукне, другой суконщик, поняв это, использовал то же самое клеймо на своем плохо сделанном сукне с целью обмануть его, и было решено, что иск имеет место".

Купеческие клейма, по-видимому, были особенно распространены в городах, зависящих от производства шерсти. Так случилось, что одним из таких городов был тот, в непосредственной близости от которого были написаны эти главы; и, согласно сказанному, церковь Святого Петра в Тивертоне, которая во многом обязана щедрости старых купцов, хранит несколько таких клейм. Восточная Англия особенно богата такими знаками, о чем свидетельствуют статьи мистера У. К. Юинга в "Transactions of the Norfolk and Norwich Archaeological Society" (vol. iii.). Мистер Доусон Тернер в своем историческом вступлении к книге Колмана "Гравюры погребальных латуней в Норфолке и Саффолке", заявив, что купцы или бюргеры были, вероятно, единственными сословиями, кроме военных, которые были представлены на памятниках, отмечает далее, что "в основном их можно найти в городах-музеях или приходских церквях крупных торговых графств, где процветало шерстяное производство". И, как мы уже отмечали, клеймо купца очень часто сопровождало его до могилы.

Теперь мы достигли пограничной полосы, где от городских обычаев переходим к деревенским; и будет естественным переходом, если мы завершим главу и раздел некоторыми замечаниями о сельском использовании клейм, которое все еще распространено в отношении запасов. В этой связи они обычно называются йоменскими знаками; и, исходя из обстоятельств дела, кажется несомненным, что принятие таких символов произошло на ферме задолго до того, как они стали использоваться на рынке. Был поднят вопрос о том, являются ли так называемые "пиктографические знаки" и всегда ли они были ничем иным, как грубыми рисунками знакомых предметов. Мистер Дж. Х. Скотт рассматривает эту проблему в своем исследовании теории Хомайера о том, что знаки изначально были руническими формами, и высказывает мнение, что, если предположить, что это верно для определенных типов знаков, "они потеряли свой характер в ранний период и рассматривались просто как знаки или символы, а не как буквы алфавита". Что касается

"пиктографических знаков", то он считает, что сходство с различными объектами является случайным. Если это так, то это скорее говорит в пользу того, что Хомайер выводит знаки из рун, поскольку формы в некоторых случаях идентичны. Более того, как отмечает Хомайер, "знаки" для идентификации скота, лошадей, деревьев, одежды и в качестве межевых знаков упоминаются в Lex Salica, Edictum Rotharis и англосаксонских законах, так что здесь мы имеем нечто вроде родословной этого обычая.

СЕЛЬСКАЯ

ГЛАВА XVII

РУСЬ В УРБЕ

Городские обычаи представляют больший интерес и значение, чем сельские, в силу большей сложности отношений, связанных с взаимозависимостью членов многолюдной общины. В деревне организация общества более проста, и жизнь полей, если она более спокойна, всегда должна быть менее яркой и, если можно так выразиться, менее осознанной, чем жизнь города. Однако нет ничего более очевидного, чем то, что образование городов произошло после возникновения сельских условий и в большинстве случаев было их отпрыском. Удивительно, что только в середине прошлого века великий город Манчестер освободился от последних следов феодального подчинения путем покупки помещичьих и рыночных прав. Как слово *resunia* происходит от *resus*, как купеческий знак, по всей вероятности, произошел от йоменского, так и во многих муниципальных назначениях можно найти убедительные доказательства некогда всепроникающего сельскохозяйственного элемента.

Если мы обратимся к Лондону, то обнаружим, что его управление в значительной степени осуществлялось по деревенскому и манориальному образцу. Необходимым результатом стал хаос. Как отмечает мистер Дж. Х. Раунд, "гений англосаксонской системы был плохо приспособлен или, скорее, совершенно непригоден для городской жизни... Хотя в небольших управляемых сельских общинах она отличалась непобедимой стойкостью и силой, она должна была и сломалась, когда была применена к большим и растущим городам, жизнь которых заключалась не в сельском хозяйстве, а в торговле. В приходе, в сотне домов англичанин был дома, но в городе, тем более в таком городе, как Лондон, он оказывался на волоске от гибели". Но практический дух, здравый смысл нашей расы успешно заявляет о себе - например, в случае с шерифами, которые в Лондоне избираются горожанами. В целом шерифы назначаются короной и, как следует из названия, являются сугубо графскими чиновниками. В случае с особым правом Фицуолтеров мы видели, с какой готовностью корпорация ухватилась за возможность, предоставленную продажей замка Байнард, чтобы обеспечить большую свободу и однородность в управлении Сити.

В управлении графством шерифу подчинялись различные классы бейлифов; и бейлиф находился с лордом, получавшим пошлину, примерно в тех же отношениях, что и шериф с королем. По тем или иным причинам мэры провинциальных городов в ранние времена местной автономии назывались бейлифами. В 1200 году король Иоанн разрешил жителям Линкольна избрать двух человек из своего числа "хорошо и добросовестно исполняющих обязанности проректора (*præposituram*) города". Через двадцать два года после этого лица, занимавшие эту должность, были призваны представлять город в споре с бюргерами Беверлея - "Ballivi civitatis Lincolnie summoniti fuerunt ad respondendum burgensibus de

Beverlaco". Запись продолжается: "Et Major Lincolnie et Robertus filius Eudonis ballivi Lincolnie veniunt et defendunt," etc. Мейтланд в своем издании "Записной книжки" Брактона, в которой содержатся эти сведения, предполагает, что имя одного из судебных приставов было опущено, но мистер Раунд, несомненно, прав, считая, что старшим судебным приставом был "мэр Линкольна". Отчет Стивенсона о записях корпорации Глостера (9-е приложение к 12-му отчету по историческим материалам) позволяет с уверенностью утверждать, что эти титулы были взаимозаменяемы. "Примечательным обстоятельством, - пишет он на сайте, - является то, что, хотя должность мэра Глостера была учреждена только в 1483 году, некий Ричард Бургесс часто описывается в свидетельских пунктах как "tunc Majore de Glouc". Даты этих актов варьируются между *примерно 1220* и *примерно 1240* годами. Иногда это титул старшего пристава, например, Ричард Берджесс и Томас Уенат названы приставами в документе, *датированном примерно 1230* годом, но в другом документе той же даты Берджесс назван "майором", а Уенат - "приставом".

В некоторых округах властвовал старый королевский чиновник, портрив - название представляет собой гибрид англосаксонского *gerefa* и латинского *porta* (не *portus*), обозначающего ворота, где проходили рынки. В Тивертоне, который был присоединен к городу в 1614 году, должности мэра и портье существовали бок о бок, и вплоть до 1790 года последний пользовался правом созыва определенных людей для участия в септенном обходе городского озера - водного потока, являющегося собственностью жителей. В таких случаях Портрив полностью заменял мэра, который не упоминался в связи с этими событиями. Приведенные ниже выдержки из записи в книге Court Leet о заседаниях 1 сентября 1774 года покажут, что празднование, проходившее исключительно в границах города, было продолжением состояния дел, предшествовавшего выдаче хартии.

"Шествие и осмотр древнего ручья, водотока или городского озера, протекающего от источника, бьющего возле ясеня, в верховьях некоего общего пространства, называемого Норвуд Коммон, в пределах указанной сотни, поместья, и Боро до Колодца Коггана у Рыночного Креста в городе Тивертон, принадлежащего жителям и другим подданным Его Величества, живущим, проживающим и пребывающим в городе Тивертон, для их единственного использования и пользы, был сделан и взят мистером Мартином Дансфордом (Портрив). Мартин Дансфорд (Портрив), Генри Аткинс, эск. (стюард), Томас Уоррен и Филип Дэйви (водные приставы) и преподобный мистер Уильям Вуд ... и другие лица, свободные сюзерены, арендаторы и жители упомянутого города, прихода и сотни Тивертон, по приказу почтенного сэра Томаса Кэрю, баронета, дамы Элизабет Кэрю и Эдварда Колмана, эсквайра, лордов вышеупомянутой сотни, поместья и боро, в первый день сентября в год Господа нашего тысяча семьсот семьдесят четвертый.

"Портрив и вольные присяжные, отложив суд барона, который состоялся в этот день, вышли из здания суда или церкви в следующем порядке: сотенный пристав с посохом и корзиной пирожных; дети из благотворительной школы и другие мальчики по двое и по двое; два водяных пристава с белыми шестами; музыка; фригольдеры и вольные присяжные по двое и по двое; стюард; портрив с посохом; другие джентльмены города и т. д., присутствовавшие по этому случаю при портрихе; общий плакальщик вышеупомянутой сотни, поместья и боро, как помощник сотенного пристава со своим штатом.

"Таким образом, они проследовали сначала к Рыночному Кресту, и там, у Колодца Коггана, плакальщик со своим посохом в колодце произнес следующее провозглашение в обычной и древней форме - "Oyez! Oyez!!! Oyez!!! Настоящим я объявляю и уведомляю, что по приказу лордов этой сотни, поместья и боро Тивертон и от имени жителей этого города и прихода Портрив и жители, собравшиеся здесь, публично провозглашают этот поток воды, для

единственного использования и пользы жителей города Тивертон и других подданных Его Величества, находящихся там и проживающих, от Маркет-Кросс в Тивертоне до Норвуд-Коммон". Затем они проследовали в том же порядке через Бэк-лейн, во всех его частях и по старинному пути водных приставов, не считаясь со временем, и сделали подобное провозглашение в следующих местах..... Портрив и свободные сюзерены, а также другие лица, сопровождавшие их на пути, отмечали все развлечения и неприятности, которые, казалось, влияли на озеро, после чего вернулись в Тивертон и отобедали в таверне "Лоза", где они дали следующим благотворительным детям и другим бедным мальчикам, которые их сопровождали, по два пенса за штуку.....

В настоящее время эти обязанности выполняют мэр и корпорация, но обычай соблюдался в традиционной манере по крайней мере до 1830 года. Мы выяснили, что Портрив не только играл ведущую роль в таких случаях, но и, как мэр и другие члены корпорации, по должности был опекуном бедняков города и прихода - привилегия, которую он разделял только с ними. Таким образом, перед нами пример двойной власти, сохранявшейся вплоть до XIX века, то есть почти шестьсот лет после того, как Лондон избавился от феодального элемента в своем управлении. Чтобы оценить его значение, необходимо помнить, что наряду с корпоративными городами существовали и другие, которые фактически не являлись корпоративными, но, тем не менее, были известны как свободные боро или либерти. Причина в том, что владельцы земельных участков в них принадлежали лорду на правах бургомистерской аренды так же, как ливерпульские вольные люди - королю, и что существовали манориальные суды, которые освобождали бюргеров от юрисдикции суда шерифа сотни, суда шерифа графства и даже высших судов короны.

Должностные лица, портрив и бейлифы, выполняли функции, вероятно, столь же древние, как и сам бор, и, следовательно, почти в каждом случае должны быть отнесены к более свободным временам, предшествовавшим нормандскому завоеванию. Стофорд в Сомерсете, являющийся хорошим примером такого города, сохранял свою конституцию до середины XVIII века. В правление Эдуарда I в него входило не менее семидесяти четырех бургеджей, и бургеджи так дорожили своими привилегиями, что не позволяли присяжным графства проводить расследование, кроме как совместно с собственными присяжными. В боро был гильдхолл, "Зульдхаус", за который платили арендную плату в размере 2s. лорду по определенным представителям "Коммоналти". Комментируя это обстоятельство, покойный мистер Джон Бэттен, F.S.A., замечает: "Это доказывает, что бюргеры не приобрели истинный элемент корпорации, при котором Гилдхолл перешел бы по закону к членам на данный момент; но что было необходимо передать его определенным лицам в качестве феодалов или попечителей". Стофорд, однако, имел свою официальную печать с неграмматичной, но понятной легендой,

"S. COMMUNE BURGENTES STOFORD".

Это может показаться скорее примером *urbs in rure*, чем *rus in urbe*, поскольку именно на такие полуэмансипированные города корпоративные боро, как Херефорд, смотрели свысока (см. выше, с. 177), и именно из-за их подчинения лорду. Стофорд и подобные ему места считались и были полностью или почти полностью сельскими, и главный вопрос заключается в том, насколько к ним применим термин *urbs*. В данном случае он обозначает то же, что и термин "боро" в его самом широком значении - самоуправляющуюся общину; "свободные", но некорпоративные боро были, очевидно, более близки к обычным поместьям, чем к городам, гордившимся своей независимостью.

Термины "портъе" и "бейлиф" хорошо знакомы, и должности, которые они обозначают, ни в коем случае не исчезли; но в дополнение к этим функционерам была увековечена целая семья мелких служителей, еще более тесно связанных с сельскохозяйственными аспектами городской жизни. Мистер Г. Л. Гомм, F.S.A., столь известный своими трудами в различных областях антиквариата, уделил этому вопросу особое внимание, и тем, что мы приводим ниже, мы полностью обязаны его трудолюбивым исследованиям. Он указывает, что "старая деревенская община была организована и действовала самостоятельно" и "обладала телом офицеров и слуг, что делало ее независимой от внешней помощи". Эти офицеры и слуги в довольно многочисленных случаях сохранялись еще долго после того, как деревня переросла свои примитивные пределы. В самых разных местах мы встречаем хранителей фунтов, водителей фунтов и пиндеров, а сенокосчика можно встретить в пятнадцати разных городах. В этот же список входят ручьевод из Арундела, полевод из Бервика-на-Твиде, травознай из Ньюкасла-на-Тайне, варренер из Скарборо, смотритель зеленого двора в Лондоне, смотритель живой изгороди из Ланкастера и Клитеро, молевар из Арундела, Лестершира и Ричмонда, полевод из Бедфорда, стадо, пастухи-нолтсы, городские свиноводы Олнуика, Ньюкасла, Шрусбери и Донкастера, хозяева пастбищ Беверли и Йорка, скорбящие по мху в Олнуике, болотники и моховики Ланкастера, смотрители болот в Аксбридже, болотоводы Беклса и Саутволда, лесные мастера Хаверинга и Ноттингема.

Большинству людей придет в голову, что если эти должности сохранялись, то причиной тому должно было быть нечто большее, чем просто сила консерватизма, как бы велика она ни была в устойчивом развитии английской жизни; и это, несомненно, так и было в большинстве, если не во всех, приведенных случаях. Другими словами, горожане, индивидуально, как единое целое или в лице ограниченного числа избранных, продолжали пользоваться определенными правами и иметь финансовую долю в земле, окружающей город, на которой они были посажены. Должностные лица часто получали не денежное, а натуральное вознаграждение: им выделялось либо количество зерна, либо участок земли. Последняя форма вознаграждения, которая была более распространена, показана в Донкастере, где есть поле, называемое Балк пиндера, которое пиндер обрабатывал для своей собственной выгоды. В Малмсбери, судя по всему, он занимал почетную должность, которую в других городах занимает мэр, а его жалованье представлено участком земли под названием "Кухня олдермена".

Перейдем к рассмотрению самих общин. В Ноттингеме постоянные бюргеры имеют право, переходящее ним в порядке старшинства, на "бюргерскую часть" - т. е. участок земли, поле или луг, за который каждый платит небольшую земельную ренту корпорации.^[14] Этих "частей" насчитывается 254, и они имеют разную ценность, так что, по словам мистера Гомма, они представляют собой "своего рода лотерею". В Манчестере 280 участков, каждый площадью около акра, в которых заинтересованы все простолюдины. Сорока восьми землевладельцам выделено по акру, а двадцать четыре помощника (?) бургесса имеют каждый по акру дополнительно. В Бервике-на-Твиде есть две части земли, одна из которых передана мэром, бейлифом и бургомистрами арендаторам под названием "фермы казначея". Другая часть включает в себя различные участки, называемые лугами, площадью от 1¼ до 2½ акров; и каждый год на собрании бургомистров - "луговой гильдии", как ее называют, - земли, освободившиеся после смерти или отъезда тех, кто занимал их последним, переходят к старейшим бургомистрам или вдовам бургомистров, имеющим право на проживание, причем право выбора зависит от старшинства.

Аналогичным образом распределяются земли, принадлежащие корпорации Лангарна. Когда жилец умирает, прибыль от его доли остается у его представителей, а на следующем суде

Майклмаса бюргер, следующий по возрасту после умершего, представляется присяжным и получает ту долю, которая ранее принадлежала ему. Мистер Гомме отмечает, что почитание возраста, которое можно обнаружить во многих из этих обычаев, характерно для тевтонских рас и первобытных общин в целом. Интересной особенностью этого случая является то, что на 330 акрах в течение трех лет подряд сеют кукурузу, а в течение следующих трех лет их засевают травой.

Заголовок главы - "Rus in Urbe", и, продолжая следовать указаниям г-на Гомма, мы должны проследить переход, который произошел в использовании этих общественных земель по мере того, как городской элемент становился все более и более преобладающим. Похоже, что, хотя есть районы, где есть только общие пастбища, не было найдено ни одного случая, когда бы район имел пахотные и луговые наделы и не имел общих пастбищ. Напрашивается вывод, что по мере того, как население все больше увлекалось торговыми делами, оно все меньше могло посвящать себя заботам о земледелии, и, соответственно, земли перестали обрабатываться. Но они по-прежнему представляли значительную ценность для пастбищ. На них можно было размещать скот и лошадей купцов - последние, возможно, впоследствии поступали на службу торговле. Существующие порядки в районах, которые отказались от сельского хозяйства, дают четкие указания на то, что в свое время здесь проводились земледельческие работы и соблюдались правила, касающиеся обработки земли и ежегодных урожаев.

История многих городов показывает, что раньше они пользовались общими правами, которых больше нет, и то, как они были утрачены, во многих случаях остается загадкой. Когда из земель, которыми арендаторы фактически владели пожизненно, они в результате определенной эволюции стали собственностью корпорации, переданной в аренду свободным людям или другим лицам в зависимости от обстоятельств, они, вероятно, могли быть проданы на благо всего общества. В прежние времена от этого права могли отказаться робкие или невежественные горожане под давлением местного лорда манора, достаточно сильного, чтобы поставить закон под сомнение, или же между ним и теми, кто временно пользовался благами, мог быть достигнут компромисс. Как мы уже отмечали, иногда они составляли не более части жителей, и по мере роста населения эта часть уменьшалась, в результате чего посторонние люди были безразличны к судьбе общей земли. Там, где существовала особая квалификация, она не обязательно была старшинством. Например, в Хантингдоне привилегией пользоваться общим домом пользовались вольноотпущенники, проживавшие в "общих" домах.

Существовали и другие ограничения, помимо уже названных. В только что упомянутой местности "простонародные" бюргеры, если можно подражать их манере речи, могли пасти двух коров и одну лошадь со старого майского дня до Мартинмаса, а также четырех овец с Мартинмаса до Кэндлмаса. В Ковентри, в так называемых Ламмасских землях, разрешается пасти двух лошадей и одну корову. Насколько мудрыми и необходимыми были эти ограничения, можно понять из следующей выдержки из постановления канцелярии в 42 году Елизаветы. В билле - мы осовременили написание - говорится, что,

"Несколько лет назад разные благочестивые и благорасположенные лица, заботясь о бедных жителях упомянутого города и прихода, в разные времена в разные царствования королей предоставляли определенные земли, ренты, пастбища, прибыль от рынков и ярмарок и другие ежегодные товары разным и разным лицам для облегчения и помощи тем же бедным жителям упомянутого города и прихода, а именно: некто Уильям, иногда лорд города и боро Торрингтон-Магна, вышеупомянутый, своим актом заверил свободным бюргерам упомянутого города и некоторым другим своим свободным арендаторам его упомянутого

поместья, проживающим в вышеупомянутом приходе Торрингтон, общее пастбище для их животных и скота в и на его пустырях в пределах его поместья Грейт Торрингтон, лежащие в пределах вышеупомянутого прихода и известные под разными названиями, в том числе под названием Вестер Коммон и еще под одним названием Хэтчмур Коммон с другими, которые в целом содержат около пятисот акров земли и лежат очень близко, примыкая к упомянутому городу с каждой его стороны, которые были и могли бы оставаться и быть очень выгодными и удобными для всех бедных жителей упомянутого города и других свободных арендаторов упомянутого поместья, которые по тому же гранту должны были бы иметь там общие пастбища, если бы они использовались в любом разумном способном размере или с любым безразличием в соответствии с добрым и благотворительным умыслом и намерением упомянутого грантодателя, но в какой форме или каковы слова акта, упомянутые заявители не могут выразить.

"Они, или некоторые из них [ответчики], постоянно притесняют и загромождают своими животными, овцами и скотом общие земли, так что бедные жители не могут держать на них корову или лошадь для своего пользования и для товаров в любом хорошем имении, Тогда как, если бы то же самое использовалось безразлично, в соответствии с истинным намерением дарителя, каждый житель в пределах упомянутого города, имеющий какой-либо древний бургадж, которому было предоставлено упомянутое общее пастбище, мог бы вполне содержать двух коров или корову и мерина или лошадь с небольшой или нулевой платой. Все это пожирали и съедали шесть или восемь самых богатых жадных людей того же города и его жителей".

Но иногда общая польза не просто уменьшалась из-за действий могущественных и жадных немногих, а, как уже отмечалось, полностью или частично утрачивалась. Следующий отрывок из того же билля проливает свет на этот вопрос:

"А также упомянутый Роджер Лей под прикрытием аренды, которую он сам с остатком своих супругов заключил на некоторые владения, часть упомянутых земель и владений, некоторым из детей упомянутого Лея, где он хитростью вставил участок той же общей земли, вопреки знанию и предупреждению остатка его сополучателей или некоторых из них, в участок упомянутой общей земли под названием Хэтчмур или лежащий в Хэтчмуре, где упомянутые истцы, имеющие бургаджи в пределах упомянутого города, и все другие, кто живет в древних бургаджах или жилых домах в пределах упомянутого города, должны были и использовали время от времени, чтобы иметь общее пастбище, без какого-либо признака законного права огородили и обработали два участка, содержащие около четырнадцати или шестнадцати акров, и сделали различные аренды неизвестным лицам, и закрыли древний переулочек или дорогу, обычно называемую Темным переулком, ведущую из упомянутого города к упомянутому общему месту Хэтчмура, по которой жители упомянутого города всегда, до упомянутого огораживания, ездили в упомянутое общее место, к большому затруднению, ущербу и вреду упомянутых истцов и к лишению упомянутого города наследства на вечные времена."

То, что города, и даже большие города, живут по традициям сельской жизни, сегодня очевидно, но приведенные выше свидетельства проливают лишь частичный свет на сельские условия в их ранней и наиболее полной форме. Они станут темой следующей главы, которая, как мы надеемся, даст ключ к разгадке многого, что остается загадочным в представленных до сих пор данных.

СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ

ГЛАВА XVIII

СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ

Положение вещей, показанное в предыдущей главе, по сути, является переходным. Мы видели, как город выходит из деревни, или, говоря по-другому, как страна, благодаря принципу притяжения, сливается с городом. Такой способ рассмотрения темы неизбежно является частичным и неполным. Существование общего с городом, деревней или группой деревень - это не само собой разумеющееся положение, которое следует принимать на веру. Очевидно, что это часть системы, которую нам предстоит исследовать.

По всей видимости, многие из уложений, существовавших в течение и до конца Средневековья, и даже (в упадочной и исчезающей форме) почти до нашего поколения, происходят из той почти незапамятной древности, когда наши предки были колонистами в новом для них мире - мире лесов и болот, зверей-людоедов и чужих врагов, таких же свирепых или более свирепых, чем они сами. Эти условия определяли линию поведения людей, которые жили в них. В целях безопасности люди одной крови жили вместе в деревне, обнесенной острогом, или тун. Однако они и их скот должны были существовать за счет своего труда и щедрости земли, поэтому вокруг деревни выделялся участок обрабатываемой земли для использования общиной. Пока не была достигнута определенная степень безопасности, бесполезно было мечтать об индивидуальных правах; жители были бы только рады сотрудничеству с соседями, и пока одни работали, другие, несомненно, стояли к оружию. В пределах этой территории, по-видимому, находились огороженные поля для содержания телят и других молодых животных, но это, вероятно, было единственным исключением. За пашней располагалось кольцо луговых земель, за ними - пастбища, а за ними - лес или пустошь.

Под термином "община" обычно понимают пастбище; нередко можно встретить выражение "коровьи общины", как будто коровы были главным, если не единственным, объектом, который делал общины полезными. Возможно, так и было в более поздние времена. Однако в ранние времена вместе с ними появилась общая обработка земли, примеры которой до сих пор можно найти на континенте. Следы системы открытых полей сохранились и в различных частях Англии, в частности между Хитчином и Кембриджем, где огромные дерновые валы разделяют поля. Говорят, что в течение прошлого века территория между Ройстоном и Ньюмаркетом была полностью неогороженной, и до конца века такие приходы, как Лекстон в Нортгемптоншире, сохраняли эту особенность. Другие примеры встречаются в Суонэйдже в Дорсете и Стогурси в Западном Сомерсете.

Английский язык боро

Прежде чем перейти к описанию применяемых методов возделывания земли, следует остановиться на обычае, который, как можно предположить, связан с тем далеким периодом, когда англичане не были хозяевами земли *де-юре*, а занимали положение колонистов, которые либо экспроприировали исконных жителей, либо вступали во владение землей как *res nullius*, на которую они не имели твердых прав по давности владения. Мы уже упоминали о ценном репертуаре национальных обычаев, отредактированном с такой

тщательностью, что заслуживает высшей похвалы - "Ежегодниках". Отчеты о судебных процессах в Общей скамье за 1293 год содержат следующее:

"Некий А. предъявил иск о вступлении в наследство против Б., заявив: "В это наследство он не вступал иначе, как через того, кто с применением насилия и т. д. лишил его отца Роберта". И он изложил происхождение таким образом: "От Роберта перешло право и т.д. к Адаму, нынешнему требователю, как его младшему сыну и наследнику, согласно обычаю такого места и т.д."

"Ассеби: "Сэр, мы сообщаем вам, что у Адама есть старший брат по имени Н., который является законным и жив, и которого они опустили. Осудите это упущение".

Саттон: "Сэр, даже если бы он сделал на него уступку, это не могло бы быть препятствием для нас, потому что по обычаю страны наследство получает младший, поэтому нет необходимости упоминать о нем".

"Ассеби: "Сэр, он подал иск по общему праву; рассудите, не должен ли он отвечать по общему праву, и может ли он (требующий) ссылаться на обычай".

"Саттон: "Во многих местах в Англии женщина требует свой даритель с помощью приказа "Unde nihil habet", который является приказом по общему праву, и все же, согласно обычаю страны, она получит за свой даритель часть имущества, принадлежавшего ее мужу, где по общему праву она будет иметь только третью часть, а также в случае с имуществом в некоторых странах, которое удерживается рыцарями-слугами, лорд может заявить о захвате как о хорошем корнаже согласно закону страны; и все же этот приказ является по общему праву. Также и в Гавелкинде по обычаю [Кента] младший брат должен иметь столько же, сколько старший; и все же один брат может взыскать с другого брата по праву "De rationabile parte" и по "Nuper obiit", которые являются судебными приказами по общему праву. Так и в данном случае".

Метингем [судья]: "Ассеби, отвечай".

Что же это был за обычай? Это обычай, известный как "английский Боро", и читатель уже догадался из отчета об иске, что везде, где он преобладал, младший сын претендовал на наследство отца. Таким образом, это противоположность праву первородства, согласно которому недвижимость переходит к старшему сыну. В старой записи, переданной в печать покойным мистером Робертом Даймондом, Ф.С.А., очень подробно описаны обычаи поместья Браунтон в Девоншире, и среди них - обычай Боро Инглиш, или, как его называют в местной среде, "колыбельной". Это свидетельство представляет особый интерес, поскольку в документе содержится положение о передаче имущества в случае, если семья будет состоять исключительно из дочерей. Раздел, касающийся Боро Инглиш, сформулирован следующим образом:

"Наследники младшего холдинга"

"Пункт, Хранитель имеет в каждом из упомянутых маноров, что если какое-либо лицо или лица будут захвачены каким-либо образом земли или владения, ренты или помещения младшего холдинга или вольностей в fee symple или in fe tayle, in demeane или in usu, и будут иметь разных сыновей от дайверов вентеров, viz. дайверами, или женщинами, или мужчинами, и красить, что тогда старший сын из них наследует сейд земли и поместья с другими помещениями в фе симпл, как и в фе тайл, которые так нисходят в сейд йонгер холдинг в демейн или в узу, за исключением того, что будет любое другое имущество, сделанное и и если у них не будет ни одной задницы для всех бабок, то это наследство

[должно быть] разделено между ними, за исключением любого законного завещания или заявления, сделанного в противоположную сторону после обычая."

Ни одно из этих правил наследования ни в коей мере не ограничивалось Западной Англией. Действительно, покойный мистер Т. В. Шор, который, судя по всему, был весьма авторитетным специалистом в этом вопросе, утверждает, что "в целом можно сказать, что чем дальше мы удаляемся от Кента, тем менее многочисленными становятся случаи в любом графстве Англии". Это утверждение подтверждается еще большим авторитетом. "Borough English", говорит Элтон, , "был наиболее распространен в юго-восточных районах, в Кенте, Сассексе и Суррее, в кольце поместий, окружающих древний Лондон, и, в меньшей степени, в Эссексе и Восточно-Английском королевстве". Мистер Э. А. Пикок, однако, отмечает, что в Линкольншире есть семь мест, где этот обычай все еще сохраняется: Хибальдстоу, Кедби, Киртон-ин-Линдси, Лонг-Беннингтон, Нортон (Бишопс), Торесби и Уотхолл; и далее он обращает внимание на тот факт, который, безусловно, является наиболее важным, что этот обычай можно проследить почти по всей Европе, за исключением Испании и Италии, и вплоть до границ Китая и Арракана. По-немецки он называется *jungsten-recht*; а практика, за которую он выступает, существовала, среди прочих мест, в Реттенбурге в Вестфалии. Как же она стала известна под названием "Боро Инглиш"? Причиной тому служат два вида владения - английское (Burgh Engloyes) и франкское (Burgh Francoyes), - которые встречаются в разных частях города Ноттингема в эпоху правления Эдуарда III. Боро Инглиш был местным обычаем, которому удалось устоять против последствий норманнского завоевания.

Как уже говорилось, английский язык боро был в моде по всему Лондону - в Ламбете, Воксхолле, Кройдоне, Стрейтеме, Лейхем-Корте, Шене или Ричмонде, Ислеворте, Сионе, Илинге, Актоне и Эрлс-Корте. В некоторых из этих мест - Фулхэм, Уимблдон, Баттерси, Вандсворт, Барнс и Ричмонд - "младший холдинг" переходил не только к мужчинам, но и к женщинам; и в Ламбете (и в Киртон-ин-Линдси в Линкольншире) существовало то же самое соглашение, которое было обнаружено в Браунтоне в Девоне. Это равное деление между дочерьми мистер Шор рассматривает как "промежуточную стадию между английским Боро и Гавелкиндом". Последний является характерным "обычаем Кента" и означает, что земля была "партикулярной" и наследовалась сыновьями в равных долях, младший сын сохранял усадьбу и выплачивал своим братьям компенсацию за добавление к своей доле. Таким образом, Borough English и gavelkind, хотя и не одно и то же, но очень близки; и это интересный вопрос, какой из них предшествовал другому. Возможно, gavelkind - более древний, а Borough English - пережиток или искажение того, что на первый взгляд кажется более справедливым положением вещей. С другой стороны, gavelkind мог быть, так сказать, привит к более простому употреблению, которое общество, в силу изменения обстоятельств, переросло и перестало иметь то же оправдание, что и вначале.

Почему младший сын должен был получить наследство? Одно из объяснений заключается в том, что предполагалось, что он менее всего способен обеспечить себя. Однако это выражает лишь половину истины. Вторую половину, как нам кажется, предоставил мистер Пикок:

"Самым популярным объяснением в прошлом [восемнадцатом] веке была клевета, известная как *mercheta mulierum*, ныне известная как злобная басня, популяризированная романистами и драматургами. Другое предположение состоит в том, что это обычай, сохранившийся от какой-то доисторической расы; третье - что он вырос в разных точках....". Мистер Пикок считает последний вариант наиболее вероятным. "Только когда население становится относительно плотным, земля, помимо того, что она производит, представляет собой какую-то ценность. Однако скоро наступит время, когда земля будет иметь

самостоятельную ценность. Хорошая земля вскоре будет занята, и во времена примитивного способа культуры третьесортная земля не будет иметь ценности. Тогда отец-домохозяин в силу обстоятельств вынужден будет перед смертью обеспечить сыновей, разделив между ними родовой надел.

"Здесь мы имеем дело с происхождением gavelkind - формой передачи наследства, более распространенной, чем даже ульtimo-генитурa или боро-английский. Однако гавелкинд мог быть лишь временной формой. По мере роста населения становилось совершенно необходимым, чтобы молодые мужчины в семье создавали для себя новые поселения. Именно этим фактом объясняется огромная миграция населения, происходившая, когда Римская империя находилась в затяжной предсмертной агонии. Потоки людей, хлынувшие в разлагающуюся империю, рассматривались древними историками как свидетельство кочевого варварства. Мы же, с нашими современными представлениями, скорее говорим, что они указывают на слишком плотное население, которое не могло прокормить свои собственные дома.

"Само собой разумеется, что старшие сыновья должны были отправиться на Запад и выстроить себе новые дома; но когда стая уходила, все сыновья не выходили из-под крова родного дерева. Один, как правило, самый младший, должен был остаться. На него ложилась обязанность заботиться о стариках и незамужних сестрах. На него в свое время переходили обязанности по совершению жертвоприношений, связанных со священным очагом; а когда отец умирал, к нему переходило отцовское жилище с пашней, лугом, правами на лес и воду. Здесь, как мы полагаем, кроется ключ к происхождению английского языка Боро".

Открытое поле

Теперь мы переходим к методам обработки земли в открытом поле - условиям раннего сельского хозяйства. Есть основания полагать, что во времена английского поселения экстенсивная обработка почвы должна была существовать, во всяком случае, в той или иной степени; но вскоре она была вытеснена интенсивной культурой. Определенные поля были отведены под выращивание конкретных культур, а границы их были обозначены большими валами или насыпями. Рядом с этими пахотными полями находился участок луговой земли, куда не допускался скот на время, необходимое для выращивания и перевозки сена. После завершения уборки урожая и в течение всей зимы скот мог свободно разгуливать по стерне пахотных полей и по луговым угодьям, а также по пустырям, которые были их уделом.

Поскольку невозможно было из года в год собирать урожай с одних и тех же полей, не обедняя при этом почву, в некоторых местах эта система была заменена на другую: одно или два поля обрабатывались, а остальные оставались под паром. Это изменение не всегда считалось необходимым для предотвращения истощения или ухудшения состояния земли; поэтому возникла третья система - так называемая "трехпольная", при которой из трех пахотных полей два обрабатывались одновременно, а одно лежало под паром. Именно третий план в итоге оказался наиболее предпочтительным. Ранней осенью поле, пролежавшее все лето под паром, вспахивалось и засевалось пшеницей, рожью или другой кукурузой; а весной стерня поля, давшего последний урожай пшеницы, вспахивалась, и на ней сеяли ячмень или овес. На третьем поле, где предыдущим урожаем был ячмень, стерня оставалась до первых чисел июня. Затем ее вспахивали и оставляли в таком состоянии до осеннего посева свежей культуры. Профессор Каннингем, чьим рассказом мы здесь руководствуемся, представил удобную схему или диаграмму, которую мы осмеливаемся воспроизвести в качестве помощи для понимания предмета:

	I. Пшеница (или рожь) посеянная	II. стерня пшеницы	III. Щетина ячмень
Январь	посевная	пшеница	ячмень (или овес)
Март		сеять ячмень	
Июнь			Вспахать и оставить под паром
Август		Жатва	
Октябрь			Пахать и сеять пшеницу
	Пшеница стерня	Ячмень стерня	

Этот график отражает работу за один год. В следующем году первое поле займет место второго, второе - третьего, а третье - первого. Процесс повторялся на третий год, и таким образом ротация сохранялась. Были районы, в которых трехпольная система вытеснила двухпольную, а были и такие, в которых ни одна из них полностью не вытеснила другую. В конце концов, обе эти системы уступили место более современному методу четырехпольного земледелия. Трехпольная система земледелия, возможно, восходит к далекому царствованию короля Ина, когда, как кажется, было принято возделывать открытые поля в той или иной форме. В таком случае поля, на которых росли кукуруза и трава, должны были быть огорожены на время; один из законов короля Ине касается признания или пренебрежения этой соседской обязанностью:

"Если у чурлов есть общий луг или другая партикулярная земля^[15], которую нужно огородить, и одни огородили свою часть, а другие нет, и (скот забредает туда и) поедает их общую кукурузу или траву; пусть те, кто владеет пробелом, возмещают другим, огородившим свою часть, ущерб, который может быть нанесен, и пусть они требуют такого правосудия в отношении скота, какое будет правильным. Если же найдется зверь, который ломает изгороди и заходит всюду, и тот, кто владеет им, не может его удержать, пусть тот, кто найдет его на своем поле, возьмет его и убьет, а хозяин пусть возьмет его шкуру и плоть, а остальное отдаст в залог".

Этот закон представляет собой картину полей, разделенных временными заборами, на которых, при трехпольной системе, два поля обрабатывались бы, а третье оставалось бы под паром. Одно большое поле в тридцать акров имело бы шестьдесят отдельных полос, причем узкая полоса дерна служила бы в каждом случае линией разграничения. На каждое подневольное хозяйство во времена Исповедника землевладелец выделял пару волов для обработки; и они могли быть объединены в мощную команду из восьми или двенадцати человек, похожую на манориальные команды, хотя зафиксированы плужные команды разной численности, и в эффективности некоторых из них можно усомниться.

Если вола были, то очевидно, что для их содержания должны были быть предусмотрены средства, которые заключались в сене с луга, в пастбище на общих отходах, а также на пашне и других полях в промежутке между уборкой урожая и посевной. Вопрос о том, были ли землепашцы подневольными или свободными, вероятно, не имел никакого значения для того, как велись сельскохозяйственные работы.

Крах этой системы можно объяснить нехваткой рабочей силы, вызванной, в частности, Черной смертью. Когда людей не хватало, необходимым следствием было расширение пастбищ и сокращение обработки земли; этому двойному процессу способствовали массовый отток рабочих в города и политика огораживания, к которой землевладельцы прибегали в качестве средства защиты. Лишенные своих квинт-рентов и не имея средств для выплаты заработной платы в достаточном размере, если предположить, что труд можно было получить на разумных условиях, землевладельцы прибегали к единственному оставшемуся у них средству. У них была земля, и у них был скот; чтобы спастись от абсолютного разорения, они сдавали землю арендаторам, которые забирали скот и, возможно, по мере необходимости заменяли его своим собственным скотом. Эта революция, разразившаяся уже в XIV веке, проложила путь к нынешнему порядку вещей, при котором арендатор платит фиксированную арендную плату за пользование землей и зданиями и находит капитал для ведения хозяйства.

Отходы

Далее нам предстоит разобраться с отходами. Значение этого термина понятно - он означает землю, которая из-за бедности почвы или по другим причинам никогда не обрабатывалась. Коммоны, которые до сих пор сохранились, в основном относятся к этому описанию, а более ценные земли были возвращены во время одного из последовательных периодов огораживания, или частичного огораживания.

Изначально, без сомнения, такие земли принадлежали семье или септу, которые использовали их как лес для дичи или как пастбище для скота. В отличие от пахотного поля или общего луга, она не распределялась на участки, а использовалась совместно всеми, кто обладал правом ее пасти. Преподобный Н. Л. Уитчерч в своей статье в "Антикваре", описывающей, как мир вилял в его приходе Блубери, Беркс, в восемнадцатом веке, замечает: "В те времена на пастбищах были "коровьи уголья", и дорога из деревни до сих пор называется "коровьей дорогой". Рано утром мужчина собирал различных коров деревни, которых он отгонял на пастбище на весь день. Старинный колокол, в который он звонил у подножия "коровьей дороги", до сих пор сохранился в деревне".

В саксонские времена покупка скота отдельным человеком была делом всей общины, в которой он жил. По закону короля Эдгара, если человек во время путешествия покупал скот, то по возвращении он должен был вывести его на общее пастбище "со свидетельством жителей деревни". Если он не делал этого в течение пяти ночей, горожане должны были сообщить об этом старейшине сотни, и скот конфисковывался: лорд получал одну половину,

а сотня - другую. Если горожане не справлялись со своей обязанностью, пастуха подвергали порке. Для выкупа скота свидетелей из волости было недостаточно. На каждую сотню назначалось двенадцать постоянных свидетелей, и покупатель должен был найти двух или трех из них, чтобы обеспечить их присутствие на сделке.

Какой бы ни была первобытная структура общества, в исторические времена три стороны имели интерес к отходам. Блэкстон определяет отходы как "прибыль, которую человек имеет на чужой земле, например, чтобы кормить своих зверей, ловить рыбу, копать дерн, рубить дрова и тому подобное". Теоретически отходы принадлежали королю, который передавал их часть отдельным лордам или религиозным домам, и они таким образом становились признанными владельцами земли. В случае объявления вне закона или отмены приговора отходы возвращались к короне, которая, согласно обычаю, владела ими в течение года и одного дня. В-третьих, *право пользования* землей для различных определенных целей принадлежало жителям определенных волостей или сотен, было приложением к определенным наделам или сохранялось в качестве сервитута при продаже земли.

Некоторые очень интересные вопросы, вытекающие из этого совместного владения, были подняты в судах в конце тринадцатого века, в частности, право на обыск с целью выяснения, не находится ли на общей территории больше животных, чем имеет право поместить одна из сторон, и, если это так, на их конфискацию. Являлось ли это право неотъемлемой частью манора или же оно также вытекало из откровенного владения в конкретной деревне? В одном из случаев, когда лорд лишил скот излишнего количества животных, суд вынес решение не в его пользу, а в пользу простолюдина, которого он обвинил в "незаконном" захвате его скота. Но, несмотря на это решение, в этом вопросе сохраняется некоторая неопределенность, о чем свидетельствует отчет о судебном процессе, рассмотренном в Мидлсекском итере в 1294 году.

"Роберт Фицнель подал иск о реплегии против Ричарда, сына Джона, заявив, что тот насильно забрал его скот в лесу аббата Хорведа, бывшем лесу короля Генриха, которым он был отдан в качестве залога Н., предку Ричарда".

"Уорик: "Сэр, мы предлагаем утверждать, что Роберт и все те, кто владел землей в Н., которую он держит, были захвачены на все времена и т.д., из общего в лесу, где его захват был сделан, как неотъемлемая часть их откровенного владения....".

"Гоузфилд передал, вернулся и сказал: "Сэр, мы расскажем вам правду об этом деле; и мы говорим вам, что место, где было сделано взятие, было лесом короля Генриха; и Генрих пожаловал то, что было лесом, нашему предку в порядке пожалования; и что в том пожаловании, согласно обычаю этого пожалования, никто не мог завести больше скота, чем могло быть выкормлено или перезимовано на продуктах земли, которой он владел в том же пожаловании; И поскольку Роберт привел своих зверей со своих земель, которые он держал в другом месте, и эти звери не могли кормиться или зимовать на земле, которую он держал в пределах этой бухты, вопреки обычаю и традиции этой бухты, он (Ричард) взял их, и т.д...."

"Уорик: "Сэр, сначала они признали факт захвата и сказали, что у нас не должно быть ничего общего; а теперь они признали наше право на общее частично, а именно в отношении зверей, которых можно зимовать...

"Гоузфилд: "Ассиз леса известен всем, а именно, что никто не может иметь в нем больше общего скота, чем может быть выкормлено с этой земли".

"Уорик (он говорил от имени короля): "Ричард, претендуешь ли ты на владение лесом?

"Гоузфилд: "Нет, сэр. Но король Генрих пожаловал и отдал его нам, чтобы мы держали его в качестве гона так же, как он держал его, пока он был королевским лесом; и у нас есть три суэйн-мота в год для поиска и выяснения, не помещает ли кто-нибудь туда больше зверей, чем должен помещать; и поскольку король Генрих пожаловал его нам, чтобы мы держали его так же, как он держал его, нам кажется, что нет необходимости проводить дознание".

Хертфорд [судья]: "Вы принимаете утверждение или нет?"

Гоузфилд (вынужденный согласиться с утверждением) сказал: "Сэр, они никогда не владели общей землей для большего количества скота, чем могло бы зимовать, кормиться и содержаться на этой земле".

К этому отчету прилагается примечание, в котором закон излагается в ином смысле, чем было сказано ранее. Оно гласит следующее:

"Тому, кто заявляет о бедственном положении, недостаточно сказать, что он заявляет о захвате и т.д., поскольку он нашел зверей в своем домике в таком-то месте или в общем месте, где у него не было общего права; ибо может оказаться, что ни одна из сторон не имела общего права; и поэтому недостаточно сказать, что он нашел их на своем пастбище, или сказать что-нибудь другое, что касается его самого и дает ему право конфисковать то, что он нашел. Ибо никто не может объявить о бедствии на общем пастбище, кроме господина земли общего пастбища. Ибо если кто-либо из простолюдинов даст клятву за зверей, взятых на общем пастбище, из этого следует, что, если дознание будет проходить против истца, тот, кто дал клятву о взятии на общем пастбище, должен будет вернуть зверей и возместить ущерб, а не хозяин пастбища, и это было бы неправомерно. Но это не относится к случаям, когда король является господином общего пастбища, а несколько лиц, владеющих им в сокаже, имеют общее, потому что в этом случае любой человек, имеющий общее, может заявить о хорошем бедствии. Причина в том, что король не будет стороной в таком деле и не будет никого огорчать".

В средневековой сельской жизни коммуны могли быть как манориальными, так и лесными. Епископ Стаббс в своей "Конституционной истории" утверждает, что "ни сотни Англии, ни графства, похоже, никогда не имели общих земель". Что касается сотен, то при огораживании общего участка земли были выделены несколько волостей Кнаресборо, и сам Стаббс допускает, что "это, кажется, справедливый пример общих земель сотни". Аналогично, в сотне Коленс в Саффолке есть пастбище, общее для всех жителей. Но в каждом случае мы, вероятно, должны проводить различие между пользованием и владением; и то же самое различие применимо к графствам, иначе случай с девонширскими общинами мог бы опровергнуть эту сентенцию.

Девонширские владения не следует путать с Дартмурским лесом. Они представляют собой скорее пурлиус и, в целом, обеспечивают лучшее пастбище, чем сам лес. Они также не идентичны общинам отдельных виллов - манориальным или приходским общинам. Все жители графства могут считаться обладателями доли в Девонширских коммунах, за исключением жителей Барнстапла и Тотнеса. Причина в том, что эти районы не были облесены вместе с остальной частью графства, и их жители не получили никаких новых привилегий, когда Девоншир был обезлесен. Остальные жители сохранили все права, которыми они пользовались ранее, не только в отношении Девонширских общин, но и Дартмурского леса, частью которого в какой-то ранний период - до эпохи перамбуляций, в которую они не были включены, - эти общины, несомненно, являлись. Одним из следствий широкого распространения общего права было то, что здесь не действовало правило *levant u couchant*. Естественно, когда все жители Девоншира имели право на пользование землей,

невозможно было установить предел количеству скота, который можно было заводить по всей длине и ширине графства.

Выше упоминалось, что королевские леса в некоторых отношениях занимают иное положение, чем другие земли, на которых действует общее право. Дартмур, хотя и является собственностью принца Уэльского в качестве герцога Корнуолла, по всем признакам может считаться соответствующим этому описанию, и поэтому особый интерес представляют обычаи, которые преобладали и все еще преобладают в его пределах.

Вопрос о "правах Венвиля на Дартмуре" привлек внимание очень способного писателя, а также опытного антиквара, покойного мистера У. Ф. Коллиера; и хотя эта тема рассматривалась и другими исследователями, именно от него мы получили основную часть информации об этом весьма примечательном аспекте обычаев. Во-первых, что касается названия. "Венвиль" - это провинциальное словосочетание *finis villarum*, когда каждая деревня платила большую или меньшую сумму за право пастбы; и некоторые приходы или поместья на окраине леса считались "в Венвиле". "Обход [1224 года], - говорит мистер Биркетт, - устанавливает три важных факта: что болото изначально было частью королевского леса; что общины Девона и близлежащие приходы когда-то были частью леса; и что болото не является пустырем для манора". Поселения были разделены на четыре бейлики - северный, южный, восточный и западный; штрафы, подлежащие уплате, составляют слишком длинный список, чтобы приводить его полностью. Однако ниже приведены образцы: Городок Трулег (Throwleigh), 2 с. 6 д.; приход Саут-Тотон, 7 с. 4½д.; приход Селе (Южный Зил), 6½д.; деревня Лоуингтон, в приходе Миви, 2д.; деревня Гадамеви (Годамеви), в том же приходе, 2д.; приход Чагфорд, 12д.; деревня Тайгнкомбем, с [внутри?] прихода Чагфорд, 4с. Это было в 1506-7 годах. В обмен на эти платежи простолюдины имеют определенные "венвильские" права, которые распространяются на собственно лес и Девонширские владения и включают в себя добычу камня и песка для собственных нужд. Но наиболее ценным является право на выпас или выгул скота, особенно пони. Герцогство, со своей стороны, претендует на право "дрейфа" - живописного выживания, которому мы вполне можем уделить некоторое внимание.

Разделение леса на четыре квартала по-прежнему сохраняется, каждый из них находится в ведении бурмистра; на этих обширных участках и в прилегающих коммунах арендаторы выпускают овец, быков и пони пастись по своему усмотрению. Осенью животных перегоняют на традиционное место, чтобы их могли забрать хозяева. Существует дрифт для быков и дрифт для пони, из которых первый наступает раньше; в каждом квартале есть свои дни дрифта, которые обычно отличаются. В любом случае, о дне дрейфа не сообщается, но около двух часов ночи посыльный сообщает погонщику, что он должен "загнать" свой квартал для быков или пони. После этого, согласно заведенному порядку, он поднимается на торс и трубит в рог, призывая жильцов помочь в прогоне. В западном квартале раньше стоял камень, через отверстие в котором было принято дуть в рог, но теперь этот камень украшает стену в живой изгороди.

Дрейф до моста Мерривейл осуществляется людьми на лошадях, пешими людьми и собаками под аккомпанемент рожков и гудков; когда все животные собраны, чиновник герцогства занимает место на древнем камне и зачитывает воззвание, по которому владельцы призываются, скажем, к своим пони. Венвильские арендаторы указывают своих животных, не внося никакой платы, но другие лица - а право на пастбища ни в коем случае не оспаривается, почти весь Девоншир зарос лесом - должны заплатить штраф за каждое животное. Они также должны оплачивать тривиальную плату за ночной отдых, которая, как предполагается, возникла из-за старого обычая, запрещавшего кому-либо оставаться в лесу

ночью, что влекло за собой соблазн к браконьерству. Невостребованное животное отгоняют в Даннебридж-Паунд и держат там несколько недель, по истечении которых, если оно все еще невостребовано или если владелец отказывается платить за фунт и т. д., его продают в пользу герцогства.

Каждый квартал болота имеет свой особый знак для пони, состоящий из круглого отверстия у основания или кончика ближнего или дальнего уха, через которое продевается кусок веревки, таким образом, получается четыре разных знака.

Некоторые из этих древних обычаев пришли в запустение. Последний раз рог звучал в 1843 году, а четыре четверти теперь отданы в распоряжение стольких "швартовщиков", которые стараются извлечь из них как можно больше прибыли. Однако и по сей день ни в Дартмуре, ни в Девонширском поместье ни одному человеку не отказано в пастбище для его пони или скота.

Бондмены

От вилланов мы, естественно, перейдем к тем, кого в древности - сейчас это слово имеет другое значение - называли *холопами*. В ходе этой работы нам не раз доводилось упоминать о существовании в Англии несвободного класса, на который более гордые и благополучные люди смотрели с немалым презрением, и поэтому наш рассказ лишился бы необходимого элемента полноты, если бы не коснулся в какой-то мере этого поразительного явления средневековой английской жизни. Эта тема слишком обширна и сложна, чтобы обсуждать ее с какой-либо приближенностью к полноте, но некоторые ее аспекты могут быть представлены, и даже *должны быть* представлены, поскольку, как мы уже говорили, они дополняют уже изложенные положения о социальных отношениях.

О положении тех, кто находился под клеймом рабства, довольно убедительно говорит отчет о разбирательстве в Мидлсекском итере 1294 года:

"Некий А. подал иск о заключении в тюрьму против Б.

"Хейлхэм (за Б.): "Ему не следует отвечать, ибо он наш холоп".

А.: "Свободный человек и свободное состояние, готов и т. д."

"Хейлхэм сказал как прежде.

"Метингем [судья]: "Он не может дать более высокий ответ в судебном приказе по делу Нейфти".

"Хейлхэм: "Мы скажем вам правду; его отец был нашим холопом и владел нашей холопской землей в деревне, упомянутой в его графе, и где он был взят; и он породил этого А., а также одного Б., его брата, которого мы теперь захватили, как нашего холопа; и этот А. вышел из пределов холопства, а потом вернулся, и мы нашли его у очага в его собственном гнезде, и мы взяли его как нашего холопа, как может поступить каждый господин; и мы просим суда".

"Метингем: "Если мой холоп родит ребенка на моей земле, которая находится в холопстве, и этот ребенок выйдет за пределы моей земли, и через шесть или семь или более лет после этого вернется на ту же землю, и я найду его в его собственном гнезде и у его собственного очага, я могу взять его и обложить налогом как своего холопа по той причине, что его возвращение приводит его в то же состояние, в котором он был, когда уходил.

Хейлхэм: "Он упал в яму, которую сам себе вырыл".

Мы должны остерегаться приписывать эту доктрину Нейфти нормандскому завоеванию, которое просто дало названия; по определенности и жестокости ничто не могло превзойти практику крепостной зависимости при саксах. "Раб, - говорит Грин, - становился частью живого фонда поместья, чтобы быть завещанным после смерти вместе с лошадью или ослом, чья родословная велась так же тщательно, как и его собственная. Его дети были такими же кабальеры, как и он сам; даже дети свободного человека от матери-рабыни унаследовали материнский отпечаток. "Мой тот теленок, что родился от моей коровы", - гласит английская пословица". В том же отрывке он отмечает, что число крепостных постоянно увеличивалось по разным сопутствующим причинам - война, преступность, долги, нищета - все это способствовало тому, что люди попадали в вечную кабалу.^[16] Деграция свободных людей в крепостных оставалась неприятной возможностью до тех пор, пока сохранялась система.

Сельскохозяйственное население фактически состояло из трех элементов. Во-первых, это господин, во-вторых, его свободные арендаторы, и в-третьих, холопы или крепостные. Основное различие между двумя последними классами заключалось в том, что свободные арендаторы обладали правом собственности на свои наделы и имущество. Они могли покупать, продавать или обменивать без вмешательства господина, а в случае спора - подавать на него или на кого-либо в суд. Тем не менее, они находились в определенной степени в подчинении у лорда, поскольку мерины, причитающиеся государству, выплачивались через лорда шерифу за всех, кто владел землей в пределах манора.

Еще одним очень важным отличием свободных арендаторов от холопов была выплата *мерчета* при женитьбе дочерей, что означало, что потомство от таких браков будет законной собственностью господина. От этой выплаты и всего, что она подразумевала, свободные арендаторы были освобождены.

С другой стороны, предиальные услуги могли оказывать как свободные арендаторы, так и холопы. Об этом свидетельствует запись в Domesday:

"De hac terra [Longedune] tempore Regis Edwardi tenebant ix liberi homines xviii hidas et secabant uno die in pratis domini sui et faciebant servitium sicut eis precipiebatur."

Многое зависело от капитала, которым обладал свободный арендатор, который мог решить восполнить его недостаток за счет телесного труда. У холопа не было капитала, он был просто инструментом, как и скот, за который он отвечал, в работе поместья. Он был привязан к земле, с которой были связаны все его интересы, и рассматривался как инвестиция, в которой господин имел вечную долю. Именно лорд обеспечивал его средствами к существованию, и в обмен на это лорд требовал от него и его детей пожизненной службы.

Из "Rectitudines Singularum Personarum", документа одиннадцатого века, мы узнаем, что *коцетль*, владеющий примерно пятью акрами земли, должен был работать на своего господина один день в неделю в течение всего года^[17], и это называлось *недельной работой*. Он также должен был давать то, что называлось *boon-work*, то есть три дня в неделю во время сбора урожая. Другим типом несвободного арендатора был *гебур*, владевший двором площадью около тридцати или сорока акров, на котором при въезде в дом находились два вола, одна корова, шесть овец, инструменты и домашняя утварь. Его недельная работа составляла два или три дня в неделю, в зависимости от времени года; зимой он должен был "лежать на у своего господина", когда его просили; кроме того, он должен был вносить свой вклад в работу по благодеяниям. Также необходимо было вносить определенные платежи.

Первая попытка регламентировать заработную плату была предпринята в статуте 12 Ричарда II, сс. 3-7, в преамбуле которого утверждается, что "слуги и рабочие не будут, и в течение долгого времени не будут служить и работать без возмутительной и чрезмерной платы, и таким слугам и рабочим было дано гораздо больше, чем в любое прошлое время, так что из-за нехватки указанных слуг и рабочих мужья и арендаторы земли могут не платить ренту и не жить на своих землях, к большому ущербу и потерям как их господ, так и всех общин; также наем упомянутых слуг в земледелии не был определен до этого времени."

Теперь "наем" был определен, и этот закон наказывал хозяев, которые платили рабочим больше, чем было разрешено по этому закону. Шкала оплаты труда в разные царствования была различной. Здесь мы можем ограничиться положениями статута 11 Генриха VII, который не только определял максимальные выплаты, но и разрешал их снижение на законных основаниях. Таким образом, учитывалась текущая заработная плата в данной местности, которую работодатель не обязан был превышать. В праздники платили меньше, чем в другое время, а если человек ленился по утрам или задерживался во время еды, его могли обложить штрафом по усмотрению хозяина.

Исходя из того, что покупательная способность пенни в XV веке была примерно в двенадцать раз выше, чем сейчас, мы можем составить некоторое представление об экономическом положении различных классов, на которые распространялось это законодательство. Судебный пристав, оказывается, мог получать жалованье в 26 с. 8 д.; простой слуга в земледелии стоил 16 с. 8d. и 4s. на одежду; ремесленник получал в день 5d. летом и 6d. зимой. Отсюда вытекают часы работы, которые зависели от времени года и также регулировались законом. С середины марта до середины сентября они составляли от 5 утра до 7-8 вечера, полчаса на завтрак, полтора часа на ужин и сиесту - с мая по август разрешалось делать поблажки. В зимний период правило гласило, что работать нужно, пока есть световой день.

Упоминались и праздники. Они, хотя и были неизбежны, но, очевидно, рассматривались как опасные сезоны, поскольку любимыми развлечениями рабочих, если они были предоставлены сами себе, были браконьерство и политика. Против этих двух бед советники короля приняли меры предосторожности в акте (13 Rich. II., st. I., c. 13), преамбула которого гласила:

"Поскольку многие ремесленники, рабочие, слуги и конюхи держат борзых и других собак, и в святые дни, когда христианский народ находится в церкви, слушая Божественную службу, они охотятся в парках, воронках и конунгах лордов и других, к очень большому разрушению того же самого, и иногда под таким видом они устраивают свои собрания, конференции и заговоры, чтобы восстать и нарушить верность и т.д."

Поэтому никому, кроме мирян с 40 фунтами *стерлингов* и клерков с 10 фунтами *стерлингов*, не разрешалось держать собак или использовать хорьков, сети, сачки, шнуры или другие приспособления для уничтожения оленей. Вместо того чтобы заниматься столь опасными развлечениями, слугам и рабочим предписывалось "иметь луки и стрелы и использовать их по воскресеньям и святым дням, а также оставить всякую игру в теннис или футбол и другие игры, называемые квоитс, кости, бросание камня, кайлес (кегли) и другие неблагодарные игры". Шаги и кинжалы были запрещены "только во время войны для защиты королевства Англия" - мудрая мера, когда страна была кишит бродягами и в ней было так много ливрейщиков, готовых обидеться на реальное или воображаемое оскорбление.

ДОМАШНИЙ

ГЛАВА XIX

РЕТИНУИ

В конце предыдущего раздела мы упоминали о том, что свиты представляют опасность для трудолюбивых членов политического тела. В этом, заключительном, разделе мы переходим, или, скорее, возвращаемся, от жизни полей к жизни зала. Некоторые сведения о внутреннем убранстве больших домов уже встречались в предыдущих главах, например, в главе "Дети капеллы", но такое специальное упоминание, затрагивающее не более чем религиозную сторону домашнего убранства, оставляет ощущение неполноты, и эту пустоту мы должны заполнить сейчас.

Начиная с опасностей и неудобств, связанных с содержанием свиты, это положение можно легко продемонстрировать. И в городе, и в деревне присутствие вооруженных и праздных хулиганов вызывало обоснованные опасения. Так, когда епископ Даремский посещал парламент, ему приходилось получать лицензию, прежде чем его свита могла разместиться в Стратфорд-ат-Боу; а многочисленные неудобства, причиняемые этими спутниками в сельской местности во времена правления Эдуарда I, стали предметом стихотворной жалобы, которую можно найти в "Политических песнях" Райта. Считается, что одной из причин острой нехватки рабочей силы было то, что дворяне и прочие под видом земледелия держали у себя на жалованье трудоспособных иждивенцев, которые, вместо того чтобы влачить жалкое существование на земле, предпочитали следовать за каким-нибудь воинственным лордом.

Размещение

Как обычно, проблемы начались с самого начала. Всем известен термин "расквартирование", применяемый к солдатам на марше, которых принудительно размещают у лицензированных трактирщиков и других лиц по фиксированным расценкам. На самом деле это очень древний обычай, который тесно и даже линейно связан с обсуждаемой темой.

На заре королевского прогресса в обязанности маршала королевского дома входило обеспечение жильем сопровождавших его членов свиты, и делал он это с помощью заготовки, на основании которой выделял для этого случая лучшие из близлежащих домов, помечая их мелом и безжалостно изгоняя жильцов. Маршал, как можно заметить, не занимался мелом сам - эта задача, по-видимому, была делегирована сержанту-камергеру.

Даже Лондон не избежал этой невыносимой досады, хотя его иммунитет от расквартирования был четко закреплен в ряде хартий. Королевские чиновники, не обращая внимания на святость этих положений, неоднократно вторгались в пределы Сити; а в правление Эдуарда II они дошли до того, что захватили дом одного из шерифов, Джона де Костоуна, и поместили в нем секретаря короля, сержантов, лошадей и упряжь. Шериф действовал смело. Он стер меловые пометки и принялся изгонять назойливых сержантов - возможно, даже самого секретаря, если только, как считает мистер Райли, тот не "тихо ушел". За эту решительную защиту свобод города Костоуну пришлось отвечать перед сенешалем и маршалом королевского двора, заседавшими в Тауэре, но, поскольку наглой агрессии не было оправдания, он не пострадал. Горожане были настолько уверены в своих правах в этом вопросе, что в определенное время - вероятно, во времена правления Эдуарда I - был принят указ:

"Если любой член королевского дома или любой дворянин попытается завладеть домом в пределах города либо с помощью основной силы, либо с помощью доставки [маршала королевского дома], и если при такой попытке он будет убит хозяином дома, то в этом случае хозяин дома должен найти шесть своих родственников [т. е. компургов].т. е. в качестве пособников], которые дадут клятву, причем сам он даст клятву в качестве седьмого, что именно по этой причине он так убил злоумышленника; после чего он будет оправдан".

Предварительное освобождение

Более скромные люди, избежавшие расквартирования, могли еще пожалеть о королевских поездках из-за неосмотрительного использования права выкупа. Подданных заставляли продавать, и хуже всего было то, что королевские поставщики имели привычку платить не наличными, а с помощью казначейского тальона, или бича! Таллом назывался ореховый прут, на котором были сделаны зарубки, указывающие на причитающуюся сумму. Свое название он получил из-за того, что эти палочки составлялись парами: одна была у кредитора, другая - у должника, так что их можно было использовать для сравнения. На практике оказалось, что взыскать долг по этой системе не так-то просто, она допускала самые жестокие поборы и стала предметом многочисленных жалоб в нашей ранней народной поэзии. Так, в "Короле Эдуарде и пастухе":

"Был у меня кателл, а теперь нет;
Они забрали моих зверей и растерзали их,
И платят только за палку дерева...
Они берут гусей, каплунов и кур
И все, что только могут, с сыном.
And reaves us our catell....
Они забрали моих кур и моих гусей
И овец моих со всем руном
И повели их прочь".

Аналогичным образом, когда корабль прибывал в порт с грузом вина, вступала в силу прерогатива *prise*, согласно которой король имел право на "тун перед и один за мачтой" или эквивалент в деньгах.

Королевская знать и "великие лорды земли" пользовались правом преимущественной покупки не только в стране, но и на лондонских рынках. Например, торговцам рыбой не разрешалось покидать Сити, чтобы встретить партию товара "для отправки любому великому лорду или религиозному дому, или для реградаци", пока королевские поставщики не закупят все необходимое для стола своего господина.

Если в город привозили рыбу, ни один торговец не мог купить ее, "пока добрые люди не приобрели то, что им нужно". То же самое происходило и с домашней птицей. До тех пор, пока в церкви Святого Павла не прозвучит звук, птицеводам запрещалось покупать птицу для перепродажи, чтобы "покупатели для короля и великих лордов земли, а также добрые люди города могли сделать хорошие покупки, насколько им будет нужно".

Ливрея

Вот и все о ливрее. Что касается распоряжения полученной таким образом провизией, то оно выражалось термином "ливрея", имевшим в прошлом гораздо более широкое применение, чем в настоящее время. Это слово охватывало все, что доставлялось или выдавалось лордом

своим подчиненным или домочадцам - деньги, продукты, вино, одежду, топливо и свет; но, несомненно, оно использовалось в большей степени для обозначения внешней и отличительной одежды. Гардеробная книга 28 года Эдуарда I и Ордонансы домашнего хозяйства показывают, что офицерам и придворным дамам дарили *roba estivalis* и *hiemalis*. Так часто упоминаемый *livrée des chaperons* относится к капюшонам или наколкам, цвет которых резко контрастировал с цветом одежды, поверх которой они надевались. Впоследствии этот знак принял форму круглого колпака, к которому был прикреплен длинный лирипип, который можно было наматывать вокруг головы, но чаще всего он висел на руке. В одежде городских ливрейщиков его следы можно найти и сейчас.

Это наводит на мысль о том, что ливреи использовались не только членами больших семей, но и братствами и *женщинами*; именно поэтому Чосер в прологе "Кентерберийских рассказов" перечисляет

Галантерейщик и плотник
Веббе, красильщика и кожевника;

и говорит о них:

...они были одеты все в ливреи
Единомышленников и великих братьев.

Статут 7 Генриха IV предоставил эту привилегию "ремесленникам городов королевства", подтвердив тем самым предыдущие акты времен Эдуарда III и Ричарда II, которые санкционировали ношение ливреи людьми и членами гильдий, но запрещали раздавать значки приверженцам, которые принимали их в знак готовности помочь своему покровителю в любой частной ссоре. Такая практика представляла серьезную угрозу спокойствию короля.

Запрет был возобновлен 8 Эдуарда IV., с. 2., который налагал штраф в сто шиллингов на каждого человека, "кроме его слуги, офицера или человека, сведущего в том или ином законе", которого удерживал любой человек "какого бы сословия, степени или состояния он ни был". Штраф должен был быть повторен за каждый месяц, "когда любой такой человек удерживается им по клятве, письму, договору или обещанию", и аналогичное наказание налагалось на удерживаемого человека. Но было много исключений: "При условии, что этот ордонанс не распространяется на любую ливрею, которая дается или будет дана при коронации короля или королевы, или при посвящении архиепископа или епископа, или при возведении, создании или бракосочетании любого лорда или леди, или при создании рыцарей Бани, или при поступлении любого клерка в любой университет, или при создании сержантов в законе, или любой гильдией, братством или тайной корпорацией, или мэром и шерифами Лондона, или любым другим мэром, шерифом или другим главным должностным лицом любого города, боро, поселка или порта этого королевства Англии на данный момент, в течение этого времени и для исполнения их должности или занятия; ни на какие значки или ливреи, которые будут даны в защиту короля или этого королевства Англии; ни на констебля и маршала, ни на любого из них за выдачу какого-либо значка, ливреи или жетона за любой такой подвиг, который будет совершен в пределах этого королевства; ни на любого из надзирателей в Шотландии за какие-либо ливреи, значки или жетоны, которые будут даны от Трента к северу, только в то время, которое будет необходимо для сбора людей для защиты указанных походов или любого из них."

Домохозяйство эпохи Средневековья

В доме крупного дворянина или церковного деятеля иногда собиралось огромное количество людей, и если мы хотим узнать, в каких сложных масштабах могло вестись домашнее хозяйство подданных, нам не остается ничего другого, как обратиться к рассказу Гаскойна о колоссальной свите кардинала Вулси. Заявив, что амбициозный церковник имел при себе "людей с большим состоянием, а для его охраны - самых высоких йоменов в королевстве", он продолжает:

"И, во-первых, что касается его дома, то вы должны понять, что у него в зале было три коллегии, которые содержались тремя офицерами, то есть управляющим, который всегда был священником, казначеем, который всегда был рыцарем, и контролером, который был эсквайром; также исповедником, врачом, тремя маршалами, тремя швейцарами в зале, кроме того, двумя альмонерами и конюхами.

"Затем у него в кухне было два канцеляриста, канцелярист-контролер и землемер над комодом, с канцеляристом в прядильне, которые постоянно поддерживали беспорядок в зале; также у него было в кухне два повара, рабочие и дети, двенадцать человек; четыре человека в буфетной, два старшины кондитерской, с двумя другими кондитерами под старшинами.

"На кухне у него был мастер-повар, который ежедневно ходил в бархате или атласе, с золотой цепью, кроме того, в той же комнате находились еще два повара и шесть рабочих.

"В кладовой - один старшина и конюх; в буфетной - один старшина и два конюха; в маслобойне - два старшины и два конюха; в овчарне - столько-то; в погребе - три старшины и три пажа; в караульной - два старшины; в вафельной - два старшины; в платяном шкафу - гардеробщик и двадцать человек сверх того; в прачечной - старшина, конюх и тринадцать пажей; в пекарне - два старшины и конюх; в дровяном дворе - один старшина и конюх; в амбаре - один старшина; носильщики у ворот - два старшины и два конюха; старшина на своей барже и хозяин своей лошади; конюший и старшина той же конюшни; кузнец и старшина стремянного; солодовник и шестнадцать конюхов, каждый из которых держит четырех меринов.

"Теперь я объявлю вам о служителях его часовни и певчих той же часовни. Во-первых, у него был декан, великий провидец и человек превосходной учености; и субдекан, регент хора, евангелист, эпистлер певчих священников и учитель детей: в ризнице - йомен и два конюха, кроме других служителей, которые приходили туда на главные праздники.....

"Теперь вы поймете, что у него было два крестоносца и два столпоносца; в его большой палате и в его частной палате все эти люди, главный камергер, вице-камергер, джентльмен-судья, кроме одного из его частной палаты; у него также было двенадцать официантов и шесть джентльменов-официантов; также у него было девять или десять лордов, которые имели каждый из них двух или трех человек, чтобы ждать его, кроме графа Дерби, который имел пять человек.

"Затем у него было сорок человек джентльменов-чашников, и резчиков, и швей, как в большой, так и в частной палате; шесть йоменов-ашеров, восемь конюхов его палаты; также у него были милостынники, которые ежедневно ожидали его за обедом, двенадцать докторов и капелланов, кроме них из его часовни, которую я никогда не перечитывал; клерк его шкафа, и два секретаря, и два клерка его сигнета; четыре советника, сведущих в законах.

"А поскольку он был канцлером Англии, необходимо было иметь при нем офицеров канцелярии, чтобы лучше обставлять ее.

"Сначала у него был канцелярист по верховой езде, канцелярист короны, канцелярист корзины и чейфер; затем канцелярист чека, как для капелланов, так и для камер-юнкеров; у него также было четыре лакея, одетых в богатые плащи, когда бы он ни отправлялся в путь. Затем у него были герольд, лекарь, аптекарь, четыре менестреля, хранитель его палаток, оружейник и инструктор его палат, инструктор его гардероба одежд, хранитель его палаты постоянно; у него также был в его доме землемер Йорка, клерк зеленого сукна. Все они ежедневно присутствовали, спускаясь и поднимаясь; а при мясе у него было восемь постоянных досок для камергеров и джентльменов-офицеров, одна - для молодых лордов, другая - для джентльменов; кроме того, никогда не было ни одного джентльмена, или офицера, или другого достойного человека, но он держал двух, трех человек для их обслуживания, а все остальные по меньшей мере имели одного, что составляло большое число людей.

"Теперь, объявив порядок, согласно цепному валу, использования его дома, и какие офицеры у него ежедневно присутствовали для его оснащения, кроме того, кавалеры и другие лица, будучи ухажерами, [которые] обедали в зале: и, когда мы еще увидим таких подданных, которые будут содержать такой знатный дом? Поэтому вот и конец его хозяйству; число людей в цепи было восемьсот человек".^[18]

Менестрели и пажи

Одно из подразделений семьи Вулси, возможно, не осталось незамеченным - менестрели. Как класс, эти музыканты, несомненно, были непостоянны, так что термин "бродячие", применяемый к ним, имеет почти характер постоянного эпитета. Но в "Романе сэра Дегреванта" упоминается "собственный менестрель" графа, и, если эти артисты не были постоянными членами заведения, они всегда были "с большим допуском" в дома знати, которая относилась к ним с большим почтением и либеральностью. Естественно, статус менестрелей был разным. Из тех, кто выступал перед Эдуардом I на Уитсантиде и был разделен на ранги, пятеро названы "королями", и каждый из них получил по пять марок. Зафиксировано, что менестрелю был вручен ценный золотой кубок, но обычными подарками были мантии и одежда.

Что означает фраза "большой вход", становится ясно из указа Эдуарда II, опубликованного в 1315 году и вызванного нечестной практикой некоторых лиц, которые устраивали развлечения под видом менестрелей. Поэтому было приказано, чтобы "в домах прелатов, графов и баронов никто не прибегал к мясу и питью, если он не менестрель, и чтобы из этих менестрелей никто не приходил, кроме трех или четырех почетных менестрелей, не более чем за один день, если только он не пожелает от господина дома; А в дома людей поскромнее пусть никто не приходит, если не пожелает; и чтобы те, кто придет, довольствовались мясом и питьем и такой любезностью, какую хозяин дома проявит к ним по своей доброй воле, не прося ни о чем."

Менестрели, однако, в конечном итоге были лишь эпизодом. Они служили для развлечения и увеселения, а также для сохранения памяти о великих деяниях и чувствах правды и чести. Но по сути своей они были роскошью, а не необходимостью, ибо обстоятельств грубой эпохи было достаточно, чтобы увековечить созданный ею тип. Более стабильные и значимые элементы мы должны искать в другом месте. Как нижняя ткань общества опиралась на

скромного подмастерья, так и его верхний каркас зависел от страницы как хранилища традиций и залога будущего. Уже в правление Генриха II, а возможно, и раньше, сыновья дворян и джентльменов поступали на службу при дворе короля, в баронские залы и епископские дворцы в качестве "пажей". Для этих отпрысков рыцарства - и аналогичное замечание относится к "демуазелям", их сестрам, - такие места были школой манер, где они учились послушанию и почтению к своим старшим и старейшинам; со временем они достигали звания оруженосца и, в конце концов, рыцарского пояса. Принятые в семью лорда на самых лучших условиях, в соответствии с их рождением и связями, они, тем не менее, должны были ждать за столом и выполнять другие обязанности, которые сейчас считаются рутинными, например, ходить за лошадью лорда; и, пока их образование не было завершено, они должны были подчиняться его приказам, какими бы они ни были.

Возможно, первой из многих книг по этикету на английском языке является трактат, написанный Гроссетесте для Маргарет, графини Линкольн, и озаглавленный "Reules Seynt Robert". Здесь говорится о том, что слуги и прислуга должны обладать хорошим характером, быть верными, прилежными; а если они ропщут или ослушиваются, их следует уволить, поскольку на их место найдется много других.

Мы видели, что кардинал Вулси имел в своем доме молодых джентльменов. Так было и с Томасом Бекетом, один из протеже которого был наследником престола. Другой церковник, Лонгшамп, епископ Эли и канцлер Ричарда II, был печально известен строгостью своей дисциплины по отношению к молодым и знатым членам своего заведения.

Вряд ли можно сомневаться в том, что этот обычай возник на основе военных требований раннего тевтонского общества; и по мере того, как утихали частные войны, статус пажа все более ухудшался, пока в правление Елизаветы мы не увидели его изнеженным домашним, чей дерзкий вид и вульгарное платье представляли собой все, что осталось от грозного войска, вооруженного мечом и пряжкой. Бен Джонсон осуждает и высмеивает это превращение в строках, которыми вполне можно завершить настоящий том. Хозяин пьесы отказал своему сыну в качестве пажа лорду Ловелу, заявив, что скорее повесит его, чем "проклянет его на этот отчаянный путь жизни".

Ловел. Называть тебя отчаянным, что по линии
от наших предков,
Перешел к нам и был принят
В наследство как благороднейший способ
Для воспитания нашей юности, в письмах, оружии,
В красивой манере поведения, в гражданских беседах, в упражнениях,
И во всем, что касается джентльмена?
Где он может научиться прыгать, фехтовать,
Изящно двигать телом, говорить
На чистом языке; или обратить свой ум
Или манерам в гармонии природы.
Чем в этих питомниках благородства?
Ведущий. Да, это было тогда, когда ясли сами по себе были благородными.
И только добродетель делала его, а не рынок,
Что титулы не продавались под барабанный бой
А под общий крик; доброта давала величие
И величию поклонялись; каждый дом стал
Академией; и эти части
Мы видим в практике теперь.

Совсем не в институте.

Ловел. Почему вы так говорите?

Или завидуете? Разве они еще не

Учиться мастерству Кентавра, искусству Фракии,

ездить верхом? Или тайне Поллукса - фехтовать?

Жесты Пиррика, как стоять, так и пружинить.

В доспехах, чтобы быть активным на войне;

Изучение фигур, чисел и пропорций

Могут дать им великие советы и искусства:

Чтоб английский язык был им мил,

как говорит Чосер?

ПЯТНАДЦАТЬ:

[1] Т.е. Гильдией Всех Душ, Братством Пресвятого Таинства и т.д.

[2] *Paro* = одежда в техническом смысле.

[3] Это был совет по совершенствованию. Бедели, безусловно, получали плату (см. ниже).

[4] Тем не менее, факт, что высшие сановники Церкви - например, кардинал Поул - изображаются с бородами, а сам святой Бенедикт изображен с этим мужественным придатком!

[5] Эти прошения взяты из большой и ценной коллекции, переведенной мисс Люси Тулмин Смит и включенной в сборник *"Collectanea"* (третья серия) Оксфордского исторического общества. Они скопированы в том виде, в каком она их приводит; но любопытно, что опытная леди спотыкается на слове *"brais"*, для которого она предлагает в качестве перевода "руки", очевидно, думая о *бюстгальтерах* и совершенно забывая, что *braies* по-французски означает "бриджи".

[6] В 1334 году несколько мастеров и ученых переселились в Стэмфорд и попытались основать там университет. Это событие известно как Стэмфордский раскол.

[7] Считается, что Кембриджский университет был основан в результате переселения из Оксфорда в 1209 году. Относительное место, отведенное в данной работе Оксфорду как типичному английскому университету Средневековья, может быть оправдано некоторыми словами г-на Блэкистона: "Кембриджский университет, занимая менее центральное и более нездоровое положение и имея менее могущественных покровителей, не соперничал в популярности и привилегиях со старшим обществом до шестнадцатого века. Он даже не был официально признан, пока не получил лицензию Папы Иоанна XXII. в 1318 году..... Оксфордские школы славились как "основной продукт" в то время, когда Кембридж был знаменит только угрями".

[8] Общий сержант долгое время был для города тем же, чем королевский сержант был для короны. Назначение на эту должность возлагалось на Суд общего совета, а до 1824 года было принято избирать старшего из общих адвокатов в суде мэра. Изначально он был скорее адвокатом, чем судьей. Эта должность восходит, по крайней мере, к началу XIV века и упоминается в городских записях того времени.

[9] Эта и другие приведенные молитвы переведены из "Formulæ Liturgicæ", опубликованной Генглером и Розьером и включенной в "Избранные документы" Хендерсона (Белл).

[10] В "Dialogus de Scaccario" содержится следующий легендарный рассказ о происхождении этого обычая, который, как и многие другие, был англосаксонским обычаем, сохранившимся и при норманнах:

"В первобытном состоянии королевства после завоевания те, кто остался из англосаксонских подданных, тайно устраивали засады для подозрительной и ненавистной расы норманнов, и то тут, то там, когда представлялась возможность, тайно убивали их в лесах и в отдаленных местах: В отместку за это, когда короли и их министры в течение нескольких лет с изощренными пытками свирепствовали над англосаксами, а те, тем не менее, не отступились от этих мер, был принят следующий план: так называемая "сотня", в которой находили убитого таким образом норманна, когда виновника его смерти не могли найти, а из его бегства не было ясно, кто он, должна была быть осуждена на большую сумму проверенного серебра для фиска; некоторые действительно доходили до *l.*36, некоторые - до 44 фунтов, в зависимости от различных местностей и частоты убийств.

"И говорят, что это делается со следующей целью, а именно: чтобы всеобщее наказание такого рода могло обезопасить прохожих и чтобы каждый человек поспешил наказать столь великое преступление и предать правосудию того, через кого на всю округу обрушился столь огромный ущерб" - Henderson's "Select Documents", p. 66.

[11] В норманнские времена прокурор получал *двойную* компенсацию из имущества осужденного вора; остальное его имущество отходило королю.

[12] За исключением вопросов наследования. См. с. 219.

[13] "Обычные городские сделки" были правилом и в Дублине.

[14] Это и все последующие свидетельства, за редким исключением, были взяты из приложений к отчетам Комиссии по муниципальным корпорациям 1835 года; и маловероятно, что выявленное таким образом положение вещей продолжает существовать во всех случаях.

[15] "Очевидные полосы на общем пахотном поле" (Каннингем).

[16] Трудно оценить пропорцию между кабальными и свободными; Сибом считает, что первые составляли основную часть населения.

[17] Для возделывания демесне, возможно, использовалась четвертая часть всего поместья.

[18] В наших нынешних рамках невозможно определить относительные обязанности этого грозного набора офицеров и слуг, хотя материалы для этой задачи имеются, в частности, в "Книге приказов и правил" Энтони виконта Монтегю, напечатанной в томе vii "Сассекских археологических коллекций". Из нее мы узнаем, что стюард должен был вести "идеальный учет" домочадцев и слуг его светлости, чтобы "с большей уверенностью определять пропорции ливрей и значков для них". Старшины-официанты сопровождали своего

господина на улицах Лондона и за его столом в своих ливреях, с красивыми шпагами или рапирами на боку; так же было принято в стране на торжественных праздниках Рождества, Пасхи и Уитсантида, а также в других особых случаях. Когда лорд и леди отправлялись в путешествие, стюард и все высшие члены семьи ехали непосредственно перед ними, а джентльмены-ашеры возглавляли кавалькаду по городам и весям с обнаженной головой.

Эта книга была сокращена, чтобы уместить ее в рамки данной серии.

Отпечатано в Великобритании компанией Jarrold & Sons, Ltd., Norwich.